

С. Ю. Данилов

ИСТОРИЯ КАНАДЫ



ВСЬ
МИР

Annotation

В книге удачно сочетаются глубина проникновения в политические и социально-экономические процессы, протекавшие в канадском обществе на протяжении всех четырехсот лет его существования, и живое, увлекательное описание наиболее характерных черт канадского национального характера и образа жизни. Автору удалось показать, как из бесправной колонии Франции и Англии страна превратилась в одну из наиболее развитых держав мира, члена группы G-8. Прослеживаются наиболее важные аспекты российско-канадских отношений, в том числе и эпизоды, связанные с именем одного из наиболее ярких политиков Канады Пьера Элиота Трюдо, которому автор посвятил свою книгу.

Издание будет интересно не только специалистам, но и всем тем, кого занимает история, политическое устройство и культура Канады.

-
- [С.Ю. Данилов](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Хронология](#)
 - [Премьер-министры Канады](#)
 - [Библиография](#)
-

С.Ю. Данилов

ИСТОРИЯ КАНАДЫ



Вместо предисловия

Памяти Пьера Эллиота Трюдо

У любого народа есть пословицы и поговорки. Одна из канадских поговорок гласит: «У нас слишком много географии и слишком мало истории». Сейчас уже трудно определить ее автора — изречение приписывают сразу нескольким личностям. Но оно метко отражает одну из фундаментальных особенностей развития нашего северного соседа.

Канада огромна — в территориальном плане она на всем земном шаре уступает только нашей стране. География Канады ошеломляет богатством и разнообразием — от Северного полюса до полупустынь, от белых медведей до тропической колибри. А вот история страны на первый взгляд может показаться если не унылой, то по крайней мере ненасыщенной.

При рассмотрении событий канадской истории слишком часто приходится использовать отрицательную частицу «не». Страна не знала грандиозных военных баталий с тысячами погибших. Ей остались незнакомы великие, глобального характера политические потрясения — перевороты, революции. Здесь уже свыше двухсот лет не страдают от иностранных нашествий и никогда не было насильственного прихода к власти.

Канадской истории в сравнении со странами Старого Света ощутимо не хватает протяженности, древности. У страны не было ни античности, ни средневековья.

Человеческий капитал, которым обладает Канада, невелик. Даже на сегодняшний день канадцев только около 30 миллионов. Их меньше, чем например испанцев или поляков, гораздо меньше, чем немцев или итальянцев и в 8 раз меньше, чем американцев.

Канада не считается первой величиной ни в мировой политике, ни в экономике, ни в культурной жизни человечества. Новости из Канады не часто оказываются на первом канале телевидения и на первых полосах газет. Исключение, вероятно, составляют спортивные передачи.

И чем же может быть интересна история подобной страны?

Оказывается, многим.

Например, ранним складыванием правового демократического государства. Равенство перед законом, налаженное судопроизводство, выборность муниципалитетов и legislatures, свобода мнений, незыблемость законно приобретенной собственности утвердились в стране уже в XIX столетии. Даже во время единичных народных восстаний Канада не знала глумления победителей над побежденными, зверской резни, массовых казней.

Канадское общество вовремя — свыше ста лет назад — выработало сбалансированную партийно-политическую систему, которая без особых изменений дожила до конца XX века.

История страны характеризуется миролюбием канадцев. Канадское государство никогда не было агрессором. Канада так или иначе участвовала в различных вооруженных конфликтах, но не испытывала при этом милитаристского угара и не устраивала пышных, парадных триумфов. И дело тут не только в малонаселенности страны. Истории известно не так уж мало малонаселенных государств, прославившихся воинственностью (Спарта, средневековые Дания, Испания, Португалия, бесчисленные восточные султанаты и др.). Канадское общество привыкло полагаться не на военное насилие, а на правовые способы регулирования межгосударственных и межчеловеческих отношений. Отсюда, между прочим, и

низкий уровень преступности в канадских городах и селах.

Канадское общество сумело поэтому почти бескровно превратиться из бесправной колонии в современное суверенное государство, в котором стремятся обосноваться сотни тысяч иммигрантов. Оно без спешки, в процессе общественной эволюции построило и сохраняет демократическое федеративное государство, тогда как целый ряд других федераций на наших глазах перестал существовать (Чехословакия, Югославия, Объединенная Арабская Республика, Сенегамбия, Индонезия, Мали и т. д.).

Предлагаемая книга — это рассказ, КАК и ПОЧЕМУ канадцам удалось или удастся делать то, что пока не удастся многим другим народам — сочетать экономическое благосостояние с политической демократией, а уважение к чужому мнению — с неукоснительным исполнением законов.

Глава 1.

Эскимосы, индейцы, европейцы

Страна иммигрантов. — Кто же тут абориген? — Первопроходцы с Азиатского материка. — Судьба викингов. — Что означает слово «Канада»? — От Картье до Людовика XV. — Пушнина вместо алмазов. — К Мексиканскому заливу? — Семилетняя война. — Монкальм против Уолфа. — Парижский мир.

Канаду (как и США) часто называют «нацией иммигрантов». Действительно, многие поворотные пункты канадской истории неразрывно связаны с иммиграцией, т. е. с появлением в стране потоков людей извне. Заселение человеком Земли начиналось с Африки и Азии. Северная Америка, в которой находится нынешнее Канадское государство, долго оставалась безлюдной. Современные археологи и этнографы полагают, что около 25–30 тыс. лет назад часть азиатских племен в поисках лучших жизненных условий перешла по льду Берингов пролив и оказалась на Американском материке. Так было положено начало расселению на территории будущей Канады эскимосов и индейцев.

Эскимосы — родственники наших чукчей и эвенков — остались верны ледяным просторам Арктического архипелага. Они научились жить в гармонии с полярной природой. Индейцы, родственные камчадалам и якутам, двинулись в умеренные широты и за несколько тысяч лет заселили большую часть материка. Они отдали предпочтение степям (прериям) и смешанным лесам, в

том числе землям у Великих озер и Атлантическому побережью, с его наиболее мягкой в Канаде зимой. Часть индейцев около 7000 г. до нашей эры даже перебралась на Ньюфаундленд, находящийся ближе к Европе, чем к Азии.

Ко времени появления европейцев в Новом Свете индейцев и эскимосов на территории нынешней Канады насчитывалось порядка 100 тыс. человек. Росту их численности препятствовали межплеменные войны и эпидемии.

Среди индейских племен сильнейшими считались ассинибойны, атапаски и кри в прериях, алгонкины, ирокезы и гуроны — в лесах, алгонкины, микмаки и беотуки — на Атлантическом побережье, нутка — на Тихоокеанском. Все индейские племена жили в условиях безгосударственной военной демократии — родовым строем. Даже племенные союзы, из которых впоследствии вырастут государства, у североамериканских индейцев не успели сложиться. Письменности они не знали, и постоянных поселений у них тоже не было — почти все племена были кочевыми. Чаще всего индейцы селились у рек или озер, иногда многолюдными деревнями (Маникуагуан, Миссисога, Стадакона, Хочелага, Торонто, Ошава), но со временем, особенно после стихийных бедствий, они без сожаления покидали их и переходили на новые богатые дичью, еще не освоенные места.

У индейцев выработалась племенная сплоченность и ряд полезных хозяйственных навыков. Они были прекрасными охотниками и рыболовами, умели бережно расходовать природные ресурсы. Поражает их богатое устное творчество. Они умели составлять карты местности (обычно рисовали на земле или на снегу). На основе религиозных верований у индейцев зародились элементарные нормы обычного права. Наиболее уживчивыми и способными к сосуществованию с

другими племенами были алгонкины. Им удалось установить устойчивые мирные связи с частью ирокезов и гуронов.

Но в целом эскимосская и индейская цивилизации за десятки тысяч лет не вышли из рамок первобытного общества. При их несомненных сильных сторонах (гармония с природой, экономическое внутриплеменное равенство, отсутствие стяжательства, погони за выгодой и т. д.) эти цивилизации, основанные на первобытных сельских ценностях, оставались в высшей степени консервативными. Индейцы были органически не в состоянии перейти к формам частной собственности, товарно-денежных отношений и правового государства. Принципы мирного сосуществования с другими народами оставались малопонятными очень многим индейским племенам. Эскимосы отличались большим миролюбием, но их было крайне мало. Поэтому во взаимодействии с европейской цивилизацией индейцы и эскимосы были обречены на отступление.

Впервые европейцы достигли пределов нынешней Канады на рубеже X и XI вв. нашей эры. Это были мореходы и воины из Скандинавии — викинги (норманны, варяги). В скандинавских хрониках есть указания на путешествие двух предводителей норвежских викингов — Эрика Рыжего и его сына Лейфа Счастливого с небольшой дружиной — в некую заморскую страну Винланд (страну винограда), лежавшую гораздо западнее Европы. Сведения эти долгое время считались малодостоверными, даже мифическими. До XIX в. предполагали, что викинги на небольших утлых ладьях чисто физически не могли пересечь океан, и Винландом считались Исландия или Гренландия. Но там не растет виноград, и поэтому сагу об Эрике и Лейфе считали выдумкой.

Только археологические экспедиции двадцатого столетия, норвежские и шведские, позволили восстановить подлинную картину событий. Многие сведения средневековых хронистов подтвердились. Сначала на Атлантическом побережье Канады в Ньюфаундленде была раскопана временная стоянка викингов начала XI в. Были обнаружены орудия труда европейского происхождения. Позже следы пребывания норвежских первопроходцев были найдены в приморских местностях современных Квебека и Новой Шотландии. Ныне считается полностью доказанным, что Эрик и Лейф были реальными фигурами и фактическими первооткрывателями Америки, а следовательно, и Канады. Их плавания относятся к 986–1020 гг.

Опорным пунктом норвежцев была Гренландия, находящаяся в нескольких неделях пути от Ньюфаундленда. Проведенные современными учеными и моряками навигационные испытания скандинавских драккаров, на которых путешествовали викинги, показали их отличные мореходные качества. Что же касается винограда, то климатологи установили: в начале нашей эры климат Северного полушария был гораздо теплее, чем сейчас, и в отдельных местностях Атлантического побережья Канады вполне мог произрастать дикий виноград.

Экспансия викингов в Северную Америку первоначально была весьма успешной. Норманны недаром славились бесстрашием и целеустремленностью. Гранитные утесы, фиорды и густые леса напоминали им родную Скандинавию. Следы проникновения норвежских колонистов обнаружены даже в окрестностях Великих озер. Однако вскоре они натолкнулись на труднопреодолимые препятствия. С XII–XIII вв. в Северном полушарии начинается долгосрочное похолодание. Граница арктических вечных льдов и сфера распространения

айсбергов угрожающе сдвинулась к югу. Колонисты постепенно лишились связи — сначала с Норвегией, а затем с Гренландией. Они перестали получать пополнение извне.

Кроме того, необузданность и вероломство норманнов, ориентированных на насилие, не позволили им найти общий язык ни с эскимосами Ньюфаундленда, ни с индейцами Новой Шотландии. Смешанных браков не заключалось, почвы для хозяйственной и бытовой взаимопомощи не возникло. Зато, судя по данным раскопок, между колонистами и туземцами очень часто происходили военные столкновения. Задавить же местное население численностью викинги не могли: их было от силы несколько сотен (а возможно, всего несколько десятков) человек. К тому же у них не было огнестрельного оружия и пороха. Они даже не были христианами. Есть основания считать, что они стояли примерно на такой же ступени общественного развития, что и индейцы. Все это привело к тому, что малочисленные наследники Лейфа Счастливого к середине XIV в. исчезли с лица земли, не оказав никакого влияния на последующее развитие страны.

Первая волна европейской иммиграции на канадскую землю была почти бесследно поглощена Новым Светом. Не повлекло за собой заметных последствий и посещение берегов Канады в конце XIV в. одним из шотландских феодалов — графом Оркнейским, судно которого было занесено бурей далеко на запад. Новооткрытую землю он и его спутники назвали Акадией — в честь древнегреческой Аркадии, в которой, по преданию, царили довольство и счастье.

Ученые полагают, что шотландцы побывали на побережье современного Нью-Брансуика. К этому времени после гибели последних норвежских колонистов прошло около 50 лет. В отличие от викингов Оркней не попытался основать на неведомой земле

даже временного поселения, а сразу же повернул назад, на родину. Впрочем, сведениям о его путешествии не хватает достоверности. Несомненно другое — со времен викингов в Европе сохранялись смутные и отрывочные сведения о таинственных землях за Атлантическим океаном. Некоторые из них, вероятно, были известны Колумбу, совершившему свое знаменитое плавание 1492 г., которое мы по традиции именуем «открытием Америки».

Открытие Колумба значительно ускорило проникновение европейцев в Новый Свет, что существенно повлияло на историю Канады. Времена неграмотных и никому не подчиненных дилетантов-первопроходцев уходили в прошлое. На смену им шли хорошо оснащенные флотилии во главе с капитанами, наделенными полномочиями правительств на исследование и захват новых земель. Путешествия XVI в. облегчались некоторым потеплением климата, сделавшим природные условия Северной Атлантики менее суровыми.

Через пять лет после Колумба другой выходец из Италии — Джиованни Кабото (Джон Кабот), служивший британскому королю Генриху VII и возглавивший экспедицию из пяти небольших судов, в поисках Северо-западного прохода достиг Ньюфаундленда и частично обследовал омывающие его воды. Здесь Кабот обнаружил богатейшие рыбные ресурсы. Вскоре он пропал без вести в Северной Атлантике — в Бристоль в 1499 г. вернулось только одно судно. Предполагают, что флагманский корабль Кабота разбился на ньюфаундлендских скалах.

Кабот стал первым «патентованным» мореплавателем, ступившим на землю современного Канадского государства. Название «Ньюфаундленд» (новая найденная земля) было дано им. Но экспедиция Кабота так и не определила, открыт новый остров или

материк. А поскольку Ньюфаундленд в дальнейшем долго не являлся частью Канады, то и Кабота обычно считают первооткрывателем только этого острова, а не всей страны.

Сырой, туманный и скалистый Ньюфаундленд не оттолкнул европейцев, а напротив, разжег их аппетиты. У эскимосов и индейцев они узнали о близлежащей «большой земле» — Сагенее, богатой драгоценными камнями. В 1508 г. сильно искаженные очертания Атлантического побережья Канады впервые появились на тогдашних картах земного шара.

По следам Кабота к новым землям устремились другие экспедиции. В этом состязании Англия временно отстала — непрочно сидевший на троне Генрих VII был осторожен, бережлив и не хотел ввязываться в заокеанские авантюры. Вперед вырвалась Португалия, находившаяся тогда в зените могущества. В числе других исследователей в обследовании Ньюфаундленда и Лабрадора приняли участие видные португальские навигаторы братья Кортереаль (позже пропавшие без вести в Северном Ледовитом океане). Португальские рыбаки вскоре развернули промысел на Ньюфаундлендской банке и стали возникать на острове поселения под португальским флагом. С Лиссабоном соперничал Мадрид — баскские рыбаки и покровительствовавшие им вельможи строили планы присоединения Ньюфаундленда.

Чуть позже в борьбу вступила Франция. В 1534 г. честолюбивый и расточительный король Франциск I, мечтавший пополнить государственную казну, дал бретонскому мореплавателю капитану Жаку Картье (1491–1557) патент на плавание в Новый Свет. Имевший богатый опыт океанских плаваний, Картье получил под командование флотилию — три хорошо вооруженных судна: «Большая Эрмина», «Малая Эрмина» и «Эрмильон». Целью экспедиции значилось достижение

золотых приисков в Восточной Азии, где должна была находиться страна Сагеней. Другими словами, через несколько десятилетий после открытий Колумба в Западной Европе по-прежнему не имели точных сведений о том, что путь в Азию преграждает колоссальный Американский континент.

Картье был методичнее и удачливее Кабота. Его экспедиция, обследовав берега Ньюфаундленда, установила, что это не часть материка, а большой остров. Используя в качестве опорного пункта Ньюфаундленд, флотилия Картье двинулась на юго-восток, обследовала глубоко врезавшийся в сушу большой морской залив и обширный остров, названный островом Святого Иоанна. Затем мореплаватели обнаружили устье многоводной реки и, преодолев опасные отмели, поднялись вверх по ее течению на несколько сотен миль до большой индейской деревни Хочелаги.

Терпимое отношение французского капитана к индейцам позволило его экспедиции избежать вооруженных конфликтов с ними и получить сведения о месторождениях золота и алмазов в глубине страны. При помощи индейцев удалось получить и образцы алмазов. В общей сложности первая экспедиция Картье проникла в глубь Америки на целых 1500 километров. Подъем французского знамени, сооружение большого деревянного креста и объявление власти французского короля над краем 14 июля 1534 г. прошли без осложнений.

Капитан Картье и его спутники, естественно, хотели узнать, как называлась страна, в которую они прибыли. При каждой встрече с местными жителями Картье, обводя горизонт рукой, пытался узнать ее название. Но ответа так и не получил. В индейских наречиях не было отвлеченных географических и политических понятий, уже привычных европейцам. Гуроны, алгонкины и

ирокезы не знали, что такое страна или государство. А родную деревню с округой они обозначали словом «каната». Французы же приняли это часто повторяемое индейцами слово за название страны. И по возвращении на родину в 1536 г. Картье доложил королю об открытии большой страны Канады, богатой алмазами. Канадой Картье назвал и самую многоводную из тех рек, на которых побывал.

Король Франциск I и его вельможи ничего не имели против диковинного названия открытой страны. Но привезенные капитаном алмазы вызвали раздражение и гнев — на поверку они оказались пиритами и кварцем. Французский язык пополнился поговоркой: «Фальшив, как канадский алмаз». Не разбравшийся в минералах капитан Картье пытался сохранить расположение короля и двора. Его вторая экспедиция в Канаду в 1541–1542 гг. сопровождалась основанием поселения Шарльбур-Ройяла возле Стадаконы. На сей раз над Картье уже поставили начальника-аристократа — Жозефа де Роберваля. Но нехватка припасов и эпидемия цинги вскоре привели к гибели доброй четверти поселенцев и к отплытию выживших во Францию (1543). Шарльбур-Ройял был оставлен. Золота или алмазов французы снова не обнаружили.

В дальнейшем де Роберваль пал одной из первых жертв французских религиозных войн. Картье же лишился милости монарха, вынужден был оставить службу и уехать к себе в поместье, а составленные им карты Канады (весьма неточные и несовершенные, основанные на рассказах и рисунках туземцев) затерялись. Тем не менее именно Жак Картье вошел в историю в качестве первооткрывателя Канады.

Между тем Франция вступила в полосу религиозно-феодальных войн, которые надолго лишили французское правительство не только намерений, но и возможностей присоединять земли Нового Света. Только

бретонские рыбаки — земляки Жака Картье начиная с 1550 г. продолжали несанкционированное освоение отдельных бухт Ньюфаундленда, развивая контакты с индейцами-микмаками и беотуками. У индейцев бретонцы с успехом выменивали свежую рыбу на пушнину.

Завершивший усобицы король Генрих IV был настроен на возобновление заокеанской экспансии. Учрежденная в его правление по голландскому образцу привилегированная Ост-Индская компания в 1603 г. снарядила в Северную Америку экспедицию Сьера де Монта (администратора) и Сэмюеля де Шамплейна (ученого-картографа) с заданием основать французские поселения и утвердить над территорией власть Франции. Третьим по значению в экспедиции был географ и языковед-переводчик Этьен Брюль. Экспедиция проработала добрых полтора десятилетия. Сначала французы исследовали побережье нынешних северо-восточных штатов США, затем — берега Акадии (теперешней Новой Шотландии и Нью-Брансуика). Акадия с ее мягким климатом и многочисленными удобными бухтами понравилась французам, и здесь в 1605 г. они основали первое постоянное поселение европейцев, назвав его Порт-Ройялом (королевским портом). Порт-Ройял стал опорным пунктом французского флота. Затем французы вошли в реку, ранее обследованную Картье, и дали ей новое название — в честь Святого Лаврентия. Немного выше впадения реки в океан на месте покинутого к тому времени индейцами стойбища Стадаконы в 1608 г. они основали мехоторговое поселение, унаследовавшее устоявшееся индейское название «Квебек» (речная узость).

В фактории обосновались 28 колонистов. Сначала они жили в наспех возведенных деревянных жилищах. Построенное через несколько лет первое (долгое время и единственное) каменное здание Квебека было очень

неказистым и тесным. Оно имело два низких этажа и небольшую сигнальную башню.

По настоянию Шамплейна, имевшего задатки политика и дипломата, и при содействии Брюля французы заключили союз с несколькими местными племенами — гурунами, монтанами и оттавами. Они интересовали французов как поставщики пушнины. Индейцы, по отношению к которым поселенцы не применяли насилия, охотно пошли на союз. Безопасность подступов к пока не защищенному Квебеку была на короткое время гарантирована. Шамплейн и Брюль стали первыми после викингов европейцами, проникшими далеко в глубь Американского континента и пробывшими там значительное время — в общей сложности более двадцати лет. В отличие от викингов у них были и прочный тыл, и союзники. По реке Святого Лаврентия, а затем по другой реке — Оттаве они с индейцами в качестве проводников и носильщиков добрались до Великих озер, где продвинулись вплоть до Джорджиен-Бея.

Исследования часто прерывались военными столкновениями. В силу союзных обязательств французы должны были участвовать в войнах гурунов и монтаней против ирокезов. Сражаться пришлось и ученым. Облаченный в доспехи Шамплейн однажды собственноручно застрелил из аркебузы двух ирокезских вождей. Брюль в ходе жестоких схваток в лесах попал к индейцам в плен и был подвергнут ритуальным пыткам, но затем отпущен. Мощь европейского огнестрельного оружия принесла малочисленным французам как военные, так и политические успехи. Количество союзных французам племен стало возрастать.

Вернувшись во Францию уже при следующем монархе — Людовике XIII, Шамплейн опубликовал вполне достоверные карты «Новой Франции» (название страны,

данное капитаном Картье, географу не нравилось). В отчете о Новой Франции, поданном Королевскому совету в 1618 г., он высказался за колонизацию страны, предсказав ей многообещающие экономические перспективы — торговые, аграрные и даже промышленные. Правительство прореагировало только через десять лет — в 1627 г. кардинал Ришелье приказал купцам образовать «Новофранцузскую компанию», а Шамплейна назначил лейтенантом (наместником) Новой Франции. Компания обязывалась довести население колонии как минимум до 300 человек. В Квебек Ришелье направил небольшой гарнизон. Правительство метрополии таким образом утвердило проект дальновидного ученого и помогло ему войсками, но отказало в прямой финансовой поддержке и не взяло на себя ответственности за судьбу колонии.

Чиновники Новофранцузской компании и лейтенант новой колонии едва успели прибыть в Квебек, как разразилась англо-французская война 1628-1631 гг. Англичане во главе с предприимчивым ньюфаундлендским губернатором Кирком (французы упорно считали его пиратом) перехватили шедшую из метрополии в Квебек французскую флотилию с провиантом в открытом море. Затем они высадились в Новой Франции и блокировали отрезанный от метрополии, неукрепленный и страдающий от нехватки продовольствия Квебек, в котором насчитывалось всего несколько сотен обитателей, главным образом солдат. Положение французов усугубилось изменой Этьена Брюля — считая себя обойденным по службе, талантливый первооткрыватель перешел на сторону англичан. В 1629 г. войска Кирка принудили изможденный голодом квебекский гарнизон с Шамплейном к сдаче.

Новая Франция была, однако, спасена успехами французского оружия в Европе — под Ла-Рошелю и в

Бискайском заливе. По условиям мира Кирк покинул захваченную у французов территорию; позже он был обвинен в финансовых злоупотреблениях, отозван из Ньюфаундленда и посажен в тюрьму. Брюль бежал на территорию гуронов («Гуронию»), где пропал без вести (скорее всего, был убит индейцами). Освобожденный из плена Шамплейн возглавил восстановление опустошенной колонии, но болезнь и смерть в 1635 г. прервали деятельность человека, заслуженно названного отцом-основателем Новой Франции. По его замыслу в 1642 г. капитан Поль де Мэзоннев возле оставленной индейцами Хочелаги основал Монреаль.

Население колонии росло крайне медленно. К 1640 г. в Новой Франции (включая Акадию) проживало около 300 французов, главным образом солдат, мехоторговцев и священников, к 1660 г. — около 2,5 тысяч. Это было много меньше, нежели в американских владениях Испании, Голландии или Англии. Поэтому приходилось опасаться захвата малонаселенной колонии англичанами из Массачусетса или голландцами из Нью-Йорка. Да и купеческих капиталов явно не хватало для освоения огромных территорий от Атлантики до Великих озер: медленно развивавшаяся французская буржуазия не обладала такими денежными ресурсами, как голландская или английская.

Управленческих навыков нормандским и бретонским предпринимателям пока тоже не доставало. Никому не подчинявшаяся и не подотчетная Новофранцузская компания правда, пыталась руководить колонией, но она находилась в метрополии, к тому же между ней и колонией находилась целая сеть дочерних компаний. Подобная система не оправдывала себя. В Новой Франции обрабатывалось менее 1% земель (шесть гектаров!). Не было ни школ, ни крепостей, ни ремесел, ни церковной епархии. Купечество из Новофранцузской компании это не огорчало — оно получало солидные

барыши, скупая пушнину у индейцев. Но духовенство и офицеры Квебека просили метрополию о помощи.

В метрополии осознали опасность утраты с трудом основанной колонии. Ставший к этому времени министром «короля-солнца» Людовика XIV крупный администратор и экономист Жан Кольбер настоял на переводе Новой Франции под прямое управление правительства (1663). Она отныне становилась коронной колонией. Известие об этом в Квебек было поручено доставить одному из видных деятелей Новой Франции — землевладельцу и офицеру Пьеру Буше, носившему звание «сеньора Монреаля».

Кольбер и его уполномоченные много сделали для укрепления безопасности Новой Франции и организации деятельности колониальной администрации. В колонию прибыли королевские чиновники (нотариусы, сборщики налогов, судьи, прокуроры, землеустроители) во главе с губернатором и интендантом. В Новую Францию стали регулярно заходить не только торговые суда, но и суда французского военного флота (Кольбер был по совместительству морским министром). Появились офицеры регулярных вооруженных сил, в том числе в генеральских чинах.

Колония усилиями Кольбера приобрела стройную систему управления. Губернатор, обычно знатного происхождения, был верховным правителем. Его власть была ограничена только властью монарха. Подчиненный непосредственно королю, губернатор руководил внешними сношениями колонии, распоряжался войсками, созывал ополчение. Он мог отменить любой судебный приговор, вынесенный в Новой Франции. Губернатор, следовательно, был главой государства в миниатюре.

Интендант, назначавшийся из лиц незнатного происхождения, подчинялся морскому министру в Париже и был вторым в колонии лицом — после

губернатора. Он контролировал текущую работу чиновников, управлял колониальными финансами, отвечал за прием иммигрантов и их расселение. Он же следил за законностью, исполняя обязанности главного прокурора. Интендант издавал декреты, в том числе и за собственной подписью, возглавлял Высший совет Новой Франции, игравший роль колониального апелляционного суда. В целом полномочия интенданта, по тогдашним понятиям, были аналогичны полномочиям первого министра метрополии. Как губернатор, так и интендант назначались и смещались по усмотрению монарха и морского министра. В XVII в. губернатор иногда руководил колонией без интенданта. В следующем столетии подобных случаев не отмечалось. Но так или иначе вся ответственность за положение колонии лежала на губернаторе.

Губернаторами и интендантами обычно назначали способных и энергичных чиновников. Таковы, например, были губернаторы маркиз Жорж де Треси (1663-1672) и граф Луи де Фронтенак (1672-1698) и интендант Жан Талон (1662-1672).

Под руководством Треси и Фронтенака военные возвели в Квебеке цитадель, превратив почти беззащитную ранее торговую факторию в неприступную крепость. При сооружении цитадели были искусно использованы холмы, на которых строился город Квебек. Затем в Акадии по канонам видного военного деятеля маршала Себастьяна Вобана возвели еще одну более мощную крепость — Луисбур, ставшую «ключом к Квебеку» и «американским Гибралтаром». Подобных крепостей не было тогда во владениях соседних колониальных держав — Голландии и Англии.

Прибытие регулярных войск и флота было весьма кстати. Во время очередной англо-французской войны (1689-1697) английская эскадра с десантом на борту снова вошла в реку Святого Лаврентия и атаковала

Квебек (1690). В отличие от 1629 г. оборона города прошла успешно. В крепости было достаточно запасов. Гарнизон находился в полной боевой готовности, вовремя удалось собрать ополчение. На предложение англичан сдать крепость Фронтенак заявил: «Вместо меня ответят мушкеты и пушки». После ожесточенной канонады подбитые английские корабли отступили. Повторное нападение было сорвано слухами о скором прибытии французского флота под руководством одаренного адмирала Анри де Турвилля, известного своими победами над англичанами. Созданная Кольбером и Турвиллем морская мощь Франции надолго обезопасила долину реки Святого Лаврентия от ударов с моря.

На суше всю вторую половину XVII в. шла Ирокезская война, перевес в которой первые двадцать лет был на стороне ирокезов, временами доходивших до Хочелаги и штурмовавших ее. Ирокезы получали огнестрельное оружие и припасы у английских губернаторов и колонистов Массачусетса, Нью-Йорка и Пенсильвании. Многие союзные Франции племена были разбиты, часть только что основанных деревень сожжена, жители вырезаны. Несколько священников, взятых в плен и не отрекшихся от Христа, ирокезы после пыток сожгли живьем. Так погиб, в частности, миссионер Жан де Бребеф, проповедовавший христианство у Великих озер. О напряженности боев и об опасном положении Новой Франции впоследствии напоминали мемориальные доски такого содержания: «На этом месте Трюдо и Ланжевен-Лакруа выстояли против полусотни ирокезов».

Равновесие сил на суше наступило только к 70-м годам XVII в. В последующие двадцать лет французам удалось окончательно консолидировать свою базу поддержки среди уцелевших гуронских племен, физически истребить значительную часть ирокезов и

изгнать оставшихся с квебекской территории. В 1701 г. ирокезы заключили с губернатором Новой Франции мир на условиях ненападения на колонистов. Поскольку губернатор ничего не обещал ирокезам, они в дальнейшем отступили на юго-запад — в долину Огайо, продолжая оставаться союзниками англичан.

Победы над ирокезами повлекли за собой значительное расширение французской сферы влияния в Новом Свете. Миссионеры и исследователи из Новой Франции, значительно опередив английских конкурентов, занятых захватом Атлантического побережья, проникли в первой половине XVIII в. далеко в глубину Американского материка. На западе они добрались до Верхнего озера и до отрогов Скалистых гор, а на юге — до субтропиков устья Миссисипи и Мексиканского залива.

Разведанную колоссальную территорию, на которой позже разместилось около десяти американских штатов (Огайо, Висконсин, Иллинойс, Вайоминг, Миссури и другие) в 1700 г. нарекли в честь «короля-солнца» Луизианой. Французские первопроходцы основали целый ряд новых поселений. На картах Нового Света появились Де-Труа (позже ставший Детройтом), Сан-Луи (превратившийся впоследствии в Сент-Луис), Форт-Дюкен, Фронтенак, Батон-Руж, Новый Орлеан. По праву первооткрывателя Франция заявила о притязаниях на всю долину Огайо — реки, обеспечивающей удобный путь из Квебека к Миссисипи и далее к Мексиканскому заливу.

Большую часть исследовательской работы выполнили выдающиеся географы во главе с армейскими офицерами Пьером де Ла Верендре (1685–1749) и его сыном Луи-Жозефом де Ла Верендре (1717–1761), ставшими учеными. И укрепление Новой Франции, и расширение ее границ, и изучение континента имели разумеется большое значение. Перед Новой Францией

открывались благоприятные перспективы развития. Но ахиллесовой пятой оставался острый недостаток населения.

На первый взгляд это выглядело парадоксом. Метрополия — Франция — насчитывала тогда свыше 20 млн. подданных и была самой населенной страной Европы. Тем не менее она не могла в должной степени обеспечивать огромную неосвоенную территорию иммигрантами. Почему? Население Французского королевства на 96% состояло из крестьян. Франция не знала массового обезземеливания крестьянства. Основная часть французских крестьян была в XII–XVIII вв. прикреплена к земле или к помещику (сеньору) и опутана феодальными повинностями.

Правда, в католической стране насчитывалось несколько сотен тысяч гугенотов (протестантов), находившихся в напряженных отношениях с католическим большинством. Предприимчивые горожане-предприниматели, гугеноты были готовы перебраться за океан, подальше от Парижа и Ватикана. Их прибытие влило бы свежую кровь в жизнь бедной и малонаселенной Новой Франции. Но при дворе Людовика XIV в отличие от его деда и отца, на рубеже XVII и XVIII вв. взяли верх не экономические, а идеологические соображения. Гугенотов стали считать сомнительным, враждебным элементом. В качестве такового им запретили переселение в колонии. Из католиков же почти никто не собирался ехать на край света — в далекую страну с суровыми условиями, одно только путешествие в которую занимало не дни, не недели, а месяцы.

За несколько десятилетий в Новую Францию добровольно отправилось всего около 500 французов — большей частью молодых простолюдинов вроде 16-летнего ларошельского плотника Этьена Трюдо. В свете этого понятны административные меры, принятые

соратниками «короля-солнца» — Кольбером и военным министром Жаном Лувуа с целью расширения человеческого потенциала Новой Франции. Они направили в Квебек часть тех французов, которые находились в полной власти государства — 7 тыс. солдат и тысячу заключенных-уголовников. Их согласия на переезд никто не спрашивал.

Впрочем, этих мер было недостаточно. Тогда правительство обратилось с призывом к дворянскому сословию, обещая наградить переселенцев землями. На призыв за все долгое царствование Людовика XIV откликнулось около 200 мелких дворян главным образом из Бретани и Нормандии. Часть из них привезла с собой в колонию феодально зависимых крестьян-арендаторов. Новоявленных землевладельцев, как и в метрополии, именовали сеньорами. Вместе с ними в Новую Францию «привезли» и структуру феодальных привилегий и повинностей — сеньориальную систему. Только лица дворянского происхождения обладали правом быть земельными собственниками, охотиться где угодно, заводить мельницы, пекарни, голубятни. Впрочем, в отличие от метрополии, привилегии сеньоров не переходили по наследству. Каждому сеньору волей короля были нарезаны обширные земельные угодья — в среднем 7,5 тыс. гектаров. Сеньоры распределяли между арендаторами барщину, назначали и взимали оброчные платежи, подвергали строптивых суду и телесным наказаниям.

Арендаторы — пользователи земельных участков — обязаны были селиться вблизи господского жилища и оказывать сеньору любую помощь, в которой он нуждался. Каждому арендатору полагалось до 30 га земли — гораздо больше, чем в большинстве европейских стран. (Правда, землю еще нужно было очищать от леса и валунов.) Таким образом, определялось, что в каждой деревне должно жить 200-

250 семейств. Свободный выбор крестьянами места жительства и свобода передвижения, уже утвердившиеся в английских колониях, в Новой Франции исключались. Даже размеры населенных пунктов регулировались сверху.

В довершение всего губернаторы с согласия метрополии возложили на поселенцев и военную службу. (Регулярные войска прибывали из метрополии только во время официально объявленных войн.) Каждый арендатор с 16 до 60 лет был военнообязанным, состоял в ополчении и один-два месяца ежегодно проходил военное обучение. Характерно, что служба в ополчении включала и принудительный труд — прокладку дорог, возведение укреплений и церквей, сенокосы и т. д. Метрополия и колониальные власти экономили на практически бесплатном труде ополченцев существенные суммы, сами же ополченцы надолго отвлекались от собственных хозяйств.

Быт рядовых колонистов был почти таким же незамысловатым, скудным и грубым, как и в метрополии. Арендаторы жили в тесных полутемных жилищах вместе со скотом и домашней птицей, одевались в домотканое платье, не знали грамоты, считали на пальцах. С другой стороны, проживание в деревнях вместе с сеньорами укрепляло общинно-коллективные связи и сплоченность. А арендатору, исправно вносившему все платежи, обычай гарантировал право на пользование довольно большим наделом земли. Право вносить оброк натурой облегчало положение арендатора — в отличие от Европы в лесах было много дичи, а реки и озера кишели рыбой. К тому же налоги в колонии были меньше, чем в метрополии. Поэтому общий жизненный уровень рядовых колонистов был в XVIII в. даже несколько выше, чем большинства их собратьев в метрополии.

Перенесенные из-за океана и чуждые остальной Северной Америке институты западноевропейского средневекового общества пустили на канадской земле глубокие корни. Они во многом определили исторические судьбы франко-квебекского общества вплоть до середины двадцатого столетия.

Упрочив спаянность общества, сцементировав в нем коллективистские начала, облегчив колонистам борьбу против индейцев, сеньориальная система одновременно значительно затормозила заселение Новой Франции. Из Европы по-прежнему почти никто не соглашался ехать под власть сеньоров. Малоимущие иммигранты из разных стран стремились в своей массе обосноваться в североамериканских владениях Британии — там, где было мало помещиков и не сложилось системы сеньориальных привилегий.

Но если всеми правдами и неправдами в колонию за десятки лет удалось направить от 8 до 9 тыс. мужчин, то с прекрасным полом дело в ней обстояло сначала совсем плохо. Невесты и жены уклонялись от переселения в Новую Францию, поэтому сюда приезжали почти сплошь холостяки или вдовцы. (Даже жена прославленного Шамплейна несколько раз уезжала — убегала? — от него в метрополию.) Чтобы исправить положение, французское правительство снова прибегло к принудительным мерам. Формально по воле королевы власти устроили облавы в портовых городах, арестовали до 500 молодых проституток, присоединили к ним несколько сотен воспитанниц сиротских приютов (прозванных «королевскими дочерьми») и переправили в Квебек. Всем им быстро нашлись мужья.

И все же к 1680 г. неженатых мужчин в Новой Франции оставалось много, а новых партий «королевских дочерей» не поступало. Многие из прибывших ранее француженок-горожанок тяжело болели и рано умирали в непривычных им сельских и

лесных условиях, лишенных элементарных удобств. Тогда появилось то, что было незнакомо американскому обществу, — смешанные браки. Холостые колонисты стали подыскивать жен среди индейских девушек из дружественных племен. При этом соблюдался весь комплекс католических брачных процедур — молодой человек делал в присутствии племени официальное предложение, невеста затем переходила в католическую веру, затем священник совершал обряд венчания.

Свежий воздух, чистая вода и физический труд способствовали высокой рождаемости. Проблема продолжения рода была таким образом к XVIII в. урегулирована. К 1763 г. население Новой Франции увеличилось по сравнению с 1663 г. в 25 раз, достигнув 75–80 тыс. человек, в основном за счет естественного прироста. Массовые браки с индианками освежили и обогатили генетический фонд франко-квебекцев, увеличили выносливость колонистов, существенно ускорили и облегчили их привыкание к местным условиям. У индейцев колонисты заимствовали обычай носить меховые шубы, шапки, мокасины.

К середине XVIII в. Новая Франция — с ее недолгим летом, трескучими морозами, глубокими снегами, гранитными скалами и студеными озерами — второму-третьему поколению колонистов казалась их родным краем. Прародину — Францию они стали воспринимать как родственную, но все же чужую и очень далекую страну. Себя они называли уже не французами, а «канадьянами» — канадцами. Их язык стал отличаться от французского, правда незначительно. Им были заимствованы отдельные индейские и английские слова.

С преобразованием Новой Франции в коронную колонию в ней развернулось строительство многочисленных церквей и существенно возросло количество католических священников. Духовенству

были выделены значительные земельные владения. В 1674 г. была учреждена квебекская епархия. Первым местным епископом стал Франсуа де Лаваль (1674–1708, с перерывами). Среди прибывших в колонию священников было немало иезуитов, к которым благоволил Людовик XIV и которые сыграли большую роль в распространении колониального владычества в Новом Свете. К ним принадлежал и Лаваль, имевший в иезуитском ордене высокий чин вице-генерала. Самый известный из колониальных интендантов Талон тоже был иезуитом.

Новофранцузские иезуиты взяли на себя миссию распространения христианства среди местных племен. Упорство, невозмутимость и вкрадчивость иезуитов позволили им добиться определенных успехов. К середине XVIII в. небольшая часть молодых монтанов, гуронов и мохауков приняла католичество. Быстрее всего оно распространялось среди индейских девушек, которым очень нравились трогательные рассказы о странствиях и казни Христа и о богоматери. Некоторые индианки даже пошли в монахини (хотя многие затем бежали из обителей).

Подчиняясь тайным указаниям римского папы, Лаваль искал способы ослабить власть французской короны над колонией. С этой целью он в церковной иерархии продвигал уроженцев Новой Франции, открыто отдавая им предпочтение перед присланными из метрополии кадрами. Поступая так, он действовал вразрез с политикой могущественного губернатора Фронтенака, и тот добился отзыва епископа в метрополию. Только при новом губернаторе престарелому Лавалю удалось добиться возвращения в созданную им епархию. Ее клир к этому времени уже состоял преимущественно из выросших в колонии священников. Независимо от истинных замыслов Ватикана и честолюбивых намерений Лавалья, вся эта

история содействовала сближению колониального духовенства с широкими слоями населения.

Духовенство внесло заметный вклад в организацию системы образования в колонии. Правда, образование всецело было религиозным. Основанная Лавалем в 1663 г. квебекская духовная семинария со временем стала Лавальским университетом — первым в Западном полушарии. Вопрос об открытии других учебных заведений в повестке дня не стоял. Школ в колонии по-прежнему не было. Доля грамотных увеличивалась чрезвычайно медленно.

Подавляющее большинство «канадъенов» (впрочем, как и французов) было крайне суеверно, не умело читать и писать, подозрительно относилось к «грамотеям». Но в самой Франции положение несколько смягчалось наличием обширной и влиятельной прослойки интеллектуалов, вобравшей в свои ряды выходцев из всех сословий. В Новой Франции интеллигенции не было, она и не могла сложиться. Отсутствовала адвокатура, не было писателей, художников, скульпторов, композиторов, артистов. Становлению светской культуры препятствовала церковь. Из-за отсутствия книгопечатания и журнального дела не было редакторов и журналистов. Немногочисленные книги, посвященные колонии («История и общее описание Новой Франции», 1744), были написаны французами, находившимися в колонии короткое время, и изданы в метрополии.

Жившая на 99% по-деревенски, колония нуждалась в кузнецах, смолокурах, лесорубах, бочарах, плотниках, а не в людях умственного труда. Функции интеллигенции выполняло духовенство, а также несколько десятков нотариусов и немногочисленные врачи. Крайне мало было юристов. Королевским эдиктом 1664 г. подготовка в колонии юридических кадров была запрещена. Эдикт, причинивший развитию правовой культуры Новой Франции заметный ущерб, был отменен только в 1740 г.

В колонии также практически не было предпринимателей. Только в XVIII в. несколько мелких и средних купцов из Гавра, Руана, Сен-Мало и Бордо обосновались в Новой Франции. Их главным занятием была скупка пушнины у индейцев и ее перепродажа в метрополию. Промышленность (кроме казенных корабельных верфей) и промышленники, банки и финансисты отсутствовали вовсе — ведь огромное большинство населения жило натуральным хозяйством. Фактически единственным товаром была пушнина. К XVIII в. колония добывала больше мехов, чем могла поглотить метрополия, и их начали сбывать в английские колонии. Право на торговлю пушниной давала дорогостоящая лицензия, для приобретения которой требовались хорошие отношения с колониальным интендантом. Снабжение колонии солью, зерном, вином, порохом, дорожное строительство были казенной монополией, что еще более затрудняло проявление частной инициативы. Ремесла практически не развивались. Из всех отраслей промышленности до середины XVIII в. должное развитие получили только две отрасли — лесопильная и кораблестроительная. Существовали также оружейные и пивоваренные предприятия. Многие необходимые промышленные товары приходилось ввозить. Даже часть каботажных судов, без которых Новая Франция не могла существовать, приходилось покупать у англо-американских колонистов.

Несмотря на определенное противоборство светской и духовной власти, в колонии политически и экономически господствовал блок крупных земельных собственников и духовенства. Его действия, органически вписывавшиеся в государственную политику французского абсолютизма, препятствовали формированию целого ряда социальных слоев и групп и тем самым «перекрывали воздух» многим направлениям

поступательного развития франко-квебекского общества.

Элементарное благоустройство колонии шло крайне медленно. Французская казна выделяла на нужды громадной колонии, раскинувшейся от Ньюфаундленда до Великих озер и Огайо, меньше средств, чем на королевские развлечения. К середине XVIII в. в долине Святого Лаврентия обрабатывалось только 5% земельного фонда.

Американский аналитик Альфред Мэхен позже писал, что новофранцузские губернаторы и интенданты вовсе не были ленивы или бездарны. Напротив, они управляли колонией, может быть, даже лучше, чем их современники — губернаторы расположенных южнее тринадцати британских колоний. Но новофранцузские губернаторы слишком зависели от прихотей королевского двора в далеком Версале и полагались именно на администрирование. В завоевании новых земель и в их освоении Новая Франция почти не знала инициативы снизу. «Сеньориальное, военное и монашеское управление тормозило развитие индивидуальной и групповой предприимчивости. Колонисты отвернулись от торговли и земледелия и предавались военным упражнениям и охоте». А вот англоязычные колонисты многие действия, особенно захват свободных земель и их благоустройство, предпринимали по собственной инициативе, в обход и помимо губернаторов.

По сравнению с Нью-Йорком, Массачусетсом или Пенсильванией Новая Франция долгое время оставалась захолустьем. Только в 1735 г. была наконец достроена дорога, связавшая Квебек с Монреалем. Других сухопутных коммуникаций в колонии не было, что затягивало сбор ополчения при нападении неприятеля. Был спроектирован ряд каналов в обход отмелей на реке Святого Лаврентия. Но их прокладка сильно затянулась

из-за нехватки рабочей силы и орудий труда. Лишь к 1740 г. был составлен кадастр земельных угодий.

Из нескольких сотен населенных пунктов (Сен-Морис, Сорель, Труа-Ривьер и др.) к середине XVIII в. только Квебек мог считаться городом — в нем были двух- и трехэтажные здания, кафедральный собор, несколько церквей и монастырей, улиц и площадей, замок губернатора, резиденции интенданта и архиепископа, казармы, рынок и около 4 тыс. постоянных жителей. Летом количество жителей доходило до 8 тыс. Монреаль был большим селом с одноэтажными каменными домами и с 2 тыс. постоянных обитателей. У англичан же Бостон, Филадельфия, Нью-Йорк, Чарльстон развивались значительно быстрее. В них помимо всего прочего были муниципалитеты, многочисленные лавки, гостиницы, колледжи, таверны, клубы, типографии и т. д. (Характерно, что официальные здания Квебека были спроектированы не архитекторами, которых в колонии не было, а военными инженерами, самым одаренным из которых был Гаспар де Лери де Шасгро.)

Правда, даже в малонаселенную и захолустную колонию частично проникал североамериканский дух частной инициативы и социальной мобильности. В отличие от тогдашней феодальной Европы жители Новой Франции не были прикованы к сословию или к профессии: сословно-служебная иерархия была не столь застывшей, как в метрополии. Например, урожденный квебекский дворянин Пьер де Ла Верендри несколько раз менял род занятий. В юности он был армейским командиром, затем стал фермером, позже вернулся на военную службу, потом сочетал ее с пушной торговлей и исследованиями западных земель. (Это было во времена, когда французский дворянин ни за что не соглашался стать «презренным» земледельцем или купцом, а французский купец обычно стремился

неприменно выбиться в дворяне и получить чиновную должность, чтобы не торговать.) Но судьба Верендре не была типичной, он остался одним из немногих исключений из правила. Сделать карьеру мелкому дворянину в Новой Франции было значительно труднее, чем в любой из тринадцати американских колоний Британии.

Еще труднее ее было сделать выходцу из третьего сословия. Даже боевая доблесть не открывала пути к социальному продвижению. Уже упоминавшиеся выше Трюдо и Ланжевен-Лакруа совершили подвиг при обороне Монреаля от ирокезов, но так и остались простолюдинами и не получили даже денежного вознаграждения. И земельные участки на правах феодальной аренды они получили на общих основаниях. Не удивительно, что среди третьего сословия Новой Франции в XVIII в. ощущалось недовольство подобным порядком вещей. Оно не стало достаточным для того, чтобы вылиться в народные мятежи вроде Жакерии XIV в. или Лангедокского восстания, поразившего Францию в начале XVIII в. Но оно было достаточным для того, чтобы вызвать уход заметной части сельской молодежи из-под власти короны, сеньоров и интендантов (и с 30-гектарных наделов!) в леса.

Ушедшие из деревень, в основном холостяки, именовали себя «вояжерами». В лесах они начинали новую жизнь вольных охотников и рыбаков, спокойно общались с индейцами и женились на индианках. Многие из них стали поставщиками пушныны как квебекским, так и англо-голландским купцам. Стараясь в этом качестве заменить индейцев, вояжеры в остальном поддерживали с индейцами хорошие отношения. Так на необжитых окраинах колонии образовалась новая этническая общность — франко-метисская. Говорившие на просторечных диалектах французского языка и ревностно сохранявшие

католичество, но обликом и привычками похожие на индейцев, метисы по сути представляли собой авангард европейской цивилизации на новых землях. Как это ни покажется неожиданным, метисы имели черты сходства с нашим казачеством: их сближали вольнолюбие, отказ от подчинения центральной власти, смешение с аборигенами, воинственность.

Неразборчивость метисов в торговле (они были готовы торговать с кем угодно, включая исконных врагов королевской Франции — англичан) лишней раз указывала на равнодушное или отрицательное отношение части квебекского простонародья к политике французской короны. Между тем над Новой Францией сгущались тучи. В результате ослабления Португалии и Голландии основной соперницей французов выступила Британия.

В XVII в. англичане упрочили военное присутствие в Ньюфаундленде, оборудовав там морскую базу в Сент-Джоне. Оттуда британские каперы и совершали набеги на Новую Францию. В 1613 г. они нанесли сильный удар по Акадии, разорив ее. В 1621 г. английское правительство короля Якова I предъявило официальные притязания на Акадию. Правда, оно не сразу смогло подкрепить их силой оружия. Тем не менее в Акадии стали обосновываться первые англо-шотландские поселенцы, руководимые предприимчивым администратором Уильямом Александером. Разразившаяся затем Английская революция временно лишила англичан возможности угрожать Новой Франции. После реставрации Стюартов экспансия Англии возобновилась. Обогатились и ее методы.

В 1670 г. король Карл II даровал группе крупных лондонских купцов по их просьбе суверенные права на все территории (в том числе неоткрытые) северо-западнее Лабрадора и Великих озер. Образовалась привилегированная Компания Гудзонова залива.

Компания завела собственные войска и флот, стала чеканить монету, приобрела влияние среди индейского и эскимосского населения. Ее агенты основали ряд факторий на северных границах Новой Франции и начали претендовать на ряд ее районов.

К XVIII в. Компания Гудзонова залива, формально не имея отношения к английскому правительству, стала важным инструментом проникновения английского капитала в Северную Америку. Она переманивала квебекских «вояжеров», принимала их на службу, лишая французскую колонию ценных кадров. Примечательно сложилась судьба одного из ранних «вояжеров» — простолюдина Пьера Эспри Радиссона. Едва прибыв в Новую Францию, он с успехом занялся пушной торговлей. Попав в плен к ирокезам, наблюдательный и смелый Радиссон завоевал их расположение, избежал казни и даже был усыновлен племенным вождем. Освободившись из плена, он вместе с шурином Медаром де Грозелье без разрешения губернатора и без лицензии отправился в дальнюю экспедицию за пушниной. А когда по возвращении в Квебек губернатор приказал арестовать авантюристов, Радиссон с Грозелье бежали к англичанам.

Добравшись в 1668 г. до Лондона, они, выдвинув идею обхода Квебека с севера, способствовали образованию Компании Гудзонова залива. Радиссон женился вторым браком на жительнице Лондона и нанялся служить Компании в качестве советника и проводника. Рассорившись с англичанами, он через несколько лет бежал во Францию, где как знаток Нового Света получил у Кольбера полное прощение и снова отправился в Квебек в качестве уполномоченного еще одной компании, теперь уже французской — Северной, созданной по его же предложению.

Находясь на французской службе, Радиссон разгромил многие опорные пункты английских

торговцев пушниной и заменил их французскими факториями. Он нанес немалый урон Компании Гудзонова залива. Но у него хронически не складывались отношения с новофранцузскими губернаторами. Поскольку жена Радиссона оставалась в Англии, его считали сомнительной личностью. Губернатор Фронтенак в 1683 г. расценил его действия, как пиратские, освободил захваченные Радиссоном британские суда и обложил привезенную им с севера большую партию отличной пушныны солидным налогом.

Вояжер тщетно искал защиты в Париже — дальновидного Кольбера уже не было в живых. Тогда Радиссон вторично бежал в Англию и снова стал агентом Компании Гудзонова залива, фактории которой он недавно разорял. Теперь он разорил несколько французских факторий и при этом взял в плен собственного племянника. В Квебеке за его голову назначили награду, зато англичане дали Радиссону пост «главного торгового директора». Уйдя на покой, он обосновался в Лондоне. Большую часть его способностей таким образом востребовала Британская империя.

В 1749 г. англо-американские предприниматели основали еще одну колониальную корпорацию — Компанию Огайо, среди пайщиков которой были виргинские землевладельцы братья Джордж и Лоуренс Вашингтоны. Агенты компании, к которой британское правительство формально не имело отношения, двинулись в Луизиану, которая считалась ничьей землей, но входила в сферу французских интересов. На Атлантическом побережье между тем многочисленные британские колонисты по собственной инициативе захватывали Мэн и Вермонт, угрожая французам с юга. Новая Франция постепенно оказывалась охваченной с нескольких сторон британскими владениями и сферами влияния. В отдаленных лесных и озерных районах

столкновения между французами и англичанами и их индейскими союзниками почти не прекращались.

Растущее напряжение вылилось в XVIII в. в три большие войны. Впервые соперничество европейских держав в Северной Америке сопровождалось длительными и крупномасштабными военными действиями. Война за испанское наследство (1701–1713) охватила, впрочем, только северную и восточную окраины Новой Франции — берега Гудзонова залива и Акадию. Британские колонисты в ходе мелких стычек к 1710 г. захватили большую часть Акадии с Порт-Ройялем. Французы в свою очередь добились успехов в Ньюфаундленде, уничтожив британское поселение в Бонависте и захватив в 1708 г. Сент-Джонс. Они закрепили свое присутствие на Острове Святого Иоанна, основав на нем Пор-ле-Жуа — «Веселый порт».

Плохо подготовленный рейд немногочисленной британской эскадры на Квебек, предпринятый в 1710 г., провалился — буря в заливе Святого Лаврентия разметала и потопила часть английских фрегатов и транспортных судов. Помочь своим колонистам Англия не смогла. Но и у французов не хватало сил для возврата потерянного. В соответствии с миром, заключенным в Утрехте, Франция удержала Квебек и Остров Святого Иоанна, но вынуждена была уступить англичанам права на Акадию с Ньюфаундлендом, то есть на подступы к долине Святого Лаврентия. Она признала также большинство территориальных притязаний Компании Гудзонова залива.

В ходе войны за австрийское наследство (1740–1748) французы сумели отбить удары американских колонистов, расстроив тем самым их планы нападения на долину реки Святого Лаврентия, и опустошили приграничные районы нескольких британских колоний. Но попытки вернуть Акадию оставались тщетными, а британский флот нанес огромный урон заморской

торговле Новой Франции и почти полностью прервал сообщения с метрополией. Пользуясь этим, британский флот обложил Луисбур с моря, а англо-американские колонисты из Массачусетса и Коннектикута осадили его с суши. Крепость, на строительство которой ушло много времени и средств, продержалась гораздо меньше, чем ожидали французы и даже их враги — англичане. Двойственную роль в ее судьбе сыграл военный инженер Этьен Верьер. Он прослужил в Новой Франции свыше 20 лет и руководил модернизацией укреплений Луисбура. Но во время осады Верьер настоял на том, чтобы оставить противнику сильнейший бастион, после чего падение крепости стало неотвратимым (1745). Правда, гипотеза о подкупе инженера осталась недоказанной. Поражение же французского оружия оказалось тяжелым.

В то же время Франция одержала ряд побед в Европе и Индии. Поэтому по Аахенскому миру обе державы сохранили прежние границы. Луисбур снова стал французским. Однако англичане три года пробыли в крепости и, разумеется, изучили все ее слабые стороны. Дальнейшая судьба «американского Гибралтара» отныне была предрешена.

Решающий тур борьбы развернулся во второй половине XVIII в. во время Семилетней войны (1756–1763). Готовясь к ней, британские власти сначала укрепили тылы — принудительно выселили из Акадии в другие британские колонии большую часть франкоязычных поселенцев — около 10 тыс. человек.

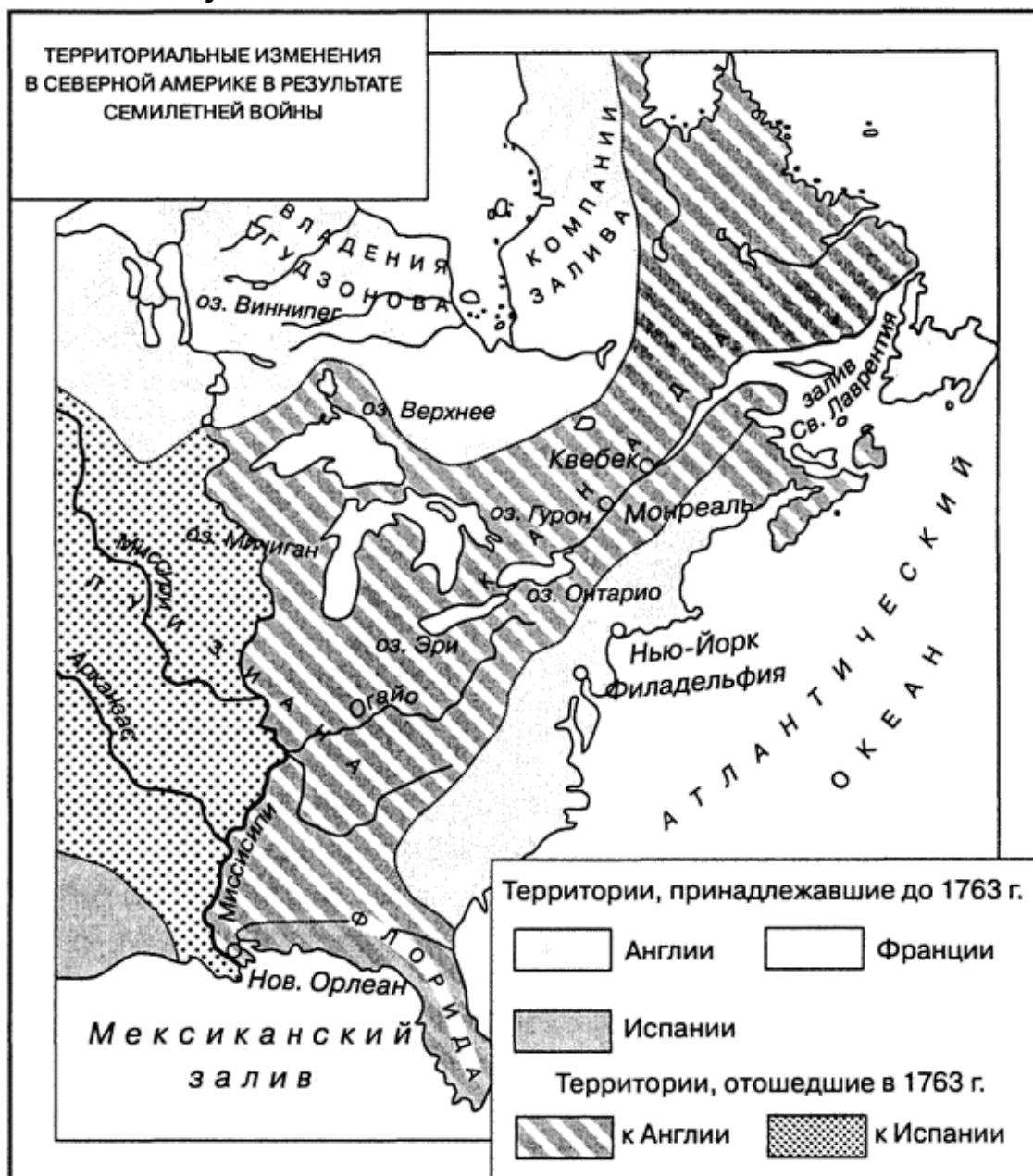
Изгнанники, лишённые имущества, рассеялись по Западному полушарию. Многие из них после длительных мытарств поселились в Квебеке и Луизиане, а небольшая группа пыталась даже обосноваться в Южном полушарии — на Фолклендах. Дrame акадийцев американский поэт Генри Лонгфелло позже посвятил поэму «Эванжелин».

На океанском побережье Акадии англичане обнаружили и обследовали просторную и хорошо защищенную от ветров бухту, оставленную ранее французами без внимания. Здесь они основали поселение Галифакс, названное в честь видного английского государственного деятеля XVII в. Галифакс за несколько десятков лет превратился в крупнейший в Северной Америке британский военный порт. По численности населения он быстро опередил Квебек и Монреаль вместе взятые. Основание Галифакса и его целенаправленное развитие определенно указывали на намерение англичан овладеть Новой Францией.

Точно так же были настроены англоязычные британские колонисты, количество которых к 1760 г. приблизилось к 2 миллионам. В самом существовании Новой Фракции они видели опасность. Настроения эти усугублялись воинственностью квебекских губернаторов и прочным союзом французов с гуронами. «Не будет покоя в наших тринадцати колониях, пока Франция владеет Квебеком», — безапелляционно писал такой не очень склонный к агрессии североамериканец, как Бенджамин Франклин.

Военные действия в Северной Америке открылись на сей раз за два года до объявления войны в Старом Свете — в 1754 г. Как говорил Вольтер, «выстрелы в Америке бросили в огонь войны всю Европу». Пока на море сохранялось равновесие, метрополия поддерживала Новую Францию и перевес в борьбе был на стороне французов. Безграмотно, но смело действовавший французский флот ценой потери нескольких военных кораблей кроме припасов и воинских подразделений доставил в Квебек главнокомандующего — маркиза Луи де Монкальма. Опытный военный, отличившийся в Европе Монкальм имел чин «полевого маршала» (полковника).

Участь акадийцев подогривала стойкость и ожесточение франко-квебекцев. Британия же опрометчиво доверила нести всю тяжесть войны с французами американским колонистам и ирокезам. Британские губернаторы и правительство в Лондоне слишком полагались на тройное превосходство в живой силе над противником и на активность действий. О военном искусстве словно забыли.



Наступавшие американцы и их союзники ирокезы очень скоро поплатились за это. Небольшой отряд ополченцев из Виргинии и Южной Каролины под командованием майора Джорджа Вашингтона вторгся в долину Огайо, где был разбит в бою у Форт-Дюкена французами и гуронами. Последние, действовавшие из засад, почти не понесли потерь. Вашингтон был вынужден сдать врагу окруженный отряд и только благодаря великодушию французского командира отпущен на свободу, избежав таким образом тюрем королевской Франции. Затем французы меньшими силами разбили англо-американскую бригаду генерала Брэддока у Ниагары, обезопасив Квебек с юга на добрых пять лет. Брэддок пал в бою. Отражено было и нападение англичан на Луисбург (1756). Вовремя прибывшая из метрополии французская эскадра не разбила противника, но заставила его отступить в Галифакс.

С прибытием в 1756-1757 гг. подкреплений из метрополии не ординарно мысливший и энергичный губернатор Новой Франции Пьер де Риго де Водрель предпринял наступление сразу на нескольких направлениях. Он штурмом взял ряд британских фортов на западе, установив тем самым господство французов на Великих озерах. На озере Онтарио с успехом стала действовать наскоро созданная французская флотилия. Одновременно с этим партизанские отряды вояжеров и индейцев-гуронов перенесли боевые действия на неприятельскую территорию. Внезапными ударами они опустошили приграничные местности Новой Англии и Виргинии. Американские ополченцы были бессильны защитить родные колонии, так как их силы оказались разбросаны.

В июле 1758 г. войска Монкальма, перейдя южную границу, разбили англо-американские силы «главнокомандующего в Америке» генерала Джеймса

Эберкромби в искусно проведенном оборонительном сражении при Форте-Карильоне (Тайкондероге). Французы потеряли несколько сотен человек ранеными и убитыми, неприятель — свыше 4 тыс. человек. Англо-американцы отступили в Массачусетс. Король Людовик XV произвел маркиза в генерал-лейтенанты. Британское правительство отозвало незадачливого Эберкромби.

В ходе этих операций численное превосходство англо-американцев было сведено к нулю франко-квебекцами, которые умело использовали в операциях буреломы и болота, а ополченцы-снайперы из вояжеров редкими, но точными выстрелами выбивали офицеров неприятеля, превращая английские войска в толпу. Лондон был вынужден срочно направить в Америку свыше 20 тыс. кадровых солдат и двинуть большую часть флота на блокаду французских гаваней. В морской битве при Кибероне победа ввиду бездарности французского командования досталась англичанам.

На пятом году военных действий — к весне 1759 г. — Новая Франция была отрезана от метрополии. Численное превосходство англо-американцев неуклонно возрастало. Их насчитывалось уже 60 тыс. человек. Снабжены они были тоже лучше благодаря британскому преобладанию на море. Осознававший опасность Монкальм тщетно требовал у королевского двора подкреплений. Водрейль тем временем мобилизовал почти всех взрослых мужчин Новой Франции, но это дало только 17 тыс. человек.

Первого существенного успеха англичане во главе с новым главкомом — генералом Джеффри Эмхерстом — добились на акадийско-квебекской границе. Обложив втрое превосходящими силами с суши и с моря Луисбур, они после нескольких месяцев осады и бомбардировок 27 июля 1758 г. заставили гарнизон сдаться. Захватив «американский Гибралтар», англичане основательно разрушили его. Падение Луисбура, считавшегося

первоклассной крепостью и ключом к долине Святого Лаврентия, вызвало в Новой Франции замешательство.

Положение колонии на пятом году войны осложнялось разногласиями между сторонником малой войны губернатором Водрелем и приверженцем немедленных крупномасштабных сражений Монкальмом. (Нам подобные разногласия знакомы по Отечественной войне 1812 г.). Но дело было не только в различии стратегических воззрений; генерал-лейтенант Монкальм был недоволен тем, что был вынужден подчиняться губернатору, который был младше чином и менее знатен. Британская сторона в той войне не знала подобных коллизий — все военные и гражданские должностные лица подчинялись главнокомандующему, что облегчало согласованность действий всех вооруженных сил.

В июле 1759 г. английский флот доставил из Галифакса в устье реки Святого Лаврентия армию генерала Томаса Уолфа, отличившегося во Фландрии и под Луисбуром. Экспедиция имела задание от Эмхерста овладеть неприятельской столицей. Операции предшествовала тщательная навигационная и картографическая подготовка. Борьба у стен Квебека, прикрытого с разных сторон скалами и многоводной рекой, затянулась. Лобовой удар Уолфа с северо-востока 31 июля окончился победой французов в бою при Монморанси — англичане отступили, потеряв 500 человек ранеными и убитыми. Но у них было достаточно припасов, тогда как в блокированном с моря и окруженном бездорожьем городе они подходили к концу.

Англичане приступили к методической бомбардировке города, разрушив за несколько недель все высокие здания Квебека, в том числе собор и резиденцию архиепископа. Малый калибр французских пушек и нехватка снарядов не позволили защитникам

Квебека подавить вражескую артиллерию. По предложению моряков Уолф ночью незаметно преодолел узкий участок реки с отмелями и туманным утром высадил армию в нескольких километрах выше Квебека, вне досягаемости его орудий, окончательно отрезав столицу от Монреаля и основных продовольственных районов колонии. Французы недооценили искусство и решительность английских «просвещенных мореплавателей». Англичане же воспользовались беспечностью неприятеля. Занятая англичанами на прибрежной равнине позиция не была безупречной — французские партизаны могли нанести им удары с фланга. Но осмотрительный Водрель находился далеко — в Монреале, а Монкальм решил немедленно сразиться с врагом. Успехи при Карильоне и Монморанси сделали его самонадеянным.

Силы противников были приблизительно равны — 4,5 тыс. бойцов у Уолфа и 5 тыс. у Монкальма. Но в распоряжении английского генерала были кадровые солдаты и офицеры, его поддерживала эскадра, а у Монкальма больше половины войска составляли непривычные к регулярному бою ополченцы, включая смелых, но плохо вооруженных индейцев. Артиллерии и снарядов у французов было меньше, чем у англичан.

Битва у стен Квебека 13 сентября 1759 г. была начата Монкальмом и проиграна им. Решительному натиску французов британцы противопоставили плотный огонь и отличную дисциплину. Французские потери составили 1,3 тыс. человек, английские — вдвое меньше. В сражении были смертельно ранены оба вождя. Уолф умер в тот же день, Монкальм — на следующий. Гибель нерасчетливого, но бесстрашного Монкальма оплакивали не только белые поселенцы, но и поддерживавшие французов индейцы. «Канадская энциклопедия» осуждает Монкальма, проигравшего крупнейшую в канадской истории битву. Часть

зарубежных и российских исследователей оправдывает смелого маркиза, решившего предотвратить усиление англичан и выгрузку ими на сушу артиллерии, что сделало бы положение французов абсолютно безнадежным.

Разбитые войска Новой Франции отступили в крепость и сдались через несколько дней, получив гарантии безопасности всем находившимся в ней. Обещание было сдержано — расправ и грабежей не последовало. Но через несколько месяцев британцы, опасаясь предательства, изгнали из города его население. Губернатор Водрель и его помощники Робер Бурлямак и Гастон де Леви, имевшие армию в составе нескольких тысяч бойцов и поддержку партизанских отрядов, не считали борьбу проигранной. Им не приходилось опасаться ударов с юга или с запада. Базируясь в Монреале и имея прочный тыл, они позволили англичанам провести зиму в холодном полуразрушенном Квебеке, а в апреле 1760 г. поступили с ними, как Уолф с Монкальмом: выманили неприятеля из крепости и одержали над ним победу в сражении при Сен-Фуа. Французы захватили трофеи, в том числе несколько десятков пушек, и едва не ворвались в Квебек на плечах отступавшего противника.

Но сделать это им не удалось: англичане укрылись за прочными стенами Квебека, и к ним из Галифакса подоспели корабли с новыми подкреплениями. Прибытия же французского флота не ожидалось. Правительство Людовика XV утратило значительную часть морской мощи страны и не смогло грамотно использовать то, что осталось. Наследие де Турвилля и Кольбера, сделавших военно-морскую силу неотъемлемой частью государственной политики, было безвозвратно потеряно. Что касается англичан, то они, возглавляемые Эмхерстом, уверенно наращивали силы, добиваясь все большего преимущества. На юге они заняли форты у

Ниагары, на западе овладели Великими озерами. Французская озерная флотилия погибла.

Летом 1760 г. английские сухопутные силы, наступавшие с трех сторон, с боями дошли до неукрепленного и плохо снабженного Монреаля. Бурлямак и де Леви призывали продолжать сопротивление. Но в Монреале кончались припасы. Восьмого сентября губернатор Водрель сдался на условиях, аналогичных сдаче Квебека годом ранее. Партизанские отряды продолжали борьбу, но недолго.

Двумя годами позже французское командование нанесло неожиданный контрудар, высадив десант в Ньюфаундленде. Отряд застал неприятеля врасплох и быстро занял Сент-Джонс, но был затем окружен прибывшими из Акадии английскими войсками и вынужден был сложить оружие. В сентябре 1762 г. борьба прекратилась. Утрата Новой Франции во французском обществе оказалось почти незамеченной. Колониальные войны были мало популярны в обществе и тем более в народе. Знать, буржуазия и интеллигенция были единого мнения: воевать из-за «нескольких миллионов акров снега» (Вольтер) не имеет смысла.

При заключении Парижского мира 1763 г. французы требовали вернуть им территориально незначительные, зато богатые владения в Вест-Индии, но не громадный захолустный Квебек. (Характерно, что англичане совершили сходную ошибку — они готовы были вернуть противнику Квебек, но пытались удержать Вест-Индию.) Руководивший переговорами со стороны Франции герцог Этьен-Франсуа Шуазель был уверен, что вскоре все североамериканские подданные Британии потребуют независимости и что борьба захлестнет и Новую Францию. По условиям мира Людовик XV отказался от всех прав на Новую Францию в пользу Британии. Несколькими росчерками пера европейских дипломатов, никогда не бывавших в Западном полушарии, 80 тыс.

человек превратили в подданных короля Англии,
Шотландии и Ирландии Георга III.

Глава 2.

Одна из британских колоний

Король Георг III в роли интернационалиста. — 1775-й год — нет экспорту революции! — Пламя над Торонто и Вашингтоном. — Четыре захолустных колонии. — Год Маккензи и Папино — революция снова не удалась. «Сначала постройте железные дороги!» — Шарлоттаун и Квебек — плоды конституционных конференций. — Споры о Кодексе Наполеона. — Состоялся ли исторический компромисс?

Завоевание Канады сопровождалось раздачей наград. Британским солдатам и офицерам были предложены земельные наделы в покоренной колонии. Отличившихся в боях повысили в званиях. Генерал Эмхерст получил титул барона, а позже был произведен в фельдмаршалы. Победители принесли с собой деловитость, предусмотрительность и расторопность.

Англичане тут же наладили печатное дело — открыли типографию. Были развернуты изучение и съемка береговой линии захваченного края. Работу возглавил прославленный мореплаватель Джеймс Кук. За несколько лет он с соратниками составил детальное и точное описание побережья Акадии и Ньюфаундленда, на что у французов ранее так и не хватило времени. На побережье появились маяки и сигнальные станции. Между колонией и британской метрополией были налажены регулярные рейсы торговых и транспортных судов.

У Великих озер офицеры британской армии в спешном порядке основали сеть новых опорных пунктов. В 1793 г. таким образом появился Форт-Йорк (нынешний

Торонто), годом позже — Кингстон и Ниагара-он-Лейк, в 1796 г. — Форт-Эри. В 1800 г. на картах появился Байтаун — поселок лесорубов на берегу Оттавы.

Англичане сразу активизировали поиски Северо-западного прохода в Азию, прекращенные французами в XVII в. К Тихоокеанскому побережью направились исследовательские экспедиции — сначала Джеймса Кука, затем Джорджа Ванкувера. Капитан Ванкувер установил контакты с русскими первопроходцами из Аляски. Контакты носили миролюбивый характер и сопровождались обменом географическими сведениями. В частности, наши первопроходцы («промышленники») снабдили английских моряков самодельными картами нескольких участков Тихоокеанского побережья. Результаты экспедиций позволили англичанам основать на берегах Тихого океана новую колонию — Британскую Колумбию. Слово «промышленники» (*promyshlenniki*) долго употреблялось в ней и вошло в «Канадскую энциклопедию».

Ускорились работы по рытью каналов в обход мелей на реке Святого Лаврентия. Завершенные в первой трети XIX в., они облегчили, удешевили и ускорили водное сообщение в обширном регионе от Атлантики до Великих озер.

Победители проявили великодушие и справедливость. Тон задал первый британский губернатор Квебека — сменивший Уолфа генерал Джеймс Мюррей. Он уважал побежденных, которых называл «бравым народом». Решительно пресек бесчинства, творимые его войсками в захваченном городе. Военнослужащие, уличенные в насилии по отношению к мирному населению, были публично и сурово наказаны. Генерал Мюррей также ограничил аппетиты британских купцов, которые, пользуясь нехваткой самого необходимого в разоренном крае, скупали меха за бесценок и занимались земельной

спекуляцией. Недовольное этим лондонское купечество добилось отзыва дальновидного и порядочного Мюррея (1768), однако сменивший его генерал Гай Карлтон продолжил политику предшественника.

Уже до Парижского мира Новую Францию беспрепятственно покинули остатки французских войск — около 4 тыс. человек. Затем Георг III прокламацией 1763 г. разрешил всем прочим обитателям завоеванной колонии покинуть ее. Англичане брались бесплатно перевезти их в Старый Свет. Однако уехали всего несколько сотен человек — губернатор, чиновники, купцы и офицеры. Прочие — землевладельцы, арендаторы, священники, мелкие торговцы, рыбаки и вояжеры — остались в стране, которую с полным основанием считали своей родиной. Францию же они воспринимали как далекую и в общем чужую страну.

Физически истребить десятки тысяч «канадъенов» или насильственно выселить их Британская империя не рискнула. Поэтому победителям пришлось сосуществовать с побежденными. Королевской прокламацией 1763 г. Британия обещала последним уважение их собственности, обычаев и религии и даже создание выборной ассамблеи по американскому образцу, чего не было в Новой Франции. «Канадъенов» освободили от присяги британскому королю — довольно было обещания хранить верность Англии.

Изгнанным ранее акадийцам английские колониальные власти разрешили вернуться в родные места, но имущественных прав в отличие от квебекцев не гарантировали. Вернувшиеся на родину акадийцы (а таких было около половины), обнаружили, что их дома и земли захвачены колонистами из Новой Англии, а компенсация им не положена.

Уже в 1764 г. в Квебеке было снято военное положение. В колонию был назначен генерал-губернатор, в Квебек-Сити и Монреале оставлены

британские гарнизоны. Квебек-Сити, кроме того, стал еще одной базой британского флота. Официальным языком немедленно был объявлен английский (языковых гарантий побежденным не дали). В колонии вводилось британское уголовное право.

Настало время перекройки границ и многочисленных переименований. В политике Лондона и его колониальных наместников отчетливо проявилась тяга к англоизации завоеванных земель. Сразу после Парижского мира Новая Франция была переименована в Квебек, а ее территория сильно сокращена. Квебек (по-французски «Виль де Квебек») получил новое название — Квебек-Сити. Район Великих озер, Лабрадор и Остров Святого Иоанна в Квебек не вошли. Акадию англичане переименовали в Новую Шотландию, расширив ее территорию за счет Квебека. Остров Святого Иоанна переименовали в Остров Принца Эдуарда. Остров, на котором находился Луисбург, стал называться Кейп-Бретон. Из Новой Шотландии выделили новую колонию — Нью-Брансуик.

В совокупности данные колонии вместе с Ньюфаундлендом образовали Британскую Северную Америку. Однако это понятие пока было только географическим, а не административным. Каждая из названных колоний оставалась отдельной территориальной единицей и подчинялась непосредственно метрополии.

Как и предвидел Шуазель, Парижский мир принес Британской империи вместе с выгодами большие издержки. Сначала в 1763 г. на берегах озер Эри и Онтарио восстали индейцы во главе с незаурядным и смелым вождем — Понтиаком, которого иногда сравнивают со Спартак. Сумевший преодолеть традиционные межплеменные распри Понтиак объединил против британцев целый ряд племен — гуронов, оттаву, сенеку. Из племенной коалиции в

дальнейшем могло возникнуть индейское государство. Восставшие разгромили два небольших английских гарнизона в районе Де-Труа (Детройта) и захватили ряд фортов. Подавить восстание военной силой не удалось. Чтобы предотвратить вероятное объединение индейцев с «канадьянами», Лондон спешно издал указанную ранее прокламацию 1763 г.

После двухлетних боев губернатор Мюррей с согласия метрополии заключил с Понтиаком мир. Главным его условием стало сохранение прав дружественных Англии племен на занимаемые ими земли. Затем англичане, покровительствуя одним племенам и интригуя против других, разрушили созданную Понтиаком племенную коалицию. Убийство Понтиака (1769) индейцем из другого племени на бытовой почве было принято британскими колониальными властями с большим облегчением.

Но тем временем в конфликт с британской короной вступили жители 13 колоний, избавленные от французской опасности. Особенно напряженным стало положение в территориально близких к Квебеку Массачусетсе и Пенсильвании.

Стараясь избежать объединения «канадьянов» с беспокойными американцами, британское правительство издало в 1774 г. «Акт о лучшем управлении Квебеком» (Квебекский акт), что повлекло за собой важные последствия. Во-первых, в Акте еще раз торжественно были гарантированы все религиозные и имущественные права квебекцев и подтверждал сохранение в колонии привычного ее жителям французского гражданского права. Во-вторых, в соответствии с Актом квебекская территория была значительно расширена — к Квебеку присоединялась Луизиана — огромная территория между Великими озерами, Миссисипи и Мексиканским заливом. Занятие земель на этой территории объявлялось

противозаконным деянием, что никак не задевало интересов малочисленных квебекцев с их 30-гектарными наделами, зато поставило преграду экспансии американских скваттеров. В-третьих, британские власти обязались уважать обычаи и интересы индейских племен.

Уступки «канадьянам» были сделаны вовремя. Население долины Святого Лаврентия не восстало. Парадоксально, но факт — недавно завоеванный англичанами Квебек остался опорой Британской империи. Зато Квебекский акт в сущности приблизил Американскую революцию. В том же 1774 г. в долине Огайо вспыхнули новые бои — теперь уже между англоязычными колонистами и британскими солдатами, а в следующем году 13 колоний восстали, объявив себя независимыми республиками-штатами. Американцы уверяли, что борются за свободу и самоопределение всех народов. Но еще не порвав до конца с Британией, не имея Декларации независимости, восставшие в сентябре 1775 г. направили несколько отрядов в пределы Квебека, которые захватили Тайкондерогу и форты у озера Шамплейн. Это был впечатляющий пример экспорта революции: если в стране нет революции — ее следует принести на штыках.

Американцы во главе с двумя самозванными полководцами — Ричардом Монтгомери и Бенедиктом Арнольдом — в ноябре без боя захватили Монреаль, а еще через месяц подошли к стенам Квебека. Пока волонтеры добросовестно платили за продовольствие и кров, их дела шли неплохо. Казалось, британскому флагу не суждено было развеяться над долиной Святого Лаврентия. Но вопреки расчетам американцев к ним мало кто присоединился.

Призывы восстать против «тирана Георга III» не нашли массовой поддержки. Франко-квебекцы-католики опасались, и не без оснований, притеснений со стороны

американцев-протестантов. Их не воодушевлял непонятный лозунг свободы предпринимательства, плохо сочетавшийся с их устоявшимся жизненным укладом и католической этикой, которая делает упор не на материальном успехе, а на чистоте души. Епископ квебекский призвал единоверцев не поддерживать американцев. Когда у революционных интервентов кончились деньги, крестьяне отказались снабжать их продовольствием. Реквизиции же вызвали ожесточение местного населения.

Генерал-губернатор Гай Карлтон был бравым воином-профессионалом. Правда, поначалу он допустил политический просчет — положился на лояльность «канадъенов» и ждал их активной борьбы с американцами. Но этого не произошло. Вследствие тактических промахов англичан американцы успели отрезать Карлтона с небольшим отрядом от квебекской крепости. Но он вышел из положения. Переодевшись фермером, губернатор пробрался в Квебек-Сити. Он позволил неприятелю по бездорожью в морозы идти на север, а сам, не ввязываясь в мелкие бои, спешно стянул наличные войска в крепость. Силы англичан были невелики, но хорошо снабжены и дисциплинированы. Как и в 1760 г., у них было больше артиллерии. Со стороны моря и реки Святого Лаврентия их поддерживала эскадра. У американцев же кораблей не было.

Монтгомери в ночь на 1 января 1776 г. ввязался в авантюру — бросил нестройные изголодавшиеся отряды (не более 2 тыс. человек) на штурм. Это была пятая по счету и последняя попытка захвата Квебека неприятельской армией. Сильная метель затруднила действия наступающих и существенно помогла оборонявшимся. Бой завершился победой Карлтона. Монтгомери и многие его офицеры погибли. Англичане взяли в плен свыше 400 человек.

Правда, другой экспортер революции — Арнольд вплоть до апреля продолжал осаждать крепость. Но когда море очистилось ото льда, Карлтон вызвал из Галифакса подкрепление. После прибытия эскадры Арнольд без боя с остатками деморализованных войск поспешно отступил на юг до самой границы. Войско Карлтона в мае вступило в Монреаль и Тайкондерогу. После этих событий американцы несколько десятилетий не пытались овладеть Канадой. Карлтона позже упрекали в отказе от преследования противника. Но губернатор вряд ли имел такую возможность.

Победителю в Квебекском сражении пришлось пожинать плоды предшествующей политики Лондона в Новой Шотландии — там вспыхнуло восстание против британского владычества. Против восставших пришлось двинуть часть сухопутных войск и военные корабли. Борьба в сухопутной части Новой Шотландии длилась до лета 1777 г. Рейды же новошотландских каперов против британских торговцев продолжались до конца Американской войны. Квебек и Нью-Брансуик не поддержали восставших. Их население, особенно «канадъены», в целом осталось наблюдателем событий, но не участником. Политика Мюррея и Карлтона дала плоды, нужные метрополии. Новая Шотландия осталась единственной частью Канады, принявшей участие в Американской революции. Новошотландцы получили курьезное прозвище «янки его величества». Восстание новошотландцев повлияло на общий ход Американской войны, затруднив положение англичан.

Подавив сопротивление в Новой Шотландии и используя Квебек в качестве базы, британское командование в конце 1777 г. забрало у Карлтона почти все воинские подразделения и двинуло их на Массачусетс и Пенсильванию. Но время было упущено, и победоносно начатый у озера Шамплейн поход

завершился капитуляцией англичан в известном сражении при Саратоге.

Английский генерал Джон Бургойн пренебрег опытом Уолфа и Карлтона и поступил подобно Монкальму и Монтгомери. С 10-тысячным войском, состоявшим главным образом из немецких наемников и индейцев, он форсированным маршем двигался среди лесов и болот, не ведя разведки, а обнаружив сильного противника (18 тыс. человек) — опрометчиво атаковал его. Противостоявшие же ему американские командиры использовали опыт действий оборонительных и партизанских действий «канадьенов», которые ранее не раз одерживали над ними победу.

После Саратоги долину Святого Лаврентия прикрывали крайне малочисленные британские гарнизоны, но нового американского вторжения не последовало. Джордж Вашингтон отклонил подобные предложения французов, приславших эскадру в Бостон и настаивавших на необходимости возвращения Канады. Разгром Монтгомери и Арнольда надолго отбил у американцев охоту к военным экспедициям на север.

Во второй половине Американской войны британское правительство направило победоносного Карлтона в Нью-Йорк, рассчитывая на перелом в военных действиях. Однако Карлтон не мог творить чудес. Его войска, правда, удерживали Нью-Йорк до 1782 г., позволив эвакуироваться оттуда многим приверженцам британской короны, но большего не добились.

По Парижскому миру 1783 г. Британская империя утратила 13 колоний, но сохранила Квебек, Новую Шотландию, Остров Принца Эдуарда и Нью-Брансуик. Торговля с американцами запрещалась. Были подтверждены права Компании Гудзонова залива. Точные границы определены не были, что позже породило ряд территориальных конфликтов.

Население Квебека и Нью-Брансуика стало увеличиваться. По условиям мира, из Штатов были изгнаны все противники революции (с семьями — около 100 тыс. человек), прозванные лоялистами. Около половины из них — с разрешения Лондона и по совету генерала Карлтона — направилось в британские колонии. В том числе в Квебек приехало свыше 10 тыс. человек, в Новую Шотландию — свыше 20 тыс., в Нью-Брансуик — почти 10 тыс. Это были главным образом плантаторы, купцы, юристы, священники. Впервые в пределы нынешней Канады прибыли тысячи политических беженцев. Многие из них были разорены. Английские колониальные власти оказали им финансовую помощь и выделили большие земельные наделы, но не в частную собственность, а по принципу феодального держания. Кроме того, лоялисты не получили свободы передвижения, к которой привыкли в американских колониях. Колониальные власти расселяли их только на границе со Штатами, не позволяя продвигаться в глубь страны. В огромной и малонаселенной Канаде появился земельный вопрос.

Результатом стало напряженное положение во всех пяти колониях, кроме Острова Принца Эдуарда. Многие лоялисты обратились с жалобами в британский парламент, другие — напрямую к Георгу III. Они отказывались платить налоги. Появилась опасность объединения лоялистов с «канадцами».

Тогда Лондон в 1791 г. издал Конституционный акт. Пять колоний переименовывались в Британскую Северную Америку во главе с генерал-губернатором. Каждая колония получила губернатора, двухпалатный законосовещательный орган, отдельную избирательную систему и систему судов. Квебек при этом делился на две провинции — Верхнюю и Нижнюю Канаду с границей по реке Оттава. В Верхней Канаде и на Острове Принца Эдуарда, где англоязычных лоялистов были

большинство, была возведена в принцип раздача земель губернатором и ассамблеей в бесплатное пользование. В Верхней (франкоязычной) Канаде этот принцип вводился, но на необязательной основе. В долине реки Святого Лаврентия сохранялась сеньориальная система, основанная на феодальном праве. Треть всех свободных земель резервировалась за короной и англиканской церковью. В Нижней Канаде сохранялись права католической церкви. Однако в обеих Канадах закреплялось привилегированное положение англиканской церкви.

Акт 1791 г. был шагом вперед в политико-правовом и экономическом развитии пяти (теперь — шести) колоний. Система управления колониями стала единообразной. Вводилось цензовое избирательное право и выборы. Перед сельским хозяйством части колоний был открыт путь к беспрепятственному развитию товарно-денежных отношений. Гарантировалась неприкосновенность французского гражданского права. Многие из этих уступок были сделаны под влиянием Американской революции.

Но уступки эти были весьма недостаточными. Создание Британской Северной Америки оставалось номинальным — шесть колоний продолжало существовать независимо друг от друга. Созданные в них колониальные законосовещательные ассамблеи властью не обладали. Основную часть властных полномочий сохраняли колониальные губернаторы и поставленный над ними генерал-губернатор. Все еще не было свободы предпринимательства и большинства политических свобод. Выделение огромного фонда коронных и церковных земель немедленно создало благодатную почву для фаворитизма. В Северную Америку механически переносился чуждый ей статус государственной англиканской церкви, которая пользовалась значительными привилегиями. Генерал-

губернаторами и губернаторами могли быть лишь англичане, так узаконивалось повсеместное применение английского языка в качестве официального.

Издавая Конституционный акт, правящие круги метрополии воспользовались раздробленностью местных интересов, консерватизмом лоялистов и «канадьенов», рознью между жившими в колониях католиками, протестантами и англиканцами.

В 1794 г. под влиянием дипломатов Французской республики в долине Святого Лаврентия произошли антиколониальные волнения, но они не стали массовыми и не были поддержаны лоялистами. Верхняя Канада сохраняла спокойствие. Пользуясь этим, власти Нижней Канады подавили волнения без применения военной силы.

Под сенью британских колониальных властей в обеих Канадах вскоре образовалась торгово-землевладельческая олигархия, тесно спаянная с чиновничеством и офицерством. Олигархия стала вернейшей опорой колониального владычества. В Верхней Канаде народ окрестил ее «семейной кликой», в Нижней — «дворцовой гвардией».

Конец XVIII столетия ознаменовался началом иммиграции с Британских островов. В Британскую Северную Америку стали прибывать разорившиеся фермеры, не выдержавшие конкуренции с земельными магнатами, ремесленники, лишавшиеся заработка в ходе Промышленной революции. Появились даже выходцы из состоятельных семей, вытесняемые с родины неумолимым правом майората. Переселенцы были главным образом шотландского и ирландского происхождения, собственно англичан среди них было немного.

Иммиграционных программ тогда не было. Но правящие круги Соединенного Королевства, видя в массовом отъезде обездоленных в колонию средство

предупреждения политических волнений в метрополии, не чинило им препятствий. Судовладельцы нередко перевозили иммигрантов через океан по сниженным ценам или в кредит.

Становившаяся все более многочисленной иммиграция из Британии постепенно меняла национальный и религиозный состав населения. Во всей Британской Северной Америке начала увеличиваться доля англоязычных протестантов за счет старожилов — франкоязычных католиков. Ведь франко-квебекцы после 1763 г. перестали получать какое бы то ни было пополнение из своей бывшей метрополии. (Эмигранты из Франции с тех пор отправлялись в Европу, Вест-Индию, даже в Сенегал, но крайне редко — в Квебек.)

Если до Американской войны в шесть колоний на постоянное жительство прибыло с Британских островов не более 5 тыс. человек, то за 60 лет после нее — около 600 тысяч. К середине XIX в. доля англоязычных в общей численности населения возросла с 4% в 1763 г. до 14 в 1791-м и до 50% в 1850 г. Из большинства населения «канадьены» превратились в меньшинство. А удельный вес индейцев стал совсем низким.

Вновь прибывшие не могли занять в колониальном обществе одной и той же социальной ниши. Например, бедняки из Ирландии с ее крайне низким уровнем жизни в Квебеке становились главным образом землекопами, лесорубами, матросами. Шотландские горцы, осевшие в основном вокруг Галифакса и на Кейп-Бретоне, осваивали сельское хозяйство, рыболовство и угольные копи. А англичане, равнинные шотландцы и американские лоялисты устремились преимущественно в города, где способствовали созданию городской экономики, которой ранее практически не было, и, естественно, заняли в ней господствующие позиции.

Собственно говоря, и города четырех колоний стали по-настоящему развиваться только с прибытием тысяч

англоязычных иммигрантов, которые принесли с собой британский практицизм, деловитость и первоначальные капиталы. Опережающими темпами стали развиваться Галифакс и Монреаль. Английские переселенцы основали целый ряд новых городов — Йорк (Торонто), Кингстон, Гамильтон, Байтаун и т. д.

С тех пор в финансах, промышленности и сфере услуг Квебек-Сити, Монреаля, Торонто и Галифакса свыше 100 лет тон задавали англо-шотландские предпринимательские династии Берингов, Огилви, Портеусов, Эллиотов и др. Так, Мактавиши и Ричардсоны установили контроль над пушной торговлей, Итоны — над оптовой торговлей продовольствием, Алланы, Беринги, Макнабы и Эбботы — над большинством банков, Макмилланы, Макмастеры, Синклеры, Стэнфилды, Уэстоны и Фергюсоны — над промышленным сектором, Коупы, Маккарти, Огилви и Портеусы — над юридическим, а Дугласы, Маклины и Макклеланды закрепились в книгопечатании и газетном деле.

В колониях все шире распространялись англоязычные названия сел, городов, рек, графств, избирательных округов и т. д. В подражание метрополий появились Брентфорд, Кембридж, Кент, Нью-Вестминстер, Нью-Глазго, Питерборо, Ричмонд, Садбери, Селкирк, Уэстморленд, Шарлоттаун, Эбботсфорд, Эссекс, реки Дон и Трент. В Верхней Канаде англоязычные переселенцы называли одну из рек Темзой и основали на ее берегу город Лондон. У британской столицы появился двойник.

Увековечены были служившие британской короне путешественники, полководцы и администраторы — Ванкувер, Дандас, Карлтон, Нельсон, Нэпир, Симкоу, Томпсон, Шербрук. Однако почти все прежние франкоязычные географические названия — Жонкьер, Лак-Сен-Жан, Ришелье, Сорель, Талон и др. — сохранялись.

С продвижением исследователей и колонизаторов на северо-запад англо- и франкоканадцы сохраняли индейские названия. Так на карте появились Атабаска, Ветаскивин, Виннипег, Калгари, Карибу, Манитоба, Онтарио, Саскачеван, Спадайна, Уоскана, Шикутими, Юкон.

Появились и комбинированные названия, основанные на смеси нескольких языков. Жители Нижней Канады при наименовании одного из северных поселков объединили слова «норд» (север) со второй половиной слова «Канада». На карте появилась Норанда — в переводе что-то вроде Североканадска.

Иммиграция с Британских островов повлекла за собой важные изменения в экономической структуре Канады. С прекращением англо-французских и англо-американских войн значительно увеличились масштабы морского и океанского рыболовства, особенно у берегов Ньюфаундленда. Бурная индустриализация Англии и Шотландии повысила спрос на хлеб и тем самым вызвала к жизни становление зернового хозяйства сначала в Нижней, а затем в Верхней Канаде. В 30–40-х годах XIX в. канадское зерно впервые стало поступать на внешние рынки. Экспортом его занялись англоканадские купцы из Квебек-Сити и Галифакса. Отныне Британская Северная Америка прочно перешла на самообеспечение хлебом, овсом, ячменем, а затем и мясом. Колониальное хозяйство шаг за шагом становилось многоотраслевым.

Торговля мехами и рыболовство сохранились, но постепенно стали утрачивать былое значение. Прежняя «пушная экономика» медленно вытеснялась «зерновой экономикой» и «лесной экономикой».

Парусный деревянный флот Британской империи предъявлял внушительный спрос на канадскую древесину. В Новой Шотландии и в Нижней Канаде, богатых высококачественным лесом, в том числе сосной,

дубом, орехом, с успехом развивались кораблестроение и мебельная промышленность.

Первая половина XIX столетия стала временем преуспевания Новой Шотландии и Нью-Брансуика. Эти небольшие прибрежные колонии были тогда фасадом Британской Северной Америки. Они словно магнитом притягивали переселенцев и капиталы из Европы.

По общим темпам развития к двум Атлантическим провинциям неуклонно подтягивалась Верхняя Канада, население которой в 1800–1835 гг. возросло очень заметно — с 50 до более чем 300 тыс. душ. В Верхней Канаде Торонто и Кингстон на глазах одного поколения из захолустных поселков превратились в заметные города. В Верхней Канаде зародились металлургия, металлообработка, развивались пищевая промышленность и сфера услуг.

Английская иммиграция повлекла за собой и общее оживление культурной жизни колоний.

Англичане положили начало издательскому делу. В 1778 г. они основали первую канадскую ежедневную газету «Монреал газетт» просуществовавшую 200 лет. В начале XIX в. стали выходить еженедельные и ежемесячные литературные и общественно-политические вестники и журналы. Первоначально они были только англоязычными. Однако в 1806 г. был основан и франкоязычный вестник — «Ле Канадъен».

При британском колониальном владычестве появился театр. Его зачинателями стали жители Галифакса, сочинившие и сыгравшие в 1774 г. романтическую пьесу «Акадиус, или любовь в тишине». В 1824 г. в Монреале открылся первый канадский профессиональный театр.

В англоязычных колониях вскоре встал вопрос о высшем образовании. Первая попытка такого рода была предпринята в 1789 г. в Новой Шотландии, где под покровительством англиканской церкви на

общественные пожертвования был открыт Королевский универсальный колледж — прообраз университета. В 1827 г. крупный делец Томас Макгилл основал в Монреале университет, названный в его честь. Макгильскому университету суждено было надолго стать крупнейшим англоязычным высшим учебным заведением Канады.

В целом же Нижняя Канада все более отставала в своем духовном и хозяйственном развитии от Верхней. На экономический динамизм британцев и на их воинствующий протестантизм «канадъены» отвечали еще большей привязанностью к традиционному образу жизни и католичеству. Негласным девизом франко-квебекского общества стало: «В Квебеке ничто не должно умереть и ничто не должно измениться». Особенно рельефно данный постулат отразился в написанном несколько позже — в начале XX в. — романе погибшего в дорожной катастрофе писателя Луи Эмона (1880-1913) «Мария Шапделен». (Небольшая книга Эмона так убедительно раскрыла особенности заостеневшего сельского и религиозного массового сознания франкоязычной Канады, что в считанные годы стала классикой. Она выдержала массу изданий на нескольких языках. Впоследствии ее несколько раз экранизировали.)

Главными общественными фигурами Нижней Канады (кроме Монреаля) оставались католический священник и сеньор.

В то время как англоканадцы основывали шахты и страховые общества, верфи и торговые фирмы, франкоканадцы строили кафедральные соборы и в 1844 г. организовали религиозно-национальное Общество Святого Иоанна Крестителя, который считается их покровителем. В Общество вступили десятки тысяч человек. В нем считали — и до сих пор считают —

необходимым состоять многие члены квебекской церковной иерархии и политической элиты.

По-прежнему мало кто из франкоканадских трудящихся стремился получить среднее и тем более высшее образование, стать предпринимателем, управленцем или ученым. Бедность и привычка к самоограничению были слишком сильными. Многие «канадьены» подрабатывали на лесопильных заводах или бумажных фабриках Квебека и двух соседних американских штатов — Вермонта и Мэна. Но очень немногие перебирались на постоянное жительство в города. Доля горожан среди франкоканадцев (10-12%) не росла вплоть до первой трети XX века.

Уделом малочисленных, малограмотных и неквалифицированных франко-квебекцев-горожан — и это закономерно оставался труд чернорабочих, землекопов, домашней прислуги. Наиболее честолюбивые и состоятельные «канадьены» избирали профессии священников, нотариусов, судей, журналистов, но не бизнесменов или менеджеров. Почти никто не стремился стать офицером.

Ответом франко-квебекцев на британскую иммиграцию стал «реванш в люльках». По призыву духовенства «канадьены» сохраняли традиции ранних браков и патриархальных многодетных семей. Их женам приходилось рожать по 10-12, а иногда по 15-20 раз. Поэтому, несмотря на достаточно высокую детскую смертность, Нижняя Канада сохраняла огромный естественный прирост населения.

Смешанные браки между тем по-прежнему запрещались старинным, замешанным на неприязни к чужакам обычаем (исключение делали только для ирландских католиков и индейцев). Несмотря на подобные ограничения, численность населения провинции возросла к 1835 г. весьма значительно — с 75 до 600 тыс. душ, т. е. почти в 8 раз.

Традиционалистская, полуфеодалная и тесно спаянная многочисленными кровнородственными браками Нижняя Канада замкнулась в себе. В лихорадочно развивавшейся Северной Америке она походила на центр социально-политического консерватизма. Это обстоятельство стало заметным уже в начале XIX в. и в дальнейшем в течение свыше ста лет проявлялось еще с большей силой. Но прежде, Британской Северной Америке было суждено пережить новое военное потрясение. Разразилась англо-американская война 1812–1815 гг. В литературе ее часто называют Канадской.

В быстро развивавшихся Соединенных Штатах были сильны устремления к насильственному изгнанию ненавистной Британии из Нового Света. Находившаяся в зените морского и промышленного могущества Британская империя мечтала о реванше за поражения 1783 г. Английские колониальные власти вовремя сделали запасы всего необходимого. Они заранее заключили союз с талантливым индейским вождем Текумсе, который во главе Союза шести племен с 1811 г. вел борьбу против американцев к югу от Великих озер.

К военной службе колониальные власти привлекли франко-квебекцев, которым разрешили создать отряды «вольтижеров» (легких стрелков). Британский генерал-губернатор отважился даже назначить лейтенант-губернатором Нижней Канады Шарля де Салаберри — франко-квебекца, прослужившего много лет в британской армии, участвовавшего в боях в Европе и получившего чин майора. Впрочем, вольтижеры не имели ни конницы, ни артиллерии. Уступки Британии колониям всегда были тщательно дозированными.

Войну объявили США. Это произошло 18 июня 1812 г. Ситуация поначалу складывалась в их пользу. Наполеоновские войны были в разгаре. Сухопутные силы Англии находились в Европе и в Индии. Британскую

Северную Америку защищали малочисленные и разбросанные гарнизоны.

Особенно уязвимой выглядела Верхняя Канада. Она была самой обширной и самой малонаселенной частью Британской Северной Америки. В ней не было хорошо укрепленных крепостей. Заменить их были призваны малочисленные и слабые форты у Великих озер. Как и в XVII-XVIII вв., они были рассчитаны на отражение нападений летучих партизанских отрядов, но не регулярных войск, вооруженных артиллерией. Границы колонии образовывали у Великих озер огромный выступ на юг, открытый вторжению по обе стороны Ниагарского водопада и особенно возле Де-Труа (Детройта).

Правящие круги США были уверены в победе. Многие повторяли опрометчивое суждение талантливого, но никогда не воевавшего Томаса Джефферсона: «Захват Канады — всего лишь дело марша». Участь Монтгомери и Арнольда уже была забыта.

Американские командиры спланировали вторжение в Британскую Северную Америку сразу на всех возможных направлениях. Федеральные войска и ополченцы двумя колоннами должны были захватить Верхнюю Канаду, а третьей — Нижнюю. Озерные флотилии американцев должны были очистить от англичан три из пяти Великих озер — Онтарио, Гурон и Эри, а морские силы США и каперы — атаковать Ньюфаундленд и Новую Шотландию.

Стратегия генерал-губернатора Британской Северной Америки Джорджа Провоста и его ближайшего помощника — губернатора Верхней Канады генерала Айзека Брока — состояла в обороне долины Святого Лаврентия в сочетании с неожиданными ударами на отдаленных территориях. Прежде чем американские ополченцы из Виргинии и Кентукки выдвинулись к театру военных действий, англичане захватили

вражеские форты на Гуроне, а затем вторглись в пределы двух американских штатов — Мичигана и Нью-Йорка. Значительную помощь британцам оказал Союз шести племен. Отряды Текумсе нанесли американцам удары с фланга и тыла.

Почти без боя английские силы заняли Детройт и Буффало — тогда небольшие городки. Буффало они удерживали более года. В бою под Детройтом 6 августа британцы нанесли американцам серьезный урон, отбросив их к югу вплоть до верховьев Миссисипи. Тринадцатого октября на Куинстонских высотах британские войска под командованием Брока обратили в бегство другую неприятельскую колонну, вторгшуюся в Канаду у Ниагарского водопада.

Соотношение сил сразу изменилось в пользу Англии. Американцы стали отходить из Верхней Канады и отложили вторжение в Нижнюю Канаду. Однако в Куинстонском сражении погиб смелый и любимый солдатами Брок, что стало для англичан роковой потерей. В командование войсками Верхней Канады вступил ее лейтенант-губернатор Генри Проктор — отличный службист, но нерешительный военачальник. Его отказ от преследования расстроенных сил противника был неоправданным и помешал англичанам превратить внушительные местные успехи в стратегическую победу.

Вскоре еще одна американская колонна из Кентукки вышла к озеру Эри с целью освобождения Детройта. На этот раз Проктор действовал удачнее. Двадцать второго января 1813 г. британско-канадско-индейские силы одержали внушительную победу при Френчтоуне (Мичиган). Победа была омрачена гибелью Текумсе. Осмелевший Проктор запланировал новые операции на озере Эри и южнее — в Мичигане. Англичане лихорадочно строили речные и озерные военные суда, среди которых был даже линейный корабль.

Но американцы быстро подтянули новые силы и перехватили инициативу. В 1813 г. они развернули большое наступление на суше и на воде, чтобы разрезать Британскую Северную Америку надвое. Сосредоточив превосходящие противника флотилии на озере Онтарио, американцы предприняли ряд смелых десантных операций. Один из десантных отрядов в мае неожиданно овладел Форт-Йорком, уничтожил созданные Проктором военные склады, верфи со строившимися кораблями и сжег город. Затем американцы разорили Кингстон, хотя и не смогли овладеть им.

В ответ английская озерная флотилия пересекла Эри и 10 сентября вступила с американцами в упорный бой у Пат-ин-Бея, но была разбита коммодором Оливером Перри, причем американцы захватили большинство британских кораблей. Англичане утратили свои позиции на озерном театре. Через озеро Онтарио американские корабли проникли в реку Святого Лаврентия. Но прорываться в Нижнюю Канаду они не отважились, опасаясь и отмелей, и английских фрегатов из Галифакса.

На год Британскую Северную Америку почти отрезали от метрополии многочисленные американские каперы, пользовавшиеся скованностью английского флота в Европе. Впрочем, это не привело британцев к катастрофе — у них хватало припасов.

Поэтому на суше британцы действовали с успехом. Осенью 1813 г. они одержали верх в сражениях при Каменной речке и Бобровой плотине на Ниагарском перешейке. Затем американцы потерпели еще более сокрушительные поражения.

Двадцать седьмого октября Шарль де Салаберри во главе горсти вольтижеров при реке Шатогуэе разбил американскую колонну, двигавшуюся к Монреалю. Одиннадцатого ноября 1813 г. несколько британских

полков и отряды вольтижеров под командованием генерала Джозефа Моррисона разгромили превосходящие по силе американские подразделения при Крайслер-ферм.

К 1814 г. захватчики были выбиты из обеих частей Канады. Британцы со своей стороны оставили Буффало и Детройт. Вторжений из США в Нижнюю Канаду более не последовало. Новые бои вспыхнули только в июле 1814 г. в Верхней Канаде, на узком фронте Ниагарского перешейка. После трехмесячных затяжных позиционных боев американцы снова были вынуждены отступить, так и не проникнув в глубь Верхней Канады. Морские операции против Ньюфаундленда тоже не принесли США ощутимых достижений.

Между тем после окончания сражений в Европе и низложения Наполеона англичане перебросили в Северную Америку новые силы. Их флот разогнал американских каперов, наносивших большой урон канадо-британской торговле. Сухопутные силы Британии сломили противостоявшие им американские ополченческие отряды, проникли в глубь США и в августе 1814 г. без труда овладели Вашингтоном. Американское правительство в панике бежало. В качестве мести за разрушение Форт-Йорка и Кингстона британские солдаты разграбили и сожгли Белый дом и Капитолий. От небольшой тогда американской столицы остались одни развалины.

Еще одно наступление британцы предприняли из Новой Шотландии. Ее лейтенант-губернатор Джон Шербрук во главе незначительных сил в 1814 г. овладел большей частью Мэна и Вермонта и угрожал вторгнуться в Массачусетс — тогдашнюю промышленную метрополию Соединенных Штатов. Находясь в таком положении, воюющие стороны заключили Гентский мир. Протекавшая с переменным успехом борьба завершилась вничью. Британская империя и США

сохранили прежние границы и обязались урегулировать территориальные споры посредством переговоров. Канада второй раз меньшими силами отразила вторжение с юга.

Пять малонаселенных британских колоний оказались в военном отношении гораздо сильнее, чем предполагал многочисленный и предприимчивый неприятель. Население Британской Северной Америки сыграло в событиях не пассивную, как в дни Карлтона и Монтгомери, а активную роль. Против захватчиков сражались регулярные британские гарнизоны, лоялистская милиция, франкоканадские вольтижеры и индейские племена. Их согласованными усилиями были выиграны сражения при Каменном ручье, Бобровой плотине, Шатогуэе и Крайслер-Ферм. Гибель талантливых полевых командиров Брока и Текумсе разрушила наступательные планы англичан, но не помешала их успехам в большинстве сухопутных операций.

Расселение лоялистов вдоль американской границы вполне оправдало себя. Они образовали прочный тыл британских гарнизонов. Лоялисты помогли регулярным силам сдерживать наступления американцев и потом отбросить их назад. Сражение у Бобровой плотины было выиграно во многом благодаря подвигу лоялистки Лоры Секор. Узнав из обрывков разговоров американцев об их намерении неожиданно напасть на английский гарнизон, она за два дня прошла лесами 30 километров и предупредила британцев о грозящей опасности.

Наконец, на стороне защитников Британской Северной Америки был климат. Ополченцы с Американского Юга не выдерживали суровых канадских холодов и иногда оказывались не в состоянии победить даже намного большими силами (Крайслер-Фарм). Однако запрет на канадо-американскую торговлю был снят. Это условие мира стало успехом США.

С 1818 г. Великобритания и Соединенные Штаты занялись территориальным размежеванием, завершенным только к середине XIX в. Иногда стороны угрожали друг другу новой войной, но после уроков 1812 г. Штаты уже не шли на военный конфликт. Отныне они считали более перспективными территориальные захваты на юге — в Техасе и Калифорнии. В 1846 г. были определены англо-американские границы в Скалистых горах и на Тихоокеанском побережье. Почти повсеместно границу провели вдоль 49-й параллели.

Война, как это часто бывает, сопровождалась зарождением общеканадского самосознания. До 1812 г. канадцами считали себя только франкоязычные жители Британской Северной Америки. После совместной победы над американцами многие переселенцы с Британских островов стали постепенно воспринимать себя не англичанами или американцами, живущими в Америке, а именно канадцами. Конечно, данный процесс развивался медленно и противоречиво. Общеканадское самосознание быстрее всего утверждалось среди интеллектуалов, ремесленников, фермеров англоязычных колоний и гораздо медленнее — среди предпринимателей, священников, кадровых военных. К пониманию, что они — канадцы, выходцы из мятежной Ирландии приходили чаще, нежели законопослушные уроженцы Англии и Шотландии.

Нижняя же Канада с первой половины XIX в. стала оплотом не общеканадского, а франкоканадского самосознания.

Отдаленным результатом победы над американскими захватчиками стал устойчивый рост оппозиционных антиколониальных настроений. Недовольство большей части населения питали бесконтрольная власть генерал-губернатора и провинциальных губернаторов, зависевших только от

метрополии; безвластие местных ассамблей; финансовые и земельные махинации «семейной клики» и «дворцовой гвардии», которые искусственно взвинчивали цены на землю; изобилие необрабатываемых земель, владельцы которых жили на Британских островах; бездорожье, тормозившее экспорт и импорт товаров.

Раздражение предпринимателей вызывало и отсутствие собственной денежной системы, иметь которую колониям было не положено. В обращении одновременно находились британские, испанские, голландские, американские деньги и валюта дореволюционной Франции, что крайне затрудняло расчеты. В подобных условиях было выгоднее спекулировать земельными участками, нежели вкладывать капиталы в ремесла, промышленность, транспорт или страховое дело. Операции же с землей были доступны лишь членам «семейной клики» и «дворцовой гвардии».

В Нижней Канаде недовольство населения подогревали также попытки губернаторов задушить национальное самосознание франко-квебекцев. Так, генерал-губернатор Джеймс Крейг в 1810 г. внесудебным решением запретил умеренно оппозиционный франкоязычный вестник «Ле Канадъен». Сходным образом действовал генерал-губернатор Джордж Дальхаузи.

Внутриполитическая оппозиция колониальным порядкам заявила о себе прежде всего в трудно развивавшейся Нижней Канаде. Там на провинциальных выборах 1827 г. крупного успеха добилась только что основанная интеллектуалом Луи де Папино партия патриотов. В 1828 г. оппозиционеры-патриоты заявили о себе в Верхней Канаде. В Торонто недавний иммигрант из Шотландии, небогатый предприниматель Уильям Маккензи стал издавать радикальный еженедельник

«Колониал адвокат» (1824-1837), где открыто проповедовал идеи превращения колоний в суверенные республики. «Чужеземное управление народом, находящимся за 4000 миль, несостоятельно и должно быть упразднено», — провозглашал Маккензи печатно и устно. Он недвусмысленно советовал патриотам запасаться оружием. А вскоре был избран мэром Торонто, а затем и депутатом колониальной ассамблеи.

Патриотов Верхней и Нижней Канады вдохновлял опыт независимого демократического развития США и недавних антиколониальных революций в Латинской Америке. По американскому образцу они стали с 1835 г. создавать на местах подпольные «комитеты бдительности». В Нижней Канаде патриоты бойкотировали английские товары, организовывали антиколониальные митинги. С гарнизонных складов им даже удалось похитить немного оружия. Однако в лагере патриотов не было ничего похожего на политическое или организационное единство. Координация их действий была крайне слабой. Нижнеканадские патриоты были большей частью католиками, а верхнеканадские — протестантами. Умеренные приверженцы Папино были гораздо осторожнее пылких сторонников Маккензи.

Многие нижнеканадские патриоты были, бесспорно, против «дурных» колониальных чиновников и «дворцовой гвардии», но на словах и на деле оставались монархистами и подданными британской короны. Их целью было расширение самостоятельности колоний без демократизации общества и государства. В частности, единомышленников Папино: Брауна, Картье, Лафонтена, Шенье — вполне устраивало установленное британцами цензово-верхушечное избирательное право. Они с уважением относились к духовенству и религиозному образованию и ничего не имели против римско-католической церкви.

Верхнеканадские же оппозиционеры были настроены куда более решительно — они настаивали на полном разрыве с Британской империей, на смене формы правления и на всеобщем избирательном праве. Они были убежденными приверженцами светского государства. Но вместе с тем англоязычные верхнеканадцы не поддерживали бойкота английских товаров. Сказывалось различие в политическом климате двух провинций и в этническом составе их населения.

Самое же главное, патриотам обеих провинций, особенно Верхней Канады, недоставало поддержки народа. Когда они призывали бороться за «счастье и согласие» всеми возможными мирными средствами и собирали подписи под петициями, адресованными в Лондон, на их стороне были десятки тысяч граждан. (Подобную петицию в Верхней Канаде подписало с указанием собственного адреса 25 тыс. человек, в Нижней — почти 90 тыс. человек.) Очень многие жители двух провинций с удовольствием читали хлесткие политические обзоры и фельетоны «Колониал адвоката». Но когда патриоты стали призывать к применению оружия, к ним прислушивались каждый раз уже не более 5 тыс. человек из более чем миллионного населения двух провинций. Канадцы в отличие от американцев были законопослушны.

Британский же парламент весной 1837 г. по предложению консерватора Джона Рассела отклонил все просьбы и требования, изложенные в петициях канадцев.

Не имея прочной опоры в массах, оппозиционеры тем не менее готовились к вооруженному восстанию. В Монреале патриоты на глазах у гарнизона обучались военному делу. Губернаторы в ответ на это провели превентивные аресты и спровоцировали столкновения между лоялистами и патриотами. Поскольку многие патриоты не скрывали революционных устремлений,

британские гарнизоны были заранее приведены в боевую готовность. К ним присоединилось немало добровольцев из числа лоялистов. Патриоты таким образом в интересах антиколониальной борьбы широко пользовались свободой слова и собраний. А это позволяло колониальным властям быть в курсе многих замыслов патриотов.

В ноябре 1837 г. Маккензи в Верхней Канаде и Папино в Нижней призвали народ к восстанию. Антиколониальные волнения вспыхнули в долине реки Ришелье, в предместьях Монреаля и Торонто, в Уинсоре и на Ниагарском перешейке. Маккензи в Верхней Канаде провозгласил создание временного республиканского правительства. Но несогласованность выступлений патриотов двух провинций, колебания лидеров, недостаток опыта и военной выучки у восставших обрекли их на скорое поражение. Им так и не удалось захватить ни одного города или узла коммуникаций.

Власти Нижней Канады выиграли все вооруженные столкновения, кроме первого боя, и овладели положением за 16 дней. Оплоты повстанцев в Сен-Шарле и Сен-Дени были разгромлены пушечным огнем, взяты приступом и сожжены. Окруженные в Сен-Юсташе восставшие были готовы сдаться, но противостоявшие им правительственные войска и волонтеры-лоялисты отказались от переговоров и продолжили бой до полной победы. Часть патриотов во время отступления утонула в реке. Потери королевских войск не превышали 100 раненых и убитых.

Власти Верхней Канады одержали победы во всех боях, имевших характер мелких беспорядочных стычек, и взяли в плен многих восставших. Разрозненные повстанческие отряды были рассеяны при небольшом количестве раненых и убитых с обеих сторон. Потери правительственных сил составили несколько человек. Часть повстанцев (в том числе почти все их вожди —

Маккензи, Папино, Браун, Рольф) нашла убежище в США. Папино вскоре выехал во Францию, где провел несколько лет.

Из всех руководителей восстания в Нижней Канаде только один — врач Жан Шенье — погиб смертью храбрых в бою при Сен-Юсташе. Его тело было выставлено на обозрение в одном из постоянных дворов. Ходили слухи, что у мертвого Шенье вырвали сердце.

Многие деятели провалившегося восстания во главе с Папино и Рольфом отказались от продолжения вооруженной борьбы и начали ходатайствовать об амнистии. Как показало будущее, первое из их решений было верным.

Нежелавшие сдаваться патриоты во главе с Маккензи остались во власти революционно-интервенционистских иллюзий. Вскоре при поддержке американско-ирландской общественности несколько вторжений через границу. Правительство США и особенно губернаторы пограничных штатов вплоть до 1839 г. вели себя двусмысленно. Свыше года обстановка на канадо-американской границе была очень напряженной. Американцы, по-прежнему настроенные антибритански, открыто помогали патриотам оружием, добровольцами и деньгами. Но действия патриотов из-за границы имели характер местных и малоуспешных рейдов и к 1839 г. полной победой британских колониальных властей. Маккензи и его сторонники не вынесли уроков из печального опыта «революционной интервенции» Монтгомери и Арнольда.

Если в Верхней и Нижней Канаде большая часть населения осталась пассивной, то остальные четыре провинции Британской Северной Америки не принимали участия в восстании. В Новой Шотландии и Нью-Брансуике в 1837 г. не прогремело ни одного выстрела.

Как это обычно бывает, за авантюризм вождей расплатились рядовые повстанцы. На жестоких

наказаниях особенно настаивал лейтенант — губернатор Нижней Канады Джон Колборн, которого население прозвало «сатаной». Британские власти позже вознаградили Колборна местом в палате лордов. Менее кровожадный лейтенант-губернатор Верхней Канады Джордж Артур не удостоился такой чести.

В общей сложности из миллионного населения страны мятежниками официально было объявлено 855 человек. Около 600 из них попали в руки властей. Военные суды обрели на смерть 99 участников восстания. Казнено было двенадцать человек. Остальным приговоры смягчили на одну ступень. Публичной казни через повешение подверглись лица самых различных профессий — кузнец Сэмюэль Лаунт, фермер Питер Мэтьюз, нотариус Шевалье Делориме, польский революционер-эмигрант Нильс Жолтевский. Приговоренные к смерти вели себя достойно. Лаунт и Мэтьюз проявили такое мужество, что палач перед казнью обнял их и просил у них прощения. Делориме оставил также политическое завещание: «Я стремился к благу моей страны и погибаю без сожаления... Да здравствует свобода и независимость».

Около 160 повстанцев по приговору судов или в порядке смягчения смертных приговоров были отправлены в Австралию на каторгу. Близ Сиднея до сих пор существуют Бухта мятежников, Французский залив и Канадский залив, названные в память канадских бунтовщиков.

Под нажимом Британской империи Соединенные Штаты постепенно перешли от негласной поддержки революционных эмигрантов из Канады к пресечению их действий. Правящие круги Великобритании вознаградили американцев через три года при завершении территориального размежевания в Аллеганских горах. По договору Уошбертона (1842)

британцы уступили южному соседу часть территории Квебека и Нью-Брансуика.

Верное своей стратегии лавирования, британское правительство в 1838 г. прислало нового генерал-губернатора — молодого депутата палаты лордов, герцога Джона Дарэма. Его назначение стало нарушением традиции, в соответствии с которой колониальными губернаторами назначали решительных, но недалеких армейских ветеранов. Дарэм не служил в армии, имел дипломатический опыт (одно время работал послом в России), был хорошо образован и слыл либералом.

Министерство колоний уполномочило его не только управлять Британской Северной Америкой, но и разобраться в причинах восстания. Более всего Лондон был озабочен опасностью объединения канадских патриотов с американцами и угрозой поглощения малонаселенных колоний стремительно расширявшимися Соединенными Штатами.

Трудоспособный и дальновидный молодой аристократ за короткое время составил основательный доклад. Он указал на серьезные недочеты в колониальной политике и посоветовал пойти на ряд уступок канадцам — ограничить власть генерал-губернатора и губернаторов, установить (при сохранении цензового избирательного права) ответственность местной исполнительной власти перед законодательной («ответственное правительство»), обложить налогом необрабатываемые земли, прекратить бесплатную раздачу земли колониальным офицерам и чиновникам, увеличить британскую иммиграцию, приступить к строительству трансканадской железной дороги.

Другими словами, Дарэм настаивал на выполнении метрополией многих требований патриотов, только что разбитых силой британского оружия. Это стало их

серьезной победой. Дарэм добавил и несколько новых требований — например, о трансканадской магистрали. Судя по всему, он хорошо понимал связь между политикой и экономикой.

В то же время герцог объявил главной причиной восстания противоречия между прогрессивным и цивилизованным англоязычным меньшинством страны и невежественным консервативным франкоязычным большинством и посоветовал ассимилировать «канадъенов», слив две колониальные провинции в одну. (В этом вопросе он исходил из ложных посылок — как мы видели, среди патриотов было много франкоканадцев, и самые значительные бои 1837 года разыгрались как раз в Нижней Канаде.)

Заметим, что Дарэм не потребовал преобразования всей Британской Северной Америки в единую колонию. Судьбы Новой Шотландии, Нью-Брансуика, Ньюфаундленда и Острова Принца Эдуарда остались за пределами его внимания и доклада. В данном отношении герцог-дипломат оказался позади генерала Карлтона.

Кроме обессмертившего его доклада герцог попытался ограничить размах репрессий против участников восстания. Дарэм выпустил из тюрем часть арестованных. Намеревался объявить амнистию всем отказавшимся от вооруженной борьбы. Однако он потерпел неудачу. Верх взяли сторонники возмездия — военно-бюрократические и лоялистские круги во главе с Колборном.

Правящие круги метрополии сознательно растянули претворение в жизнь требований патриотов и предложений Дарэма (очень скоро отозванного на родину и умершего молодым) на целых тридцать лет. На пост генерал-губернатора из Лондона по-прежнему присылали в основном лиц, которые в союзе с «семейной кликой» умело срывали реализацию предложений

Дарэма (Сайденхем, Меткалф). Генерал-губернаторы по-прежнему оказывали открытое давление на избирателей, вдохновляли чиновников на подтасовку итогов выборов, прилагали все силы, чтобы держать в тайне провинциальный бюджет. А если очередная ассамблея оказывалась строптивой, против нее применяли испытанное средство — внеочередной роспуск.

Правительство провинции — ее исполнительный совет — продолжало работать под прямым руководством генерал-губернатора и лишь в его присутствии.

Нижняя и Верхняя Канады были слиты в 1840 г. Образовалась провинция Канада. Ее столицей — вместо считавшегося столицей франкоканадского национализма Квебек-Сити — был сделан лоялистский и сплошь англоязычный Кингстон. Затем по настоянию франкоканадцев провинциальную столицу перенесли в наполовину англоязычный, наполовину франкоязычный Монреаль. Позже провинциальные органы власти попеременно работали в Торонто и Квебек-Сити.

Официальным языком объединенной провинции британский парламент сначала провозгласил английский. Через несколько лет провинциальные органы власти разрешили употребление в официальной обстановке французского языка, т. е. узаконили двуязычие. В 1847 г. был создан прецедент: генерал-губернатор Канады впервые произнес перед провинциальной ассамблеей «тронную» речь на французском языке.

Многократное перемещение провинциальной столицы из города в город и колебания в вопросе об официальных языках было результатом недоверия и соперничества между англоканадцами, превращавшимися в большинство населения, и франкоканадцами, утрачивавшими былое положение большинства.

Внутреннее самоуправление провинция получила в 1848 г. — одновременно с серией революций в Европе.

Весной 1848 г. очередной генерал-губернатор Канады — либерально настроенный аристократ, родственник Дарэма герцог Роберт Элджин — реализовал принцип «ответственного правительства». Он назначил главой провинциального правительства победившего на выборах в ассамблею лидера оппозиции франкоканадского общественного и политического деятеля Луи Лафонтена (1807-1864), ранее примыкавшего к патриотам, дружившего с Папино, но не участвовавшего в восстаниях.

Еще через год — в апреле 1849 г. — провинциальная ассамблея по настоянию Лафонтена после ожесточенных споров амнистировала оставшихся в живых участников восстаний 1837-1838 г. с возмещением стоимости конфискованного у них или разграбленного имущества. К этому времени некоторые вожди патриотов (Картье, Папино, Рольф) уже получили прощение и легально вернулись на родину. Теперь за ними последовали прочие, двенадцать лет числившиеся в списках государственных преступников.

Амнистия встретила яростный отпор консервативной части англоканадцев. В Монреале англоязычное население устроило беспорядки, сопровождавшиеся сожжением здания ассамблеи. Толпа, напав на Элджина, забросала его экипаж камнями и гнилыми яйцами. Но губернатор и депутаты не отступили — амнистия не была отменена. Репрессий против бунтовщиков не последовало, и на третий день они, не получив массовой поддержки, выдохлись.

Заседания ассамблеи были перенесены в Торонто, где царил покой.

В 1849 г. Канада миновала важный рубеж. Раны, нанесенные восстанием 1837 г., затягивались. Деление общества на бывших победителей и бывших

побежденных начало уходить в прошлое. Движение колонии к самостоятельности стало неотвратимым.

Вскоре на берегах рек Святого Лаврентия и Ришелье на общественные средства и при участии муниципалитетов были поставлены памятники амнистированным мятежникам. Самый значительный из них воздвигли на опушке леса у поселка Сен-Дени — на месте единственной победы восставших над правительственными силами. У основания высокой колонны высекли короткую надпись на двух языках: «Слава патриотам 1837 года».

Провинция Канада вскоре перестала быть обыкновенной колонией. В рамках закона она шаг за шагом обзаводилась атрибутами самостоятельного государства. В частности, получила право на отдельную почтовую службу. В 1851 г. в обращение поступили первые канадские почтовые марки.

Двумя годами позже правительство Канады добилось права на контроль над денежным обращением и на собственную валюту. С тех пор (1853) существует канадский доллар. Его курс тогда был приравнен к курсу американского. Расчеты в иностранной валюте (и ее хранение) запрещены не были, но вскоре они сами собой сошли на нет.

В 1854 г. Элджин создал новый важный прецедент — он добровольно прекратил участие в работе провинциального правительства — исполнительного совета. Через год «ответственное правительство» было распространено на Атлантические провинции Британской Северной Америки.

Тогда же с мертвой точки сдвинулось решение давно уже дебатировавшихся и наболевших экономических вопросов — о церковных землях и о феодально-сеньориальных порядках. В 1854 г. метрополия разрешила Канаде самостоятельно урегулировать проблему церковного земельного фонда. По решению

провинциальной ассамблеи он был пущен в свободную продажу; а большая часть вырученных от этого средств использована на нужды школьного образования.

Тогда же арендаторам Нижней Канады дали право выкупать земли и освобождаться от феодальных повинностей. За превращение из зависимого держателя надела в свободного фермера полагалось выплатить сеньору 17-кратную стоимость феодальной ренты. Состоятельные арендаторы из пригородов выкупали наделы сразу, прочие были вынуждены делать это в рассрочку. В квебекской глухомани, где зажиточных арендаторов было мало — Гаспе, Камураске, Лак-Сен-Жане, Норанде и т. д., выкупные операции затянулись на добрых 80 лет.

Колониализм и феодализм медленно сходили с исторической сцены, вытесняемые буржуазной демократией и товарно-денежными отношениями.

Наряду с Карлтоном и Дарэмом Элджин вошел в канадскую историю и историю Британской империи в качестве одного из наиболее гибких, творческих и дальновидных колониальных администраторов.

Уступки со стороны метрополии выбили почву из-под ног радикальных элементов. Движение патриотов к 50-м годам XIX в. перестало существовать, его лидеры утратили былое влияние. Законопослушный, но решительно настроенный на реформы политический центр, с которым столь удачно сосуществовал Элджин, стал колыбелью новых, умеренных партий, аналогичных основным политическим течениям Великобритании.

В 1854 г. в провинции образовалась либерально-консервативная партия. Ее опорой стали деловые круги Монреаля, Квебек-Сити и Галифакса, а также англиканское и католическое духовенство. Региональной базой партии оказалась главным образом Нижняя Канада.

Затем от консерваторов шаг за шагом отпочковалась либеральная («чисто либеральная») партия, опиравшаяся на интеллектуалов Торонто и фермерство Верхней Канады. Размежевание консерваторов и либералов длилось около 20 лет. Так складывались основы двухпартийной системы, которой суждено было преобладать в канадской политической жизни свыше столетия.

Консервативная партия середины XIX в. выступала за торможение демократических реформ, верность Британской империи и территориальное расширение Канады. Эмблемой партии был олицетворявший верноподданические настроения и монархизм синий цвет. Либеральная партия выступала в первую очередь и главным образом за упрочение политической демократии. К расширению территории Канады она проявляла безразличие. Эмблемой либералов был «бунтовщический» красный цвет. Их оплотом стала Верхняя Канада.

Общим для двух партий был лозунг упрочения самостоятельности страны без разрыва с метрополией.

Ослабление колониального режима и становление политических партий происходили в обстановке опасности поглощения Канады бурно развивавшимися Соединенными Штатами. Часть американских политиков и публицистов не скрывала намерений превратить Штаты в «трансконтинентальную республику, окруженную морями».

Американские границы уже достигли Мексиканского залива и Тихого океана, тогда как Британская Северная Америка кончалась у Великих озер. Она даже в 1860 г. была раздроблена на четыре отдельные колонии, США же давно были единой державой. Отсутствие права на свободное заселение западных земель приводило к постоянному оттоку части ее молодежи из Британской Северной Америки в Штаты. Между тем в четырех

британских колониях и без того числилось в 11-12 раз меньше населения, чем в Соединенных Штатах.

Все ощутимее становилось преимущество США в объеме свободных капиталов и в использовании новой технологии.

(Показательным стало увеличение эмиграции канадцев в первой половине 60-х годов XIX в. из мирной, но переживавшей период застоя Британской Северной Америки в Штаты, охваченные Гражданской войной. Стоило правительству президента Линкольна обнародовать акт о раздаче земель ветеранам федеральной армии, как 40 тыс. канадских подданных записались добровольцами в американскую армию. Четверть из них погибла, оставшиеся в живых после войны на законном основании стали землевладельцами. Между тем к северу от 49-й параллели на территориях Компании Гудзонова залива имелась масса необрабатываемых земель, занимать и распахивать которые канадцы были не вправе).

Гражданская война в США сопровождалась новым всплеском англо-американской вражды. Власти британских колоний сочувствовали мятежному Югу. Они не мешали флоту конфедератов использовать в качестве баз Галифакс и Сент-Джон. Естественно, на Американском Севере снова появилась идея захвата Канады. Колониальные власти в ответ усилили канадские гарнизоны и соорудили дополнительные укрепления в Галифаксе и Квебек-Сити.

С американской территории на Канаду и Нью-Брансуик в 60-х годах XIX в. устраивали набеги ирландские революционеры-фениы, отдаленные предшественники современной Ирландской республиканской армии. Вооруженных фениев в Нью-Йорке и Массачусетсе насчитывалось тогда не менее 10 тыс. человек. Вероятно, от рук фениев в 1866 г. погиб

политик из Верхней Канады Дарси Макги, застреленный «неизвестными» убийцами.

Положение Британской Северной Америки становилось все более уязвимым. Английских войск по-прежнему было мало — Британия все чаще отправляла армию на подавление волнений в Индии и Ирландии. Колониальная экономика никак не могла набрать необходимого темпа развития. А отсутствие у пяти колоний даже формальной независимости в корне подрывало их авторитет на международной арене.

Часть канадских предпринимателей, фермеров и интеллектуалов именно поэтому откровенно предлагала присоединиться к Штатам. Метрополия не могла и не хотела допустить этого. Но помешать поглощению Канады южным соседом было немыслимо без капитальных внутригосударственных реформ, в пользу которых без драматических жестов, но настойчиво высказывалась преобладающая часть канадских избирателей.

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. канадские политики консервативного направления предприняли серию инициатив, направленных на изменение статуса Британской Северной Америки. Они созвали — с согласия колониальных властей, однако без их участия — конституционные конференции. Застрельщиками их поначалу были власти приморских колоний, среди которых выделялся пламенный оратор, издатель и патриот из Новой Шотландии Джозеф Хау. Затем инициатива перешла к политикам из собственно Канады.

Первая конференция состоялась в 1864 г. в Шарлоттауне (Остров Принца Эдуарда), вторая — в 1866 г. в Квебеке. На них впервые присутствовали делегаты из всех провинций Британской Северной Америки. Среди них выделялись Джон Макдональд (1818–1891), Александр Голт, Жорж-Этьен Картье, Эктор Ланжевен,

Дарси Макги, Чарльз Таппер и Сэмюэль Тилли. Это были крупнейшие общественно-политические деятели колоний. Некоторые из них (Голт, Картье, Таппер) занимали также видные позиции в транспортном и торговом бизнесе. Смысл данных совещаний был ясен их участникам и современникам. Канада более не хотела оставаться одной из британских колоний, наравне с Индией или Гибралтаром. Канадское общество требовало иного статуса.

Глава 3. Доминион

Акт о Британской Северной Америке. — Демократия, но не суверенитет. — «От моря до моря». — Как насчет столицы? — Двухпартийный маятник. — Макдональд против Риэля. — «Последняя битва на канадской земле». — Пшеничный бум в прериях. — Война против кайзера Вильгельма. — Пожар на парламентском холме. — Спор Бинга, Кинга и Мейгена. — Самостоятельны, но не суверенны. — Депрессивный доминион. — Война против Гитлера. — Референдумы в военное время. — Торжество Кинга. — Новые шаги к независимости.

О том, какой быть Британской Северной Америке, канадские политики договаривались много лет, при этом главными оппонентами были не метрополии и колонии, а отдельные колонии и регионы.

Малонаселенные Атлантические колонии опасались экономического засилья ушедшей далеко вперед в хозяйственном отношении провинции Канады. Бизнес Верхней Канады, которую теперь именовали Онтарио, намеревался свое экономическое превосходство узаконить на уровне государства. Франкоканадцы-католики опасались утраты самобытности в англоязычном окружении и потому не доверяли англоканадцам-протестантам. Конкурентная борьба разделяла деловые круги Монреаля и Торонто.

Бурные споры вызывала судьба государственного долга Острова Принца Эдуарда (колония была не в

состоянии выплатить его, прочие же провинции отказывались участвовать в его погашении).

Разногласия порождали и вопросы о названии будущего государства и о его столице.

На статус столицы дружно претендовали все города, успевшие ранее побыть провинциальными политическими центрами. Макдональд настаивал на Кингстоне, Голт и Макги — на Торонто, Тилли и Хау — на Галифаксе. Ланжевен предлагал разместить столицу в Квебеке или Монреале. Торонто и Кингстон к неудовольствию англоканадских политиков, вскоре пришлось отсеять из-за соображений военной безопасности — они находились почти на самой границе с беспокойным южным соседом. Сожжение Йорка американскими ополченцами не было забыто. Больше шансов было у Монреаля и Квебека. Первый из них расположен в 100 км от американской границы, второй — в 400 км от нее. К тому же Монреаль был тогда крупнейшим и самым благоустроенным городом Британской Северной Америки. Но англоканадское общественное мнение было решительно против размещения столицы в преимущественно франкоязычном городе.

В конце концов выбор пал на захолустный поселок англоязычных лесорубов — Байтаун у западной границы Квебека. Правда, его название было сугубо английским — оно было дано в честь британского полковника Бая, что не нравилось франкоканадцам. Тогда отцы-основатели подыскали поселку более благозвучное заимствованное у индейцев наименование «Оттава» («обмен») — по названию ближайшей живописной реки. В новоявленной столице крупнейший, заросший лесом холм спешно назвали Парламентским и развернули на нем строительство правительственных зданий.

Два года ушло на окончательную выработку статуса нового государства. Что страна перестанет именоваться

колонией, сомнений не было. Однако более половины делегатов конференций боялись суверенизации, которая оставила бы их без военной защиты со стороны метрополии. Предметом жарких дискуссий стала и форма правления. Англо-шотландцы настаивали на «Канадском королевстве» в качестве официального названия страны. Франкоканадцы и ирландцы были против.

На Квебекской конференции решено было искать ответ на вопрос в Священном Писании. Наугад раскрыли Библию и попали на строку, гласившую: «И будет владение (по-английски «доминион») Его от моря и до моря». Компромисс был найден. Новое государство решили именовать не королевством и не республикой, а доминионом.

Собственно говоря участники Шарлоттаунской и Квебекской конференций были едины только лишь в двух вопросах. Они единодушно отвергли замену монархии республикой и внушительным большинством голосов постановили учредить сильную центральную власть. В ходе дальнейших дебатов отцы-основатели с большим трудом разграничили полномочия центра и местной власти, определили способы соподчинения разных государственных учреждений, договорились о сохранении имущественного и образовательного избирательных цензов по британскому образцу и т. д.

Макдональд, Голт, Макги, Таппер, Картье и их партнеры согласовали текст 133 конституционных статей, которые образовали Акт о Британской Северной Америке (АБСА). Текст его доставили в Лондон, где при равнодушии со стороны британской общественности он был поверхностно рассмотрен обеими палатами британского парламента и почти без прений принят ими. Гораздо больше тогдашних британских парламентариев интересовал законопроект о налоге на собак.

Затем Акт скрепила подписью королева Виктория.

Первого июля 1867 г. Акт о Британской Северной Америке вступил в силу. В местах квартирования британских гарнизонов прогремели пушечные салюты. На политической карте мира появилось новое государство — Канада, составная часть Британской империи. Тогда никто не знал, что в дальнейшем доминионами суждено будет стать Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, Ньюфаундленду, Ирландии, Индии...

Население новоявленного доминиона составило 3,5 млн. человек. Огромное большинство — до 80% — жило в сельской местности. Канада вполне оправдывала свое «деревенское» название. В малонаселенной стране имелся только один город с населением более 100 тыс. человек — Монреаль.

Новое государство по образцу Швейцарии и в отличие от США было договорной федерацией. Учредителями стали четыре провинции, бывшие отдельные британские колонии — Онтарио (бывшая Верхняя Канада), Квебек (бывшая Нижняя Канада), Новая Шотландия и Нью-Брансуик. Конституция гарантировала им равенство их прав и обязанностей. В совокупности четыре провинции охватывали территорию от Атлантики до Великих озер и южных подступов к Гудзонову заливу, т. е. менее шестой части современной Канады. Ньюфаундленд и Остров Принца Эдуарда отказались войти в состав федерации. Британские тихоокеанские владения поначалу тоже сохранили отдельный статус.

По условиям АБСА, доминион обрел часть атрибутов государственности — форму правления (монархию) и государственного устройства (федерализм), герб (с взятым из Библии претенциозным девизом «От моря до моря»), органы власти, столицу, денежную систему, границы.

Помимо провинциальных законодательных ассамблей Канада получила федеральный двухпалатный парламент. Многие в его полномочиях и процедуре было скопировано с британского оригинала. Нижняя его палата — общин избиралась не реже раза в пять лет. Она насчитывала тогда 180 депутатов. Члены верхней — сената, состоявшего из 104 членов, — назначались. Сенаторами могли стать граждане, владевшие недвижимостью стоимостью не менее 4000 долларов (тогда это было очень солидной суммой), не имевшие непоплаченных долгов и не потерпевшие ранее банкротства. Других критериев сенаторов АБСА не содержал. Правда, в отличие от британской палаты лордов сенаторство было сделано пожизненным, а не наследственным. Сенат создавался в качестве органа, призванного отстаивать провинциальные интересы. Но поскольку сенаторов в одностороннем порядке назначал премьер-министр, в его состав попадали только твердые федералисты, угодные Оттаве.

Зато предпринимателей и менеджеров, выражавших интересы делового мира, в сенате в дальнейшем все время оказывалось с избытком. Политологи имели поэтому все основания прозвать канадский сенат «встроенным лобби».

По британскому обычаю министерский мандат совмещался с парламентским: членом правительства мог стать только депутат одной из палат. Утрата депутатского мандата автоматически лишала министра его поста. Правительство могло быть свергнуто вотумом недоверия нижней палаты. Так был закреплён ещё один фундаментальный британский обычай — принцип ответственности кабинета перед парламентом, отсутствующий в политической жизни США. Торонтский политолог Александр Брэди в книге «Демократия в доминионах», написанной в подражание труду Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», позже писал:

«Нигде более в других странах государственный строй Великобритании не воспроизведен с такой полнотой вплоть до деталей, как в Канаде».

У доминиона был теперь Верховный суд, но он не стал высшей судебной инстанцией страны. Его приговор можно было обжаловать в Лондоне. В последующие 80 лет зафиксировано свыше 170 подобных обжалований. В то же время доминион не получил других атрибутов государственности — собственного гражданства, флага и гимна, внешнеполитической и военной самостоятельности. Над доминионом продолжал реять британский государственный флаг — «Юнион Джек» с георгиевским и андреевским крестами. На всех официальных церемониях, а также в школах, вузах и гарнизонах по-прежнему звучал британский гимн — «Боже, храни короля».

Главой канадского государства по-прежнему был британский монарх. Все канадцы оставались его подданными. Ему, а не стране и не народу присягали на верность канадцы при поступлении на государственную службу и при назначении в правительство. Власть монарха в пределах Канады олицетворял генерал-губернатор доминиона, в одностороннем порядке назначавшийся и смещавшийся монархом (на деле — британским министром колоний). В каждой провинции особу монарха олицетворял лейтенант-губернатор.

Совершенно не зависевшему от канадского народа, но зато зависевшему от метрополии генерал-губернатору принадлежало право назначать и смещать провинциальных лейтенант-губернаторов. Он же созывал и распускал федеральный парламент, определял дату всеобщих и дополнительных выборов. У него было право вето. До начала XX в. генерал-губернаторы на основе этого права помешали принятию почти 200 законопроектов.

На пост генерал-губернатора Лондон долгое время назначал британских аристократов, не связанных с Канадой и ранее не бывавших в ней. До середины XX в. генерал-губернаторами успели побывать многие отпрыски титулованных дворянских династий Греев, Девонширов, Ленсдаунов, Эбердинов. Среди них насчитывалось два герцога, два маркиза, пять графов, три виконта. Четыре генерал-губернатора сверх того были пэрами, т. е. депутатами британской палаты лордов. Почти все они принадлежали к военной касте Британской империи, имея, как правило, генеральский чин. Назначения генерал-губернаторов производились метрополией без учета мнения Оттавы. Урожденные канадцы на данный пост не допускались. Все это подчеркивало колониальное прошлое Канады и ее подчиненность британской короне. Вместе с тем генерал-губернаторство не было пожизненным. Генерал-губернаторы назначались на пять-шесть лет. Затем они возвращались на Британские острова. До середины XX в. ни один из них не остался в Канаде.

Отсутствие у доминиона внешнеполитической и военной самостоятельности означало, что Канада была не вправе заключать международные договора и соглашения, открывать посольства за рубежом, состоять в международных организациях, иметь МИД и военное министерство. В мирное время ей полагалось иметь не вооруженные силы, а только ополчение. Возглавляли его офицеры британской армии. В военное время канадские войска автоматически поступали в распоряжение британского военного министерства и под командование британского генералитета.

Доминион не имел конституционно-правовой самостоятельности. Без согласия парламента Великобритании нельзя было изменить или дополнить ни одной из статей АБСА, ни тем более акт в целом. Верховной судебной инстанцией доминиона оставался

Судебный комитет Тайного совета в Лондоне — орган, выполняющий функции Верховного суда Великобритании. Канадцев в его составе никогда не было. Британское законодательство осталось частью канадского законодательства. Но законодательство Канады отнюдь не стало частью британского законодательства. Следовательно, Канада в 1867 г. обрела внутреннюю самостоятельность, но не государственный суверенитет.

Акт о Британской Северной Америке оформил объединение весьма разнородных во многих отношениях колоний. Доминион составили три преимущественно англоязычных (но с франкоязычным меньшинством) провинции и одна преимущественно франкоязычная, но с заметным и влиятельным англоязычным меньшинством. В целом в доминионе англоканадцы составляли уже большинство — свыше двух третей населения. В англоязычных провинциях развивалась капиталистическая экономика, в Квебеке же сохранялись перенесенные из королевской Франции элементы феодального строя. Впрочем, англоязычные провинции тоже значительно отличались друг от друга.

К 1867 г. золотой век Новой Шотландии и Нью-Брансуика, подобно эпохе парусного мореплавания, остался в прошлом. Две эти провинции из фасада Канады превращались в ее задворки. Они все сильнее проигрывали в хозяйственном отношении Квебеку и тем более Онтарио. Англоканадцы Атлантических провинций поэтому ничуть не меньше боялись могущества англоканадского капитала Торонто, чем франкоканадцы Квебека — религиозного и языкового притеснения со стороны англоканадского протестантского большинства прочих провинций.

Монреаль и Торонто выступали за высокие таможенные тарифы, тогда как Галифакс — за устранение таможенных барьеров.

Глубокие и болезненные региональные и межнациональные распри надолго отсрочили создание доминиона. И если оно состоялось, то во многом по причине распространенных в британских колониях и обоснованных опасений перед их поглощением Соединенными Штатами.

Отцы-основатели доминиона в целях его укрепления сознательно постарались растворить вопрос о национальном составе населения в других вопросах. Границы провинций были проложены по территориально-географическому, а не по национально-языковому принципу. Из текста Акта было невозможно понять, сколько народов живет в доминионе и что это за народы. В АБСА говорилось только о личностях, подданных короны, и об органах власти, и умалчивалось об официальном языке страны и ее провинций.

Лишь в двух статьях АБСА вскользь говорилось о праве подданных доминиона выступать в федеральных судах и в парламенте на французском языке и о праве населения содержать католические школы — однако без уточнения языка преподавания. Подобные урезанные гарантии были внесены в текст АБСА после жарких споров по настоянию федералистов-франкоканадцев Картье и Ланжевена в обмен на равноценные гарантии, данные зажиточной англоязычной общине Квебека, статусу и самобытности которой тогда ничто не угрожало. «Написанный и опубликованный только на английском языке АБСА не намечал языкового равноправия... За пределами Квебека статус французского языка остался неопределенным и незащищенным... Взятая в целом Канада стала англоязычной федерацией, включившей в себя франкоязычный Квебек», — отмечает современный исследователь профессор Торонтского университета Дуглас Верни.

Гораздо больше внимания и места консервативно настроенные основатели доминиона отвели доскональному разграничению полномочий между центром и провинциями.

Среди создателей федерации не было леворадикалов и левоцентристов подобных Патрику Генри и Томасу Джефферсону в США или Симону Боливару в Латинской Америке. Девизом Макдональда, Голта, Картье и их соратников было: «Мир, порядок и хорошее управление». Все они были скорее противниками демократии, нежели ее сторонниками.

Полномочия федерального центра в Акте о Британской Северной Америке поражали обширностью. К ним были отнесены валютное обращение, общеэкономические вопросы, федеральные налоги, мореплавание, рыболовство, лесное хозяйство, таможенное дело, назначение и увольнение провинциальных лейтенант-губернаторов, уголовное законодательство, политическая полиция и каторжные тюрьмы. Центр имел право аннулировать любые провинциальные законы, если они расходились с конституцией. Он получил также право издавать в интересах «мира, порядка и хорошего управления» законы по любым темам, не отнесенным к провинциальным полномочиям.

Провинции казалось получили гораздо меньше — только юрисдикцию над «местными делами». В отличие от американских штатов, они не имели права на отдельные конституции. Но перечень провинциальных «местных дел», по нашим понятиям, оказался очень объемным. В них вошли просвещение, здравоохранение и социальное страхование, охрана прав граждан, гражданское законодательство, провинциальные налоги, криминальная полиция, шоссейные дороги, плавание по рекам и озерам.

Земля и другие природные ресурсы тоже были отнесены составителями АБСА к сфере провинциальной юрисдикции. Картье, Макдональд, Голт и их соратники были юристами по образованию и роду занятий и не могли предвидеть вероятных последствий данного шага. Нужно сказать, что тогда их мало кто мог предвидеть.

В 60-х годах XIX в. природные богатства Канады по меньшей мере на 90% не были еще разведаны. Главными естественными богатствами доминиона считались рыбные и лесные угодья. Гарантировав центру юрисдикцию над ними, основатели доминиона сочли, что централизовали федерацию надолго, если не навсегда. (Именно отнесение рыболовства к сфере федеральной юрисдикции побудило Ньюфаундленд отвергнуть вхождение в федерацию и остаться отдельным британским доминионом.) Подчеркнем, что при общей победе централистов при создании доминиона отцы-основатели так и не смогли до конца должной ясностью разграничить сферы ответственности центра и провинций. В частности, имущественные права граждан и охрана правопорядка фактически оказались в совместной сфере юрисдикции (номинально не предусмотренной АБСА). Регионализм был слишком весомым фактором политической жизни Канады, чтобы его смогли игнорировать самые рьяные централисты.

У руля власти в доминионе надолго встала консервативная партия. Одержав уверенную победу на всеобщих парламентских выборах, она сформировала правительство во главе с Джоном Макдональдом — умеренным консерватором из Онтарио, осторожным и опытным политиком, сочетавшего осмотрительность с решительностью.

Эмигрант с Британских островов не богач и не бедняк, выходец из шотландской семьи, убежденный протестант, Макдональд с молодых лет прославился продуманностью и неторопливостью действий, за что

был прозван «стариком Завтра». Начиная карьеру в Кингстоне в качестве юрисконсульта и адвоката. Законопослушный, он не принадлежал к патриотам и категорически осудил восстание 1837 г., однако защищал нескольких мятежников в суде.

Постепенно поднимаясь по ступеням партийно-политической иерархии, он был избран депутатом. К 1867 г. Макдональд стал виднейшим лидером консерваторов Канады и сыграл центральную роль в создании доминиона. От имени провинции Канады он несколько раз ездил в Лондон на переговоры с британскими парламентариями и министрами. Историки не без оснований сравнивают его с Вашингтоном и Бисмарком.

Кроме поста премьер-министра, властный и работоспособный Макдональд также в разное время занимал посты министра внутренних дел, милиции, почт. Отличаясь любовью к крепким напиткам, Макдональд тем не менее был прекрасным оратором и полемистом. В историю вошел его диалог с лидером официальной оппозиции Александром Маккензи. Последний, заметив нетвердую походку главы правительства, обратился по всем правилам парламентского этикета к спикеру палаты:

— Мистер спикер, а премьер-министр у нас пьян. Макдональд ответил — тоже в рамках парламентского этикета:

— Мистер спикер, я и впрямь пьян. А лидер оппозиции глуп.

Видную роль в кабинете Макдональда играл не менее изощренный политик — франко-квебекец Жорж-Этьен Картье, выходец из зажиточной семьи и потомок мореплавателя XVI в. Патриот, поэт и предприниматель, автор стихотворения «О Канада» и участник боев 1837 г., он после разгрома восстания бежал за границу. При Дарэме добился права вернуться на родину, стал,

подобно Макдональдс юрисконсульт, а затем был избран депутатом.

Во время проведения Шарлоттаунской и Квебекской конституционных конференций именно Картье добился согласия политиков-англоканадцев на принятие Квебеком Гражданского кодекса Франции и на размещение федеральной столицы в Оттаве.

Осторожный и недоверчивый, Макдональд все же считал возможным доверить Картье сразу два ответственных политических поста — заместителя премьер-министра и квебекского уполномоченного партии.

Сотрудничество в тогдашнем кабинете верного подданного Британии Макдональда и бывшего мятежника Картье убедительно свидетельствовало о широте взглядов и предприимчивости тогдашнего руководства консервативной партии.

Правительство Макдональда с перерывами находилось у власти до начала 90-х годов. При нем сложился ряд политических обычаев, действовавших свыше столетия.

Министров при Макдональдс было 14. Были образованы и укомплектованы персоналом министерства финансов, юстиции, внутренних дел, торговли, сельского хозяйства, рыболовства, лесного хозяйства, общественных работ, иммиграции, почт и телеграфа, милиции, ведомство генерального прокурора, ведомство государственного секретаря, которое занималось вопросами культуры.

Не всем министрам доверяли руководство министерствами — Макдональд назначил двух министров без портфеля и тем создал прецедент.

Ключевые посты — главы кабинета, министров финансов, торговли и промышленности, внутренних дел, генерального прокурора — занимали только политики-англоканадцы. Министрам-франкоканадцам доверялись

только второстепенные посты. Таковыми считались министерства лесного хозяйства, рыболовства, общественных работ, ведомство государственного секретаря. Правда, усилиями Картье и Ланжевена франкоканадцам к концу премьерства Макдональда удалось закрепиться также на важном посту министра юстиции. С тех пор на данный пост почти всегда назначают одного из депутатов палаты общин, избранных в Квебеке.

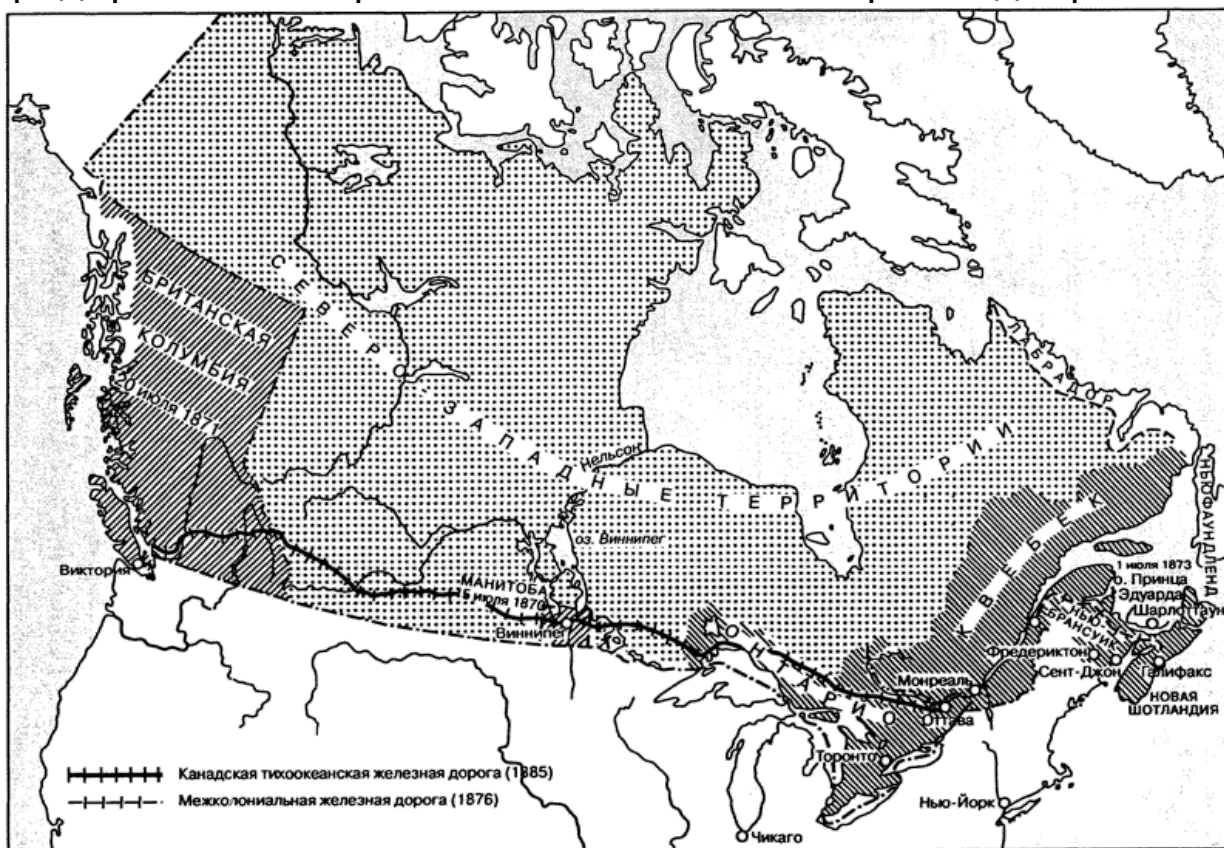
Будучи рьяным протестантом, Макдональд при распределении министерских постов открыто благоволил к последователям данной религии. Но в целях сохранения влияния партии в католическом Квебеке он в каждый кабинет назначал нескольких министров-католиков. Большую их часть составляли франкоканадцы, меньшую — ирландцы и потомки шотландских горцев. Обычай иметь в составе кабинета нескольких протестантов и католиков сохраняется в Канаде до сих пор. Меняется только соотношение между ними. Поклонник британских политических обычаев, Макдональд охотно назначал министрами депутатов верхней палаты — сенаторов. Данный обычай держался до 90-х годов XX века.

При Макдональдс были намечены и принципы регионального распределения министерских портфелей.

Вскоре стало обычаем, что преимущественные шансы на кресло премьер-министра имеет политик из Онтарио (или баллотирующийся в одном из округов Онтарио). Выходцы из Онтарио получили негласное право на важнейшие экономические министерские посты — промышленности и торговли, национальных доходов, сельского хозяйства, а политики из Новой Шотландии — на пост министра финансов в качестве компенсации за очень небольшое количество министерств (одно-два), которые Макдональд доверял

возглавить новошотландским депутатам федерального парламента.

Своего рода обычаем стало и невмешательство федеральных властей после застройки Парламентского холма в развитие собственной столицы. Ведь вопросы городского хозяйства не относились к сфере федеральной юрисдикции. Они считались «местными делами». Поэтому долгое время в облике маленького северного городка у подножия Парламентского холма не было решительно ничего столичного. Одноэтажные особняки с садами, пустынные улицы, телеграфные столбы на тротуарах, обступавшие город густые леса, отсутствие культурной жизни делали Оттаву скучным захолустным местом. Иностранные наблюдатели насмешливо именовали столицу доминиона «самой близкой к Северному полюсу лесопильней», а федеральный парламент — «Вестминстером в дебрях».



Кабинет Макдональда не пытался изменить ситуацию, полагая, и вполне резонно, что городские дела — сфера ответственности муниципалитета и провинции Онтарио. Провинциальные власти между тем заботились о благоустройстве столицы Онтарио — Торонто. А оттавский муниципалитет был крайне беден: в городе не было богачей. Обычай невмешательства федеральных властей в развитие столицы сохранялся добрых полвека. Поэтому расхожим выражением стало: «Оттава — некрасивый город и, кажется, она никогда не станет другой».

Не будучи предпринимателем, Джон Макдональд всегда поддерживал прочные связи с миром бизнеса и охотно назначал предпринимателей и менеджеров министрами, сенаторами и федеральными чиновниками. Подобное явление, характерное тогда для многих стран, закономерно породило «личную унию» между экономической и политической элитой. Живым воплощением ее в кабинете Макдональда были железнодорожный король миллионер Александр Голт, юрисконсульт железнодорожных компаний Картье и акционер нескольких финансовых и страховых корпораций Таппер.

Правительство Макдональда поощряло хозяйственное развитие страны. Выработанная им «национальная политика» включала развитие транспортного и промышленного потенциала доминиона, расширение его территории и увеличение таможенных пошлин.

Новоявленная федерация нуждалась в современных средствах сообщения даже более, чем в промышленности. Ведь без них не могло как следует развиваться сельское хозяйство — основа тогдашней

канадской экономики. Линии канадских железных дорог к 1867 г. едва дотягивались до берегов самого восточного из Великих озер — озера Онтарио, тогда как американские магистрали уже достигли Скалистых гор. Британские колонии на Тихоокеанском побережье ставили непременно условием вступления в доминион соединение их с центром Канады железными дорогами. Понятен поэтому девиз одного из виднейших соратников Макдональда — министра торговли Голта: «Моя политика — это железные дороги». Одно время эта фраза была сердцевиной предвыборных платформ консервативной партии. Сразу после образования кабинета Макдональда крупный капитал Монреаля и Торонто с благословения и при участии федеральных властей развернул подготовку к строительству трансконтинентальной магистрали. Четыре года ушло на обследование огромных полудиких территорий, геологическую и инженерную экспертизу, конкурс проектов, набор рабочей силы и т. д. Строительство магистрали, получившей название Канадской Тихоокеанской дороги (Канадиан пасифик), развернулось в 1871 г. и заняло около 15 лет.

Между тем уже в 1868 г. Макдональд и его министерство финансов провернули грандиозную сделку, сильно повлиявшую на облик и дальнейшие судьбы Северной Америки. Власти доминиона, получив согласие метрополии, приобрели у Компании Гудзонова залива за умеренную сумму (миллион с небольшим долларов) ее земельную собственность — несколько миллионов квадратных километров. Данные земли получили статус Северо-западных территорий. Территория доминиона возросла сразу в пять раз. Через три года Великобритания по настоянию местных жителей передала доминиону два небольших прибрежных владения на Дальнем Западе — Британскую

Колумбию и Викторию, где уже отмечался наплыв американских переселенцев.

Борьбу против поглощения тихоокеанских колоний Штатами, за присоединение к доминиону возглавлял издатель и муниципальный активист Амор де Космос. Под этим псевдонимом, в переводе означающим «всеобщая любовь», действовал переселенец из Новой Шотландии, левый либерал Уильям Смит. Ему было суждено стать первым премьером Британской Колумбии. Затем его избрали еще и депутатом федерального парламента (вскоре подобное совмещение постов было запрещено). Таким образом в 1871 г. Канада стала тихоокеанской державой. Еще двумя годами позже в состав доминиона согласился войти Остров Принца Эдуарда — Макдональд принял требование островитян о погашении федеральной казной государственного долга острова. Поскольку в Британской Колумбии и на Острове Принца Эдуарда жили главным образом белые переселенцы, Макдональд с самого начала обещал им статус провинций, и их присоединение к доминиону прошло без всяких осложнений.

Британская Колумбия вскоре превратилась в динамично развивающуюся индустриальную провинцию, цитадель боевого рабочего движения и одновременно оплот общеканадского патриотизма. Уже в 90-х годах XIX в. в ее законодательную ассамблею было избрано несколько независимых рабочих депутатов — это был первый прецедент такого рода во всей Британской империи. В то же время здесь на основе ресурсной индустрии быстро сложились местные крупнокапиталистические группировки.

Личная уния между предпринимателями и политиками в Британской Колумбии была еще более весомой, чем даже в Центральной Канаде или на Атлантическом побережье. Позже ванкуверские интеллектуалы отмечали: «Сто лет нашей провинции —

это сто лет прямого правления большого бизнеса». Британская Колумбия очень быстро урбанизировалась — много быстрее Квебека или Атлантических провинций. Основанный на берегах огромной бухты в 80-х годах XIX в. Ванкувер вскоре превратился в крупный порт и стал тихоокеанскими воротами доминиона. А тихий, чистый, сугубо сельский Остров Принца Эдуарда с его отличными пляжами и уютными луговинами стал к XX в. прекрасным местом отдыха. Эта провинция, где нет большого бизнеса и рабочего класса, где преобладают фермеры-овощеводы и духовенство, до сих так и не познала классовых или межнациональных конфликтов.

Другая судьба ожидала Северо-западные территории.

Кроме разрозненных и малочисленных индейских племен, уже обессиленных в ходе двухсотлетней борьбы с американцами и англичанами, там жили потомки квебекских «вояжеров» — франкоязычные метисы-католики. Они были авангардом европейского общества на неосвоенных землях, но авангардом весьма самобытным.

Как правило, метисы не знали грамоты и писаных законов, не любили городов. Будучи искусными всадниками и лодочниками, они не нуждались в железных дорогах. Обслуживая на протяжении двух веков Компанию Гудзонова залива, они привыкли к безгосударственности. Теперь власти старинной купеческой корпорации пришел конец, и собственности и образу жизни населения стали угрожать железнодорожные компании, земельные спекулянты и скваттеры.

Неожиданный отказ Компании от ее юрисдикции, намерение властей доминиона прислать своих чиновников, судей и войска повергло метисов в шок. Более же всего метисов-католиков возмутило намерение англоканадца-протестанта Макдональда превратить

исконные земли их обитания в политически бесправные территории. При всей своей малограмотности метисы все же знали о широких и закрепленных законом правах жителей канадских провинций и американских штатов.

Соппротивление обитателей тайги и прерий Северо-запада «национальной политике» Оттавы неразрывно связано с именем метиса Луи Риэля. Он родился на берегах реки Руж (*по-англ.* — Ред-Ривер). Подростком избрал профессию священника и уехал учиться в Монреаль в семинарию. Там увлекся политикой, отказался от получения духовного сана и стал школьным учителем. На родину вернулся в 1869 г. — как раз тогда, когда ее должны были передать под юрисдикцию доминиона. Смелый, бескорыстный, неплохо образованный, Риэль в короткое время завоевал доверие населения. При его участии в ноябре 1869 г. в Манитобе вспыхнули народные волнения. В форпосте Компании Гудзонова залива — Форте-Гэрри метисы образовали «временное правительство Северо-западной республики». Риэль стал его секретарем (фактическим главой). Временное правительство конфисковало собственность Компании Гудзонова залива, подготовило и провело выборы в местное законодательное собрание, утвердило флаг Манитобы, наладило охрану общественного порядка, провозгласило двуязычие — равенство французского и английского языков.

Заседания временного правительства проходили, несмотря на сильный мороз, под открытым небом и при участии сотен местных жителей, независимо от их языка и религии. В обстановке прямой демократии Северо-западная республика выработала условия вступления в состав Канады: статус провинции, а не территории; уважение земельных прав населения; сохранение двуязычия; выделение провинции четырех депутатских мест в палате общин в Оттаве; федеральное финансирование нужд Манитобы в течение четырех лет.

В данных требованиях усмотреть экстремизм трудно. Восставшие не возражали против присоединения к доминиону. Предложенная ими квота в палате общин, основанная на численном составе населения края, была много меньше квоты любой из канадских провинций (не особенно густонаселенные Новая Шотландия и Нью-Брансуик имели в палате по 15 мест). Самые радикальные требования восставших не шли дальше наделения (по образцу Дальнего Запада США) избирательными правами мужчин старше 21 года, владевших недвижимостью.

Правительство Риэля публично обязалось функционировать только до перехода края под контроль федеральной власти. Оно направило уполномоченных в Оттаву и предлагало мирно урегулировать все спорные вопросы.

Кабинет Макдональда сначала был настроен на компромисс. Скрепя сердце он пошел на переговоры с метисами. В устной форме и через третьих лиц (обычно через священников) он обещал не преследовать участников восстания. Однако почти все англоязычные политики доминиона были встревожены появлением невиданной в канадской истории республиканской и демократической власти. В Северо-западной республике, отражавшей опыт развития многих американских штатов, антиамерикански настроенные канадские консерваторы усматривали вызов устоям Британской империи. Макдональд писал в это время, что «порывистые метисы испортились в ходе мятежа». В устах сухого и сдержанного политика это было равносильно площадной ругани.

Однако полное отклонение требований манитобцев причинило бы правящей партии урон в Квебеке, где быстро обозначились массовые симпатии к метисам. По настоянию Картье (есть сведения, что он тайно встречался с Риэлем) федеральный парламент 12 мая

1870 г. принял Манитобу в федерацию на правах провинции. Декларировалось уважение собственности и обычаев метисов и индейцев, равноправие двух языков. Манитобский акт стал успехом восставших, которые дали правящим кругам доминиона наглядный урок политической демократии.

На дальнейшие события значительное влияние оказало дело англоязычного поселенца Томаса Скотта, которого республиканские власти Ред-Ривер уличили в преднамеренном убийстве франкоязычного метиса, предали суду и расстреляли. Десятки англоязычных беженцев хлынули из Манитобы в Онтарио, прося защиты и правосудия.

После расстрела Скотта ассамблея и правительство Онтарио заняли непримиримую позицию. Они назначили за голову Риэля награду в 5 тысяч долларов и призвали федеральную власть ко вмешательству. Онтарио было родной провинцией Макдональда, и он всегда прислушивался к ее требованиям. Доминион двинул к Форт-Гэрри батальон английских войск и добровольческую милицию Онтарио — 1200 штыков под общим командованием полковника Уолсли.

Железных дорог Онтарио — Манитоба пока не было. Метисы и индейцы были в состоянии надолго задержать и обескровить экспедицию Уолсли среди болот, озер и лесных чащоб Северного Онтарио. Но Риэль и его соратники не планировали наступательных действий. Макдональд и Картье усыпили их бдительность обещаниями. В июле 1870 г. войска достигли Форта-Гэрри и приготовились к его штурму. Члены временного республиканского правительства сумели в последнюю минуту скрыться. В нарушение Манитобского акта последовали аресты и конфискации имущества по обвинению в мятеже, из-за чего часть метисов бежала на запад, в Саскачеван.

Через год обосновавшийся в Форте-Гэрри лейтенант-губернатор провинции Адаме Арчибальд опубликовал воззвание к скрывавшемуся от властей Риэлю. Уполномоченный британской короны обращался к мятежнику с необычной просьбой — помочь властям в отражении вероятного вторжения американо-ирландских фениев. Риэль ответил согласием и вскоре создал отряд из 500 вооруженных всадников, предотвратив таким образом рейд фениев. Вторично бунтовщик Риэль помог сохранить Манитобу в составе доминиона.

Арчибальд счел нужным публично встретиться с Риэлем, обменяться с ним рукопожатием и пообещать амнистию. Этот поразительный эпизод указывал на колоссальный авторитет 27-летнего вождя метисов и на опасность аннексии канадских прерий американцами. В такой обстановке бунтовщика не очень-то разыскивали.

Макдональд и Картье в 1872 г. предприняли еще один искусный политический ход. Премьер-министр, не принимая мер к аресту Риэля, передал ему через епископа Таше деньги — 1000 долл. и совет покинуть доминион, «пока не улеглись политические страсти». Вместе с советом было передано и новое обещание амнистии. Уважавший духовенство Риэль перебрался в США. Через десять лет он стал американским гражданином.

Между тем жители Манитобы в 1873 г. заочно избрали Риэля в палату общин. Во франкоязычном округе Прованше он был избран единогласно — никто не стал баллотироваться вместе с Риэлем. Правительство аннулировало итоги выборов в округе, но на повторных выборах мятежник одержал вторую заочную победу. Тогда палата общин голосами консерваторов и части либералов провела резолюцию об его «изгнании» из парламента. Только однажды Риэлю тайно удалось проникнуть на Парламентский холм и расписаться в

журнале палаты, куда он был избран, даже не ведя предвыборной кампании...

Восстание 1869–1870 гг. стало вехой в истории всего Канадского Запада. Оно заложило фундамент радикальной традиции в общественной жизни канадских прерий. Восстание означало также попытку франкоканадцев утвердиться на новых землях. Завоевание манитобцами провинциального статуса стало примером населению Британской Колумбии, Альберты и Саскачевана. Почти бескровное подавление восстания укрепило позиции доминиона и авторитет правительства Макдональда. Манитоба стала пятой провинцией доминиона, Британская Колумбия — шестой, Остров Принца Эдуарда — седьмой. Восстание Риэля не смогло остановить реализацию планов трансконтинентального железнодорожного строительства. Задержали их события другого рода — громкий «тихоокеанский скандал» и его последствия.

В 1872–1873 гг. достоянием общественности стало получение министрами-консерваторами у отечественных и американских предпринимателей внушительных денежных сумм в обмен на очень выгодные правительственные контракты. Запятнанными оказались прежде всего Макдональд и Картье. Компрометировавшие их документы были обнародованы газетами. Подлинность их никем не оспаривалась. Часть депутатов-консерваторов в знак протеста против продажности лидеров покинула партию, часть других перешла к либералам.

Не утративший остатков порядочности премьер-министр ушел в отставку. Картье скоропостижно скончался. Генерал-губернатор объявил внеочередные выборы 1873 г., на которых верх взяли плохо организованные и имевшие мало денег, но не разъединенные продажностью либералы. С тех пор

канадские консерваторы и либералы сменяют друг друга у руля федеральной власти.

Федералисту Картье суждена была необычная посмертная судьба. В родном Квебеке его вскоре забыли. Там нет даже его дома-музея. Зато англоязычная Канада воздавала и воздает ему почести. В Оттаве, Торонто и многих других городах его именем названы улицы, эстакады, школы.

При либеральном кабинете Александра Маккензи сооружение Тихоокеанской железной дороги сильно затормозилось. Либералы отказывали железнодорожным магнатам в кредитах и субсидиях, на которые был столь щедр Макдональд. На трассе будущей магистрали велись только геодезические и картографические работы.

Второй по счету премьер-министр доминиона учредил предусмотренный конституцией Верховный суд, улучшил организацию и финансирование прочих федеральных судов, ввел тайное голосование на выборах. Он отказался от предложенного ему британской короной звания рыцаря. Экономя государственные средства, Маккензи не имел даже секретаря и потому собственноручно писал ответы на все письма избирателей.

При первом либеральном правительстве в федеральном парламенте поставили статую Уильяма Маккензи, которого канадские либералы считали основателем партии. В торонтском Некрополисе появились бюсты мучеников 1837 г. — Лаунта и Мэтьюза.

Правительство заключило серию договоров с индейцами прерий — ассинибойнами, кри, черноногими, закрепив их право на часть их исконных земель. Так окончательно сложилась система резерваций. Для управления Северо-западными территориями либералы учредили администрацию со штаб-квартирой в Принс-Альберте (Саскачеван), а для поддержания

правопорядка — Королевскую канадскую конную полицию, служащие которой проходили тщательный отбор и хорошо оплачивались.

В потерпевшем банкротство Острове Принца Эдуарда Оттава на федеральные средства провела земельную реформу. Она выкупила землю у живших на Британских островах помещиков и по низкой цене продала ее сельским труженикам. Вскоре Остров Принца Эдуарда прославился чуть ли не на весь доминион первоклассным картофелем.

Правление либералов было недолгим. Сказывались отсутствие управленческого опыта, враждебность крупного капитала и франкоканадцев-католиков (соратники Маккензи сплошь были протестантами), низкая дисциплина в партийной фракции и отсутствие у партии центрального аппарата. К тому же проамерикански настроенные либералы догматически придерживались малопопулярного курса на снятие в одностороннем порядке таможенных барьеров в слабом в финансовом и промышленном отношении доминионе.

Очередные выборы 1878 года ознаменовались победой консерваторов во главе с искусным и испытанным лидером — Макдональдом. Его «национальная политика» стала к тому времени популярной. Английское правительство возвело его в рыцарское звание. Консервативная партия хорошо финансировалась, была организована по образцу британских консерваторов, умело вела избирательные кампании.

Вернувшись к власти, Макдональд повысил ввозные таможенные пошлины, что существенно помогло развитию канадской промышленности и сферы услуг. Опережающими темпами развивались металлообработка, трикотажная и пищевая промышленность.

При поддержке финансовых и промышленных корпораций «Старый вождь» способствовал ускорению сооружения Канадской тихоокеанской магистрали. Новые контракты на ее строительство были подписаны в 1880 г. Макдональдом и группой дельцов из Монреаля, не замешанных в «тихоокеанском скандале» и связанных не с американским, а с английским капиталом. Ведущее положение среди них занимали Уильям Ван Хорн и Дональд Смит.

Под правительственные гарантии компании-подрядчики получили большие кредиты в английских банках. Образованный ими консорциум «Канадиан пасифик» обязался достроить магистраль за 10 лет, получив взамен ряд льгот — 25-мильную полосу отчуждения вдоль самой линии, значительные земельные угодья на Северо-западных территориях и в Британской Колумбии.

К этому времени из недостававших 4800 км рельсового полотна за восемь лет было протянуто и оборудовано только 1250. Рекламная иммиграционная кампания в доминионе и за его пределами позволила «Канадиан пасифик» быстро «насытить» строительство рабочей силой (в том числе ирландцами, славянами, немцами), квалифицированными техниками, инженерами и управленцами. В свою очередь сооружение магистрали вызвало повышенный спрос на сталь, рельсы, уголь, инструменты и т. д., что укрепило молодую, только вставшую на ноги канадскую тяжелую индустрию. Но прежде чем завершился «проект века», Макдональду пришлось пережить второе Северо-западное восстание. Центр его находился в степном Саскачеване.

Метисское население Саскачевана получило при Макдональде и Маккензи пополнение — манитобцев, бежавших из родных мест после подавления первого Северо-западного восстания. На севере края самочинно

образовалось полунезависимое метисское сообщество с центрами в поселках Сен-Лоране и Батоше. Сообщество держалось лояльно к властям доминиона, но имело собственную выборную систему управления. Его главой был избран известный отвагой и справедливостью охотник Габриэль Дюмон.

Вскоре это сообщество стало объектом произвола властей. Не принимая во внимание права местных жителей, власти доминиона раздавали земли Саскачевана «Канадиан пасифик» и англоязычным переселенцам. Прокладка магистрали закономерно привела к уходу или гибели массы бизонов, охотой на которых жили многие саскачеванцы. Неурожаи 80-х годов сопровождались полным равнодушием присланных из Центральной Канады англоязычных федеральных чиновников к участи голодавших индейцев и метисов.

Петиции саскачеванцев в Оттаву с просьбой о вмешательстве остались без ответа. Тогда общее собрание метисов обратилось за помощью к Луи Риэлю, который жил в эмиграции в Монтане, где преподавал в католической школе. В июле 1884 г. приветствуемый многими саскачеванцами Риэль въехал в Батош. Арестовать его федеральным властям не удалось.

Риэль стал политическим руководителем метисов, тогда как Дюмон — военным (генерал-адъютантом). Они немедленно вступили в переговоры с индейцами о совместных действиях. В Оттаву направили подробную петицию и Билль о правах. Документы удалось передать государственному секретарю Канады Адольфу Шапло. Они повторяли многие условия Манитобского акта и требовали также снижения ввозных пошлин, строительства железной дороги к Гудзонову заливу, улучшения продовольственного снабжения индейских резерваций.

Федеральные чиновники Северо-запада и правительство Макдональда не отреагировали на петиции. (Премьер-министр позже отрицал, что видел их.) Неуступчивость центра накалила обстановку. Метисы перестали выполнять работы, производившиеся по правительственному заказу. Власти двинули в Северный Саскачеван Королевскую канадскую конную полицию. Тогда 19 марта 1885 г. франкометисы с оружием в руках образовали в Батоше временное правительство. Риэль — американский гражданин — формально не вошел в его состав. Восставшие захватили оружие и патроны на правительственных складах и провели аресты среди англоязычных поселенцев.

Так началось второе Северо-западное восстание.

В восстании участвовала небольшая часть саскачеванцев. Англоязычные метисы и белые поселенцы не поддержали Риэля. Их оппозиция Оттаве не вылилась в вооруженное сопротивление доминиону. Разбросанные по резервациям индейцы племени кри во главе с вождями Большим Медведем и Тяжелым Телом обещали повстанцам поддержку, но выступили с большим опозданием. 26 марта восставшие приняли боевое крещение, сразившись с Королевской конной полицией на берегу Утинового озера. Луи Риэль находился в первых рядах метисов без оружия, с распятием в руке. Под организованным Дюмоном перекрестным огнем повстанцев полицейские в беспорядке и с потерями отступили, сожгли свой ближайший форт и укрылись в территориальной столице — Принс-Альберте. Метисы в качестве трофеев захватили винтовки и повозки. Риэль запретил преследование рассеянных сил противника, чтобы не увеличивать масштабов кровопролития. Вождь не мог расстаться с надеждами на мирное урегулирование конфликта.

После позорной неудачи у Утинового озера Оттава направила в район восстания 8 тыс. солдат и офицеров.

Командование премьер-министр поручил генералу Мидлтону, сражавшемуся ранее с сипаями в Индии и с маори в Новой Зеландии. Против полутысячи метисов с охотничьими ружьями власти доминиона использовали пехоту, кавалерию, митральезы (прообраз пулеметов), железные дороги, телеграф, пароходы. Одна колонна Мидлтона следовала с запада, две других — с юга и с юго-востока.

Восставшие были отличными стрелками и наездниками, прекрасно знали местность. Они умели возводить непроницаемые для пуль бревенчатые блокгаузы. Их воодушевляло сознание того, что они сражаются за правое дело. Но у них было мало патронов и совсем не было артиллерии.

Метисам было выгодно вести партизанскую войну. Убежденным ее сторонником был Дюмон. Однако он встретил сопротивление Риэля, который полагал, что партизанская стратегия слишком напоминает действия индейцев. Поэтому повстанцы вступали в регулярные бои с гораздо более многочисленным и лучше вооруженным неприятелем.

Восставшие столкнулись также с оппозицией законопослушного духовенства. В разгаре боев священники перестали допускать повстанцев к причастию, что для религиозных метисов стало серьезным ударом. Замешательство среди них было бы сильнее, если бы не присутствие Риэля, который умел поддерживать соратников страстными речами с обязательной богословской аргументацией. Метисское войско выдержало несколько столкновений с силами Мидлтона, командование которых действовало неуверенно и шаблонно. Решающий бой последовал 9–12 мая 1885 г. близ Батоша.

Перед боем при Батоше генерал Мидлтон распылил силы армии на борьбу с индейцами и на прикрытие тыла, что было весьма нерасчетливо, и имел «только»

тройное численное превосходство Три дня восставшие, закрепившиеся на удачно выбранной позиции с блокгаузами и окопами и почти не несшие потерь, отбивали атаки правительственных сил. Тщетным было использование новейшей военной техники — американской митральезы Гатлинга. Она сделала несколько тысяч выстрелов, но ни один повстанец не был убит.

На третий день затяжного позиционного боя даже самоуверенный Мидлтон утратил веру в победу. Однако через священников ему стало известно, что у метисов кончаются патроны. Они вынуждены были стрелять гвоздями и мелкими камнями. Когда у метисов совсем не осталось боеприпасов, войска штурмом взяли их позицию. Батош был захвачен. Уцелевшие повстанцы разбежались в разные стороны. С обеих сторон насчитывалось в совокупности 25 убитых и около 100 раненых.

«Последняя битва на канадской земле», как называли бой при Батоше канадские историки, закончилась. К августу правительственные войска подавили разрозненное сопротивление индейцев. Их предводители — Большой Медведь и Тяжелое Тело — были судимы, получили по три года тюрьмы и умерли вскоре после досрочного освобождения. Пять других индейцев, в том числе молодой вождь Блуждающий Дух, были приговорены к смерти.

После победы начались грабежи. Мидлтону позже подозревали в присвоении отобранных у мятежников мехов. Но генерал не понес наказания. Вместо этого он получил денежную награду и был повышен в звании. Правда, из доминиона его отозвали. Позже королева Виктория сделала Мидлтону рыцарем. Габриэль Дюмон бежал в Монтану. Риэль сначала скрылся, но затем добровольно отдал себя в руки властей, надеясь тем самым смягчить репрессии против соплеменников.

Громкий судебный процесс над героем Манитобы и Саскачевана проходил летом 1885 г. Громким он был уже по названию иска — «Королева против Луи Риэля». Пожалуй, это был самый необычный процесс во всей канадской истории. Глава Британской империи судилась с частным лицом!

Суд проходил с нарушениями правовых норм. Государственного преступника обычно судят в столице государства или по месту совершения преступления. Власти доминиона не решились судить Риэля в Северном Саскачеване, где многие видели в нем народного заступника. Не входил в расчеты властей и суд в Оттаве, находящейся на границе с Квебеком. Риэля судили в Реджайне — поселке на юге Саскачевана с преимущественно англоязычным населением. Риэлю было предъявлено обвинение в государственной измене, что было вопиющей несоразмерностью — обвинять в измене можно было британского подданного, а подсудимый был гражданином США.

Вместо полагавшихся в делах о государственной измене 12 присяжных власти назначили только шесть. Все они были англоканадцами-протестантами. Председатель суда Ричардсон ненавидел метисов и все связанное с ними.

Власти доминиона, правительства большинства провинций и большая часть англоканадской общественности открыто стремились к казни обвиняемого. Правда, квебекцы спешно образовали Комитет защиты Риэля и наняли известных адвокатов. Но те не стремились добиться оправдательного приговора. Они доказывали, что Риэль психически болен и потому неподсуден.

Окруженный врагами и тайными недоброжелателями, Риэль держался стойко. Плохо зная английский, он тем не менее произнес на процессе превосходное последнее слово: с гордостью говорил о

создании им «свободных институтов», которые на законном основании существуют и развиваются в Манитобе; назвал истинными виновниками кровопролития правящие круги доминиона. Риэль не отрицал, что он самолюбив и честолюбив, но решительно отклонил оскорбительную версию о «сумасшествии». В тесном, до отказа набитом неказистом деревянном помещении Реджайнского суда твердо прозвучали слова главного подсудимого: «Мне не нужна жизнь, если меня не признают мыслящим существом».

Присяжные колебались. Они вынесли вердикт о виновности подсудимого, но с рекомендацией о смягчении наказания. Судья же Ричардсон, проигнорировав ее, приговорил Риэля к смерти через повешение. Казнь трижды пришлось откладывать. Сторонники Риэля немедленно обжаловали приговор в Верховном суде Манитобы, затем в Верховном суде Канады, а когда это не помогло — в Судебном комитете Тайного совета в Лондоне. Власти США заявили решительный протест против смертного приговора американскому гражданину. В кампанию протеста включилась общественность Квебека, пограничных штатов США, Франции, некоторые демократические общества Великобритании. Но официальный Лондон оставил приговор в силе. Позже выяснилось, что непреклонный Макдональд в те дни говорил: «Мы повесим его, пусть в его защиту лают хоть все квебекские собаки». Сходным образом были настроены правящие круги Британской империи.

Шестнадцатого ноября 1885 г. приговор привели в исполнение. Вслед за Риэлем на том же эшафоте приняли смерть Блуждающий Дух и еще четыре индейца — активные участники восстания. Ни один из приговоренных не молил о снисхождении. Тело Риэля было передано родственникам и перевезено ими в

сопровождении сотен метисов на его родину — в предместье Виннипега Сен-Бонифас. Над могилой воздвигли суровое гранитное надгробие. (Пройдет сто лет, и граждане Монреаля, Виннипега и Реджайны поставят Риэлю памятники. На месте его казни в центре Реджайны пойдет документальная драма о Северо-западных восстаниях. Федеральный парламент отменит вынесенный ему обвинительный приговор. Луи Риэль станет одним из немногих персонажей общеканадской, а не местной истории.)

Квебек впервые за полвека охватили бурные антиправительственные демонстрации и митинги. Тысячи монреальцев жгли чучела министров-консерваторов и впервые в жизни пели «Марсельезу». Вождь квебекских либералов Оноре Мерсье гневно говорил на публичных собраниях: «Казнен наш брат Риэль — жертва предубеждений и жестокости». Франкоканадцы всех провинций повернули в сторону либеральной партии, лидеры которой отмежевались от действий правительства.

Молодой депутат-либерал Уилфред Лорье заявил в парламенте: «Если бы я жил в Саскачеване, я тоже взялся бы за ружье, чтобы сражаться против бессовестных угнетателей... Ненависть вызывают не восставшие, а те, кто на просьбу о хлебе ответил пулей». Победа над восставшими нанесла консерваторам и имперским кругам доминиона непоправимый ущерб. В расстановке политических сил Кканады наметились фундаментальные перемены.

Уже в 1886 г. сокрушительное поражение на очередных провинциальных выборах потерпело консервативное правительство Квебека. Затем «партия сэра Джона Макдональда» во франкоязычных округах от Нью-Брансуика до Манитобы понесла солидные потери на федеральных выборах. Правда, она сохранила и укрепила базу поддержки в англоязычной части страны

и осталась у власти. Семидесятилетний Макдональд окончательно стал кумиром англоканадской протестантской общественности. «Сэр Джон, вы бессмертны!» — взволнованно кричали ему поклонники. Одни из них ценили антиамериканизм Макдональда, другие — его решительность и неумолимость в поддержании правопорядка.

Подавление второго Северо-западного восстания распахнуло ворота канадских прерий перед наступающими товарно-денежными отношениями и индустриальным капитализмом.

Почти в один день с казнью Риэля один из финансистов и управляющих «Канадиан пасифик» — Дональд Смит — вбил у станции Крэдшерри в Скалистых горах последний стыковочный костыль. Самая протяженная по тогдашним меркам железная дорога была построена, и по ней немедленно двинулись товарные составы. Опыт ее прокладки среди тайги, болот и степей впоследствии был использован русскими строителями при сооружении Великой Сибирской магистрали.

Через несколько месяцев после стыковки у Крэдшерри по линии торжественно прошел первый комфортабельный трансканадский экспресс Монреаль — Ванкувер. Дональд Смит вскоре стал лордом Стратконой.

В дешевых вагонах, а затем в фургонах или пешком в прерии двинулись десятки тысяч переселенцев из Центральной Канады, США, Британских островов и континентальной Европы. С этого времени охотники на бизонов, мехоторговцы и лодочники шаг за шагом уступали позиции фермерам, железнодорожникам, школьным учителям и юристам. Сторонники быстро наступавшего индустриального капитализма однако кое в чем проявляли дальновидность. Некоторые из них уже тогда понимали, что губить природу во имя прибылей не

по-хозяйски. В том же 1885 г. федеральная власть на склонах Скалистых гор создала первый в доминионе Банфский национальный парк (заповедник). Его территорию определили в 6600 кв. километров. Довольно скоро Банф с его нетронутой природой и целебными минеральными источниками превратился в дорогой модный курорт.

Всего через год в прериях на берегах Саскачевана был образован второй национальный парк. Тогда же Британская Колумбия создала первый в доминионе провинциальный заповедник. Заметим, что канадцы стали создавать национальные парки ранее закона об их статусе. Закон о Банфском парке был принят парламентом в конце 80-х годов. А всеобъемлющий закон о национальных парках появился только в 1930 г., когда парков уже насчитывались десятки. Зато охрана парков и заповедников с самого начала была поставлена очень хорошо.

«Канадиан пасифик», впоследствии стала мощной многоотраслевой корпорацией, проникшей в ресурсный сектор и в сферу услуг. Ей принадлежат роскошные гостиницы в крупнейших канадских городах. Она и поныне остается одной из твердынь канадского национального капитала.

Конец премьерства Макдональда, на первый взгляд, казался триумфом централизаторской «национальной политики». Правление консерваторов омрачал, однако, длительный застой в экономике доминиона. Население Канады перестало расти из-за опоздания с законом о раздаче земли иммиграция оставалась небольшой, зато увеличилась эмиграция из доминиона в США и Австралию. От выезда экономически активного населения за рубеж особенно страдали Квебек и Новая Шотландия.

Малозаметными прошли два серьезных политических события 1887 г.: премьеры семи

провинций впервые собрались на конференцию без участия федерального центра, а либеральная партия избрала очередным лидером Уилфреда Лорье. Однако влияние данных событий на дальнейшую канадскую историю оказалось куда значительнее, чем предполагали современники. Они стали сигналом будущего возвышения провинций в федерации и возвышения федеральной либеральной партии.

Смерть Макдональда (1891) лишила консерваторов влиятельного и решительного руководителя. Как часто бывает, «старый вождь» не оставил консерваторам одаренного и бесспорного преемника. В правящей партии доминиона, возглавляемой престарелыми и малоспособными политиками, началась политическая чехарда из добровольных и принудительных отставок и естественных смертей. За каких-нибудь пять лет в доминионе сменилось четыре консервативных премьер-министра.

Всеобщие выборы 1896 года принесли победу либералам под руководством нажившего политический капитал и находившегося в расцвете сил Лорье. Впервые федеральные либералы победили консерваторов в Квебеке. И не только победили — квебекцы поддержали либералов огромным большинством голосов (правда, многие потом на исповеди покаялись в новом политическом выборе как в прегрешении).

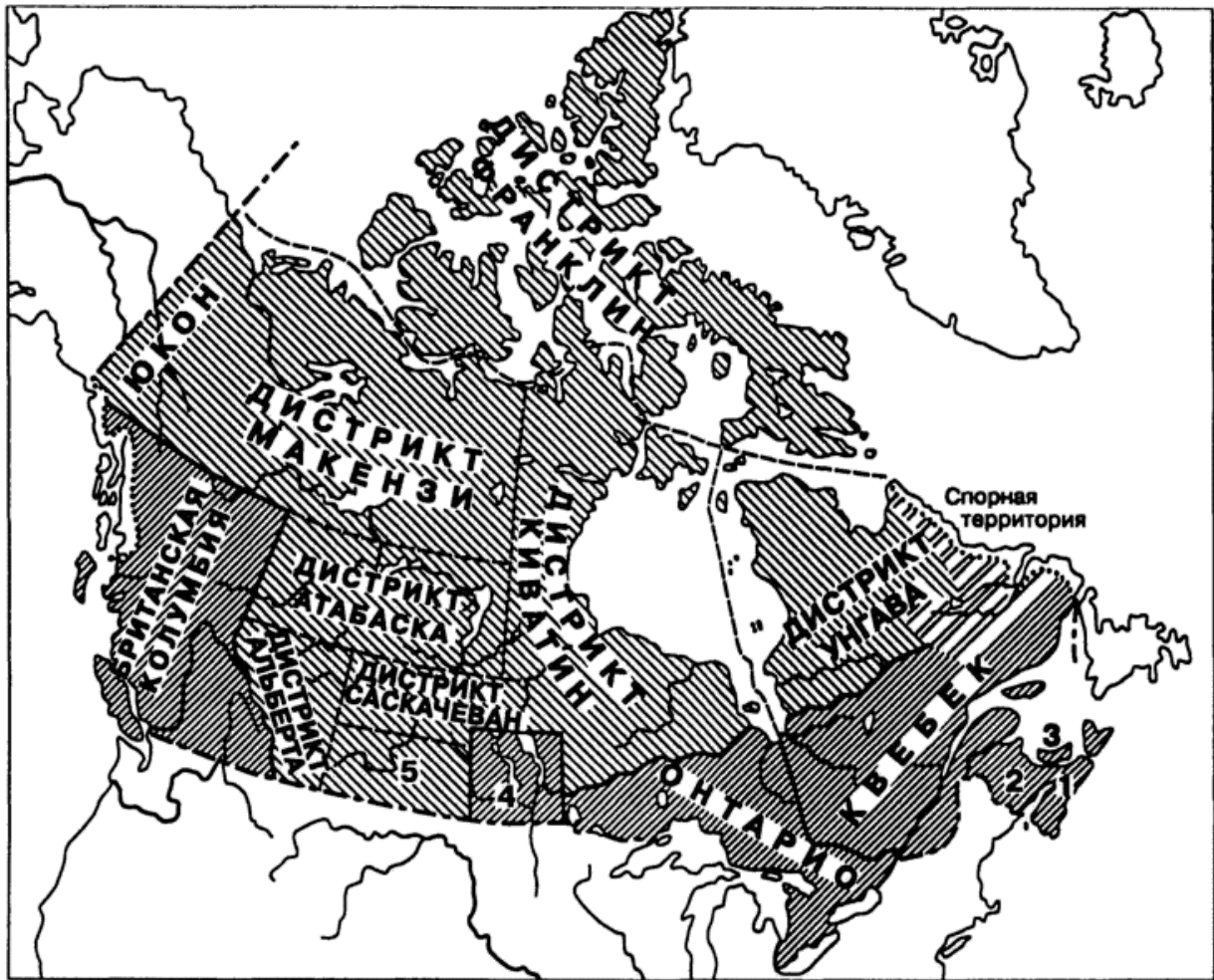
Большую роль в победе либералов сыграли примирение партийного руководства с католической верхушкой, принадлежность Лорье к католицизму и его выступления в защиту Риэля, которого многие франкоканадцы стали чтить как мученика. Заметим, что при Лорье в Саскачеван беспрепятственно вернулись уцелевшие участники Северо-западных восстаний, в том числе Дюмон. Лорье искусно распределил министерские портфели между ведущими деятелями партии. Будучи франко-квебекцем и католиком, он назначил на

ключевой пост — пост министра финансов — англоканадца-протестанта из Манитобы Клиффорда Сифтона (1861-1929).

При либеральном правительстве во главе со способными администраторами Лорье и Сифтоном доминион пережил невиданный ранее экономический подъем. Урбанизация стран Запада и самой Канады вызвала устойчивый рост массового спроса на продовольствие. А изобретение элеваторов и мясных консервов, дорожное строительство облегчили освоение Запада и укрепили положение фермерства и торговой буржуазии.

Клиффорд Сифтон выработал первые в канадской истории продуманные иммиграционные программы, нацеленные прежде всего на заселение прерий доминиона, где тысячами стали оседать европейцы — немцы и голландцы, венгры и швейцарцы, англичане и скандинавы, славяне — от поляков и украинцев до сербов и словаков.

В конце XIX в. в Канаду прибыли русские духоборы. В 1898 г. в Альберте была возведена первая в доминионе православная церковь. В дальнейшем была образована епархия Эдмонтонская и Нью-Йоркская. На карте Запада появились славянские названия — Бучач, Дунай, Хлебодаровка. Во многих начальных школах канадского Запада преподавание начали вести на языках этнических групп, в том числе на украинском, чешском, русском, немецком. Провинциальные власти, как правило, не препятствовали подобным действиям местных школьных комиссий. Это позволило многим иммигрантским общинам сохранять культурную самобытность. Языком же официальным постепенно стал английский.



Административное деление Канады, 1898 г.

Цифрами на карте обозначены: 1. Новая Шотландия; 2. Нью-Брансуик; 3. Остров Принца Эдуарда; 4. Манитоба; 5. Дистрикт Ассинибойа

В славянских общинах доминиона неофициальным языком межэтнического общения стал со временем украинский, занимающий промежуточное положение между языками восточных, западных и южных славян.

Западные провинции и территории вскоре превратились в регион с очень большой долей разных

этнических групп — в «канадскую мозаику».

На Запад, сверх того, отправились искать счастья многие бедняки из Атлантических провинций, Онтарио и из соседних американских штатов. Один поток иммигрантов шел с востока, второй — с юга, третий — с запада через Британскую Колумбию. Все потоки смешивались в Альберте. Доля населения прерий в населении доминиона в целом к XX в. возросла с 4–5 до 25%. За каких-нибудь 10–15 лет полупустынные когда-то Манитоба, Саскачеван и Альберта покрылись сетью деревень, сел, элеваторов и железнодорожных станций и превратились в районы пашенного земледелия и племенного скотоводства. Огромный степной регион от Великих озер до Скалистых гор с тех пор носит название «канадской пшеничной корзины».

Как на дрожжах росли западноканадские города, прежде всего столица Манитобы — Виннипег, чье расположение на границе прерий и лесов в центре Северной Америки, было весьма выгодным. Появилась даже пословица: «Все пути ведут в Виннипег». За ним следовали тихоокеанский Ванкувер и степные Эдмонтон, Реджайна и Калгари.

Правительство Лорье сделало то, чего не сделали Макдональд и Маккензи, — в 1905 г. оно наделило бурно развивавшиеся Саскачеван и Альберту правами провинций. Канада стала страной девяти провинций. Лорье был первым канадским премьер-министром, баллотировавшимся в парламент от Запада (он выбрал один из округов Саскачевана). Эти обстоятельства надолго превратили канадские прерии в политический оплот федеральных либералов.

Экономический подъем прерий стал составной частью общеканадского хозяйственного преуспевания начала XX века. В доминионе были открыты богатые залежи серебра, алюминия, асбеста, кобальта, никеля, железной руды. На Дальнем Севере в долине Юкона

началась знаменитая (воспетая Джеком Лондоном и канадским поэтом Робертом Сервисом) клондайкская «золотая лихорадка». Одно время там намывали золото около 50 тысяч старателей со всего света.

В страну впервые за всю ее историю стало выгодно вкладывать большие капиталы. Первыми инвесторами стали английские и американские предприниматели. В доминионе их привлекало редкое сочетание дешевого сырья и недорогой, но квалифицированной рабочей силы. Вместе с инвестициями в страну пришла новейшая технология.

В начале XX в. Лорье гордо провозгласил: «Девятнадцатый век был веком Штатов, двадцатый век станет канадским веком». Ему было чем гордиться. По темпам хозяйственного развития Канада вышла на первое место в мире. В стране была создана автомобильная промышленность. Первый автозавод открылся в Уинсоре в 1904 г. — всего годом позже, чем автозавод Генри Форда в Детройте. Ускорились и духовное развитие общества. Увеличивалось количество колледжей и вузов. Повышалось качество образования. Появлялось все больше общественных ассоциаций, театров, книжных издательств, газет, журналов. В частности, именно тогда в Онтарио была основана леволиберальная, рассчитанная на жителей рабочих окраин газета «Торонто дейли стар», ставшая соперницей основанной ранее чопорно-консервативной «Глоб энд мейл».

«Торонто дейли стар» со временем суждено было превратиться в самую читаемую газету доминиона. В быстро заселявшейся Манитобе молодой публицист Джон Дафо основал пролиберальную «Виннипег фри пресс», быстро завоевавшую внимание общества серьезной постановкой проблем, смелой защитой прав граждан и высококачественными карикатурами. Федеральная столица на рубеже XIX и XX вв. обзавелась

двумя ежедневными англоязычными газетами — «Оттава джорнэл» и «Оттава ситизен». Первая из них стала верной сторонницей консерваторов, вторая поддерживала либералов.

Торонтский предприниматель Джон Маклин в 1907 г. основал сначала ежедневную «Файненшл пост», ставшую любимой газетой канадских банкиров и биржевиков, а затем массовый иллюстрированный журнал, назвав его в свою честь. К нашему времени «Маклинз» превратился в самый крупный канадский журнал.

Франкоканадский националист и пацифист Анри Бурасса создал в Монреале в 1910 г. рассчитанную на мыслящего читателя газету «Девуар». Бурасса не гнался за броскими заголовками, выигрышным оформлением, массовым тиражом и не угождал вкусам обывателей. Он превратил «Девуар» в аналитический орган, в котором видное место всегда занимали глобальные события. Вскоре она завоевала репутацию (и удерживает ее по сей день) самой солидной франкоязычной газеты всего Западного полушария.

Торонтские поклонники искусства в 1907 г. основали Королевский Александрийский театр, ставший к нашему времени одним из самых значительных театральных центров Северной Америки.

При Лорье набрала популярность недавно изобретенная канадская национальная игра — хоккей с шайбой. В стране появились сотни ледяных площадок. Одна за другой появились команды с колоритными названиями — «Оттавские сенаторы», «Квебекские северяне», «Торонтские кленоволистники», «Монреальские канадцы», «Гамильтонские тигры», «Виннипегские синие бомбардиры», «Эдмонтонские нефтяники», «Ванкуверские ястребы». Вскоре была образована Национальная хоккейная лига. Затем был учрежден и высший ежегодный трофей — Кубок Стэнли.

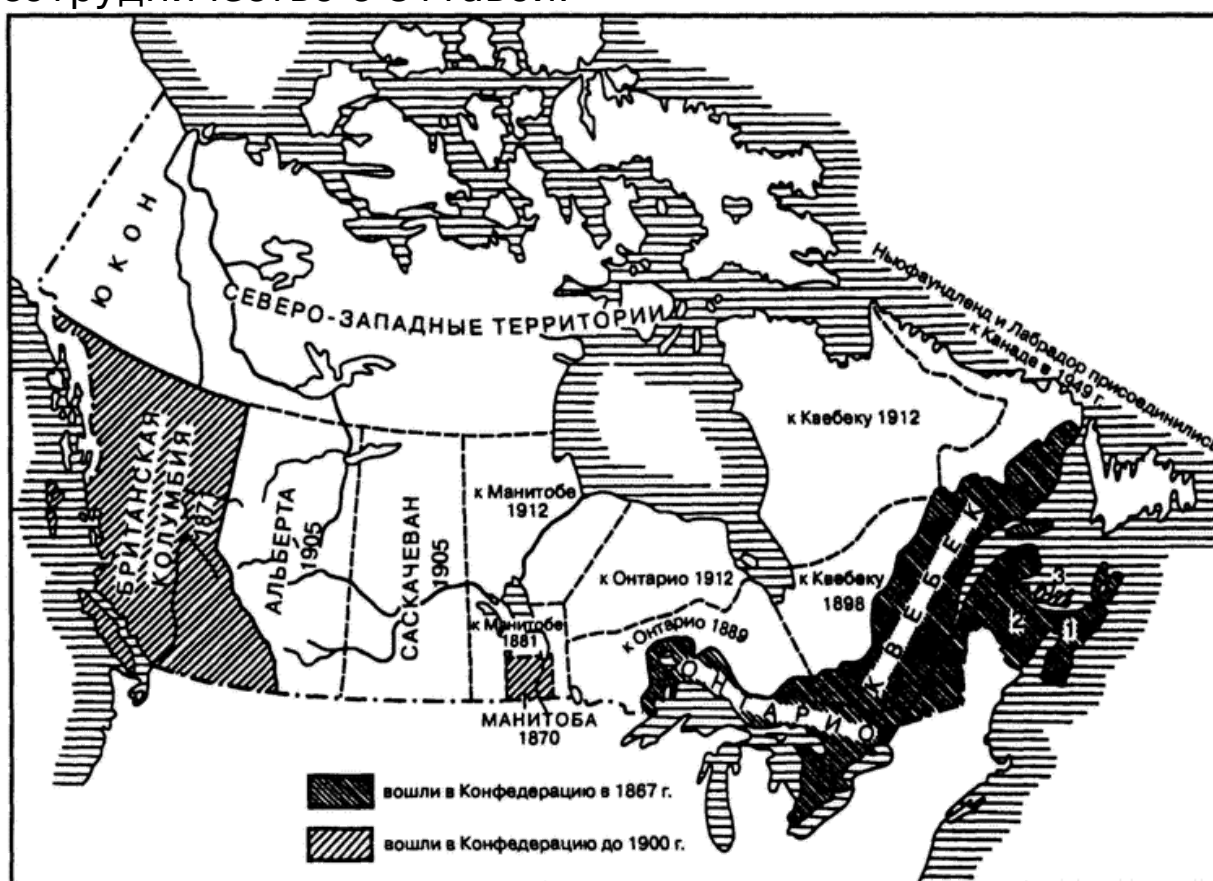
Стало традицией открытие состязаний на Кубок Стэнли генерал-губернатором доминиона. Именно он каждый сезон начинает с вбрасывания шайбы в игру.

Уже в начале XX в. хоккей перешагнул 49-ю параллель и проник на Американский Север. Ему суждено было триумфальное шествие по всему земному шару. В Чикаго, Питтсбурге, Бостоне, Сиэтле, а затем в Стокгольме, Гетеборге, Праге и Москве в хоккей стали играть с таким же увлечением, что и в Канаде.

К XX в. в доминионе зародилась индустрия туризма. Первые ее объекты появились в обжитой южной части страны. Центром притяжения туристов из США и Европы стал крупнейший водопад Западного полушария — Ниагарский. В некоторых американских штатах даже сложился обычай — молодожены начинают медовый месяц на Ниагаре. Появились и отчаянные смельчаки, пытавшиеся разными способами преодолеть водопад — по натянутому над бездной канату, в бочке, в резиновом шаре и т. д. Известность водопада росла, и он стал визитной карточкой доминиона. Все это происходило без централизованных федеральных капиталовложений, силами частного капитала, народных пожертвований и при некоторой поддержке со стороны провинциальных властей. Заслуга федеральной власти состояла только в том, что она ни прямо, ни косвенно не препятствовала подобным местным народным инициативам.

Вдохновлявшийся опытом Лафонтена, прекрасный оратор Лорье был гораздо более гибким политиком и управленцем, чем его предшественники. Он отказался от твердолобого централизма Макдональда и ловко уклонился от участия в длившемся с 1890 г. споре о манитобских католических школах. Консервативные премьеры доминиона ранее поддерживали манитобских англопротестантов, требовавших школьного преподавания только на английском языке и без права изучения католического катехизиса. Такая позиция

вызвала ряд судебных исков со стороны католиков Манитобы (франкоканадцев, ирландцев, поляков). Она встревожила католиков прочих провинций и явилась одной из причин поражения консерваторов в 1896 г. Лорье же объявил, что данный вопрос имеет право решать только провинциальная власть. Он, однако, настоял на факультативном преподавании катехизиса, что успокоило католиков и протестантов и укрепило настроенность большинства провинций на сотрудничество с Оттавой.



**Административное деление Канады (указаны годы изменения
провинциальных границ)**

**Цифрами на карте обозначены провинции: 1. Новая Шотландия; 2.
Нью-Брансуик; 3. Остров Принца Эдуарда. 1873 г.**

Диктат центра в федерально-провинциальных отношениях уходил в прошлое. Ему на смену шла федерально-провинциальная дипломатия.

Лорье нашел компромисс и в отношениях с метрополией. Он искусно лавировал между франкоканадцами-пацифистами и англоканадцами, настроенными на участие в «английских» войнах. В годы Южноафриканской войны премьер-министр воспротивился отправке канадской милиции в Африку, но поддержал отправку добровольческих отрядов на помощь Британии. Их экипировку и транспортировку через океан финансировал доминион. Всего в войне против бурских республик приняло участие 7 тыс. канадцев. Лорье в общей форме подтверждал верность постулату консерваторов «Если Британия в войне, то Канада — тоже», но хранил молчание во взрывоопасном вопросе о всеобщей воинской повинности.

Подобно другим доминионам, Канада по-прежнему не имела постоянной армии, обходясь изредка проходившей сборы малочисленной милицией, что было экономически выгодно.

По настоянию Лондона и канадских консерваторов кабинет Лорье повысил военно-морские расходы доминиона. Канада обзавелась двумя старыми маломощными крейсерами, купленными по дешевке у метрополии. Но взамен Лорье в 1910 г. добился вывода из доминиона последних британских гарнизонов.

С тех пор протянувшаяся на 5 тыс. километров канадо-американская граница стала неохраняемой. Она была и остается самой длинной неохраняемой границей в мире. На ней несут службу только малочисленные таможенники. На пропускных пунктах ограничиваются следующими вопросами:

- Куда держишь путь?
- В Нью-Йорк (Бостон, Филадельфию, Милуоки, Сан-Франциско).

— Надолго?

— Да нет, только на уик-энд.

— О'кей, проезжай.

На конференции Британской империи Лорье не возражал против возведения в рыцарское звание. Однако он настоял на переходе канадской милиции под командование урожденных канадцев. Затем Лорье и министерство милиции отменили принцип старшинства британского офицера над канадским того же ранга.

Во главе штаба канадской армии впервые был поставлен урожденный канадец — ветеран борьбы с индейцами, участник сражения при Батоше генерал Джордж Оттер.

Рассчитывавший на длительное экономическое процветание космополит и оптимист, Лорье в 1911 г. предложил американцам заключить договор о свободной торговле. В данном вопросе премьер-министр намного опередил эпоху. Идею его поддерживали фермеры Степных провинций и часть торонтских и монреальских банкиров; против же были правящие круги метрополии, большинство канадских промышленников и интеллигенции.

К тому же правящая партия в ряде округов за 15 лет успела проникнуться духом патронажа и коррупции. Авторитет премьер-министра пошатнулся. Его ораторский талант и управленческое искусство министров более не спасали положения. О бурно протекавшей предвыборной кампании 1911 г. самоотверженно боровшийся до последнего дня Лорье позже говорил: «Приветствовали по-прежнему меня, но голоса отдали другим».

Исход всеобщих выборов 1911 г. прервал длительное правление либералов. Партия Уилфреда Лорье удержала большую часть депутатских мест в Степных провинциях и Квебеке, но проиграла в Онтарио, Британской Колумбии и на Атлантическом побережье. Новое

правительство сформировал лидер консерваторов 65-летний Роберт Борден — уроженец Новой Шотландии. Он был немногим моложе Лорье. Выходец из небогатой семьи, в молодости работал школьным учителем, позже стал юристом, а затем членом директорских советов нескольких крупных страховых фирм. Около половины его кабинета составили предприниматели, почти исключительно из Атлантических провинций и из Онтарио.

Все министры, кроме двух, были англоканадцами. В консервативной партии постепенно росло влияние сил, исповедовавших постулат: «Победить можно и без Квебека».

При Бордене территория доминиона снова увеличилась — после международных переговоров к Канаде были присоединены острова Арктического архипелага. С тех пор Канада стала арктической соседкой России.

Премьер-министр продолжил линию уступок провинциальному уровню власти. Он согласился передать Онтарио, Квебеку, Манитобе, Саскачевану и Альберте федеральные земли к югу от 60-й параллели. Их территории увеличились в несколько раз. На переданных провинциям землях позже были найдены колоссальные залежи полезных ископаемых, что упрочило финансовое положение провинций — и сделало их менее уступчивыми на любых переговорах с Оттавой.

Кабинет Бордена потворствовал правительству Онтарио, провозгласившему одноязычие — господство английского языка в школьном преподавании провинции и прекратившему субсидирование католических школ.

В годы Бордена в Западной Канаде появился новый праздник — ковбойские состязания родео (стэмпид). Его инициаторами стали жители Альберты. С тех пор ежегодно тысячи обитателей канадских Степных

провинций и американских прерий съезжаются на родео в Калгари и Летбридж.

При консерваторах Канада впервые с XVIII в. оказалась вовлеченной в общеевропейскую войну. Четвертого августа 1914 г. доминион автоматически, без дебатов в парламенте и кабинете, вступил в войну Великобритании против Германии. С согласия парламентской оппозиции вскоре был принят и вступил в действие скопированный с британского образца Закон о мерах военного времени, давший федеральным властям почти неограниченные полномочия во всех сферах жизни общества. На его основании правительство учредило предварительную цензуру, запретило социалистические и пацифистские организации и прибегло к государственному регулированию экономических процессов. Были закрыты газеты на немецком и венгерском языке. А выходцы из Германии и союзных с нею стран, прожившие в доминионе менее 15 лет, лишились политических прав.

Часть канадских немцев и австрийцев федеральные власти интернировали без суда.

Усилиями консервативного правительства страна была превращена в арсенал метрополии. Предприниматели Онтарио и Квебека на основе правительственных заказов наладили к 1916 г. массовый выпуск взрывчатки, снарядов, фанат, медикаментов. Затем речь пошла и о помощи деньгами. По настоянию британского военного кабинета консерваторы передали Лондону солидный кредит — 500 000 000 фунтов стерлингов при условии расплаты после победы. Впервые в истории захолустная Канада выступила в роли страны-кредитора.

Впервые в канадской истории была создана массовая добровольческая современная армия. На первый же призыв Бордена о защите Британии на призывные пункты вместо 25 тыс. человек явилось почти 35 тысяч.

В Европу до 1917 г. выехало не менее 200 тыс. солдат-добровольцев. Большинство их (до двух третей) составили недавно обосновавшиеся в доминионе уроженцы Британских островов. Среди добровольцев почти не было франкоканадцев.

Финансирование военной индустрии и увеличение армии заставили Бордена отказаться от традиционной политики низких налогов, которой доминион придерживался со времен Макдональда. Консерваторы ввели целый ряд новых пошлин и налогов, в том числе подоходный налог, налоги на военную прибыль, на чековые операции, на крепкие напитки и др. Правительство выпустило внутренние займы. Впрочем, покупка их облигаций не стала обязательной.

Война все более затягивалась. Со временем приток добровольцев иссяк. В 1917 г. после жестоких потерь Антанты на Западном фронте и в условиях развала русской армии Лондон потребовал у Бордена перехода ко всеобщей воинской повинности.

Мнение метрополии не расходилось с убеждениями Бордена. Имевший твердое большинство в нижней палате консервативный кабинет провел в августе 1917 г. после 20-дневных жарких прений закон о принудительном наборе лиц мужского пола в армию для отправки в Европу. Либералы в ходе дебатов раскололись: меньшая часть их фракции сначала поддержала Бордена, а затем открыто перешла к консерваторам во имя «национального единства». Так поступил, в частности, такой видный деятель либералов, как Сифтон. Большая же часть партийной фракции во главе с Лорье голосовала против, требуя референдума по данной проблеме.

Вместо этого окрыленный удачным ходом событий премьер-министр переименовал консерваторов в «Партию национального правительства» и назначил нескольких бывших либералов, включая Сифтона,

министрами. Затем Борден с согласия генерал-губернатора распустил палату и провел новые выборы. Избирательные права в срочном порядке распространили на военнослужащих и на их ближайших родственников — матерей, жен и сестер. (Канада сделала это на год раньше метрополии — Великобритании.)

Сторонники правительства и экстренно созданное, неизвестное доселе канадцам учреждение — правительственный «департамент общественной информации» внушали публике: «Голос за Лорье — голос за германского кайзера, за тех, кто применил газы и потопил беззащитную “Лузитанию”». В свою очередь франкоканадская печать во главе с «Девуар» и ее издателем — крупным общественным деятелем-изоляционистом Анри Бурассой — решительно агитировала против участия в «британской войне».

Выборы 1917 г. сопровождались решительной поляризацией канадского общества. Они были прозваны «выборами хаки» — Борден выиграл их преимущественно за счет голосов солдат действующей армии, а также потому, что умело воспользовался расколом в либеральной партии. «Национальное правительство» победило в масштабе страны, но потерпело поражение в Квебеке.

Борден и его министр внутренних дел молодой и решительный Артур Мейген твердой рукой провели в жизнь закон о принудительной военной службе. В англоязычной Канаде это было несложно. Зато в Квебеке в апреле — мае 1918 г. состоялись массовые демонстрации протеста и жестокие уличные схватки у призывных пунктов. Кто-то подложил бомбу в здание редакции англоязычной газеты «Монреал стар». Состоявшая сплошь из франкоканадцев провинциальная полиция исполняла свой долг весьма неохотно. Тогда кабинет Бордена — Мейгена вывел на улицы Квебека федеральные силы безопасности и англоканадские

армейские части. Те открыли винтовочный и пулеметный огонь. С их помощью волнения были подавлены. Четыре безоружных гражданина погибли, десятки были ранены, несколько сотен — арестовано.

Разбравший дело местный суд не нашел в действиях граждан преступления и возложил всю вину на федеральные органы. Но их работников к ответственности не привлекли. Консерваторы утратили всякое влияние на квебекцев, за исключением нескольких англоязычных районов провинции.

Восьмимиллионный заокеанский доминион дал Антанте за годы войны свыше 600 тыс. военнослужащих, более половины которых сражалось на Западном фронте. Остальные были заняты на военно-строительных работах в тылу или же действовали на Балканах и в Месопотамии против турок. В отличие от Южноафриканской войны, канадские войска воевали не под британским флагом, а под красным полотнищем с копией британского знамени в левом верхнем углу. Этот флаг был знаменем Манитобы и Онтарио.

На Западном фронте канадцы участвовали в сражениях с 1915 г. и быстро заслужили уважение союзников и противников. Их стали называть «хорошими в обороне и великолепными в наступлении». Иностранные наблюдатели отмечали отличное здоровье канадцев, железную дисциплину и при этом отсутствие подбобрастия перед начальниками.

Пять канадских дивизий, сведенных в корпус, жестоко пострадали во время первой германской газовой атаки у Ипра (Бельгия) в 1915 г. и затем в битве на Сомме в 1916 г. Однако они не поддались панике и не подвели соседей. Причинами неудач историки всех стран единодушно называют бездарность высшего британского командования.

Канадцы сыграли выдающуюся роль и в весеннем наступлении Антанты 1917 г. — только они выполнили

боевые задачи, взяв важный мост у Вими, тогда как французы и англичане бесславно и неся огромные потери топтались на месте. Победу у Вими, которой канадцы гордятся до сих пор, корпус одержал под руководством храброго английского генерала Джулиана Бинга. После этого корпус передали канадскому командующему — генералу Артуру Керри.

Осенью 1917 г. британский генералитет вынудил способного, но исполнительного службиста Керри бросить корпус в тяжелейшее Пашендельское сражение, в котором уже исходила кровью английская армия. Ценой новых громадных потерь канадцы помогли англичанам отбить у врага небольшой участок болотистых низин Бельгии, заведомо непригодных для дальнейшего наступления осенью и зимой. «Грязь и кровь Пашенделя» привели в ярость даже уравновешенного и пробритански настроенного Бордена. Премьер-министр Канады заявил британскому кабинету протест. Корпус отвели в тыл на длительный отдых и пополнение.

Прекрасно проявили себя канадцы в известном Амьенском сражении 1918 года, вместе с австралийцами и англичанами с блеском и без заметных потерь прорвав германский фронт. Эта операция была хорошо спланирована. Канадская пехота умело взаимодействовала с английским танковым корпусом. За сутки канадцы разгромили четыре вражеские дивизии и потрепали еще несколько. Амьенская победа Антанты вызвала деморализацию германской армии и надломила ее мощь. Амьен ознаменовал перелом в сухопутной войне в Европе. До капитуляции Германии оставалось три месяца.

Перемирие 11 ноября 1918 г. канадский корпус встретил в только что освобожденном от немцев бельгийском городе Монсе.

В авиации отличился молодой онтарианец Уильям Бишоп. Он одержал 72 победы в воздушных схватках. Именно Бишопу весной 1918 г. посчастливилось сбить самого знаменитого германского пилота Первой мировой войны — «красного барона» Манфреда фон Рихтгофена.

Хотя ни один вооруженный неприятель не ступал на канадскую землю, Канада познала военные разрушения. Столкновение двух военных пароходов в гавани Галифакса в декабре 1917 г. сопровождалось грандиозным взрывом. Он считается сильнейшим в истории (если не считать ядерных взрывов). Его грохот был слышен за 150 километров. Взрыв до основания разрушил город, убив и ранив 11 тыс. человек.

На средства федеральных и провинциальных властей Галифакс восстанавливали вплоть до 30-х годов. Компенсации потерпевшим выплачивались вплоть до 1976 г.

Годом ранее загадочный пожар в центре мирной и благопристойной Оттавы уничтожил здание федерального парламента. Уцелела только стоящая на отшибе парламентская библиотека. Ее работники успели вовремя задрать массивные свинцовые двери, отделяющие ее от собственно парламента. Власти предполагали немецкую диверсию. Однако вещественных доказательств и злоумышленников обнаружить не удалось.

В общей сложности мировая война стоила доминиону 80 тыс. погибших и 200 тыс. раненых и искалеченных.

Международное влияние доминиона возросло. Двадцать восьмого июня 1919 г. Канада отдельно от метрополии подписала Версальский мир с побежденной Германией. Без сопротивления Лондона она стала соучредительницей Лиги наций.

Военные победы и политико-дипломатические достижения не укрепили положения «национального правительства». В массовом сознании канадцев оно

слишком прочно ассоциировалось с тяготами военного времени. «Национальное правительство» сохранило исключительно непопулярный во всех слоях населения подоходный налог. Оно позаботилось о ветеранах войны, но проявило полное равнодушие к участи фермеров и безработных. В столкновениях между капиталом и трудом оно постоянно оказывалось на стороне первого.

В 1919 г. в подобной обстановке разразилась поразившая флегматичных и законопослушных канадцев всеобщая забастовка трудящихся Виннипега. Впервые в истории XX в. четвертьмиллионный промышленный город, административный центр и важный узел коммуникаций оказался в руках забастовщиков. Первыми бросили работу строители. Затем остановились фабрики, поезда и трамваи. К забастовщикам примкнули пожарные, почтовики, телефонистки и даже полицейские. Их активно поддержала часть протестантского духовенства. Кроме профсоюзных лидеров, важную роль в событиях играл священник методистской церкви и публицист-демократ, эмигрант из Шотландии Джеймс Вудсворт (1874-1942).

Стачечники руководствовались идеями Кропоткина и Прудона о «мирном анархизме» и потому не применяли насилия. В провинциальной столице поддерживался порядок. Не было отмечено грабежей, погромов, убийств. Профсоюзы и мелкие предприниматели продолжали снабжать жителей необходимыми товарами. По улицам с плакатами «С разрешения стачечного комитета» двигались санитарные автомобили, грузовики и тележки с питанием.

Власти Манитобы, лишившиеся поддержки полиции, уклонялись от подавления забастовки. Центром отпора стачечникам стали две спешно созданные общественные организации — «Комитет тысячи граждан», в котором объединились богачи Южного Виннипега, и Комитет ветеранов войны. Их собрания проходили под

верноподданническими лозунгами «Мы стоим за законное правительство» и «Боже, храни короля».

Прибывшие в город министр внутренних дел Мейген и министр труда сенатор Робертсон охотно встретились с деятелями комитетов, но отказали в приеме забастовщикам.

И только через месяц после начала событий федеральное правительство двинуло против забастовщиков Королевскую конную полицию. В упорных уличных схватках, инициатива в которых принадлежала правительственным силам, было убито и ранено свыше 30 стачечников и гораздо больше задержано. Среди задержанных был и Вудсворт. Стачку удалось подавить.

Последующее расследование и судебное разбирательство больше напоминали узаконенную расправу. Никого из чинов политической полиции к ответственности не привлекли. Роль предпринимателей, своей алчностью и неуступчивостью спровоцировавших стачку, суд не интересовала. Десять профсоюзных вождей были обвинены в намерении свергнуть существующий строй, объявлены — при отсутствии доказательств — виновными и получили сроки — от полугода до двух лет тюремного заключения. Вудсворта пришлось освободить до суда.

Опыт Виннипегской забастовки был использован британскими рабочими во время всеобщей забастовки 1926 г. Бывшая колония указала путь метрополии.

В ходе борьбы с невооруженными виннипегцами «национальное правительство» пополнило уголовный кодекс драконовской 98-й статьей о наказании всех лиц, обвиняемых или только подозреваемых в принадлежности к любым «незаконным объединениям». Тем самым правительство окончательно заслужило репутацию прибежища реакционеров.

К 1920 г. несколько министров, предвидя неминуемое поражение правительства, вышли в отставку. Из-за болезни покинул политическую сцену и Борден. Его преемником по воле парламентской фракции консерваторов стал смелый и энергичный, но крайне негибкий и догматически мыслящий «настоящий тори» Мейген. Он ревностно поддерживал принудительный набор в армию и потому не имел ни малейшей поддержки в Квебеке. Из 17 его министров 16 было англоканадцами.

Произошла смена руководства и у либералов. Вместо почти 80-летнего Лорье партийный съезд избрал лидером Уильяма Кинга. Онтарианец, потомок бунтовщика Уильяма Маккензи, Кинг в отличие от деда не имел ораторского и публицистического таланта, был очень скрытным и потому казался скучным человеком. Четыре раза он проваливался на парламентских выборах и каждый раз затем не без труда подыскивал новый избирательный округ. В конце концов этот уроженец и житель Онтарио стал баллотироваться в окраинных провинциях доминиона — на Острове Принца Эдуарда, затем в Саскачеване.

Кинг славился гибкостью и хитростью и умел соединять несовместимое. Кинг был юрисконсультом крупных корпораций, служил заместителем министра труда и одновременно поддерживал связи с социалистическими клубами Торонто. Он также умел в трудных ситуациях быть лояльным и сохранять присутствие духа. Кинг был одним из очень немногих англоязычных либералов, сохранивших верность побежденному Лорье после поражений партии 1911 и 1917 г. В отличие от Сифтона он не искал министерского портфеля в «национальном правительстве».

Опыт урегулирования трудовых конфликтов Кинг обобщил в скучно написанной, но содержательной и во многом новаторской работе «Промышленность и

человечность» (1918), тогда же изданной в Соединенных Штатах и во Франции.

Съезд либералов принял объемную программу реформ, предопределившую действия партии на несколько десятилетий вперед. Либералы обещали создать разветвленную структуру социальных программ, принять федеральный трудовой кодекс, смягчить уголовный кодекс, добиваться расширения самостоятельности страны, реформировать сенат, дать Канаде национальный флаг и гимн и т. д. Подобные обещания сразу же расширили массовую базу канадского либерализма и еще более ухудшили положение и перспективы консерваторов.

Кроме Кинга, соперником Мейгена стал крупный аграрий, деятель фермерского движения и бывший министр сельского хозяйства Томас Крерар. Образованная им в 1919 г. фермерская Национальная прогрессивная партия победила на выборах в Онтарио и Альберте и затем бросила вызов федеральной двухпартийной системе. Вызов прогрессистов был куда опаснее стоявшим у власти и значительно обескровленным консерваторам, чем набиравшим очки оппозиционерам-либералам.

Мейген пробыл премьер-министром всего год. Всеобщие выборы 1921 года превратились в разгром федеральных консерваторов. По количеству мандатов в нижней палате консервативная партия впервые была отброшена на третье место. Первое место досталось либералам Кинга, завоевавшим почти всю Центральную Канаду и Британскую Колумбию, второе — прогрессистам, уверенно победившим в прериях и в сельских округах Онтарио.

В палату общин в 1921 г. впервые было избрано несколько независимых рабочих депутатов, наиболее видным из которых был снявший с себя церковный сан

пацифист и участник Виннипегской стачки Джеймс Вудсворт.

Ни одна из партий не получила большинства. Скомпрометированному Мейгену — усмирителю Виннипегской стачки — все малые партии дружно отказали в поддержке. Кингу же удалось получить условную поддержку Крерара, Вудсворта и их соратников и образовать правительство меньшинства. К власти пришел человек, ставший самым преуспевающим в канадской истории федеральным политиком.

Первое, что сделал Кинг, — нашел квебекского уполномоченного. Им стал искушенный политик Эрнест Лапуант, который добрых двадцать лет помогал не говорившему по-французски лидеру-англоканадцу держать под контролем положение дел в Квебеке. Кабинет был составлен из депутатов от восьми провинций из девяти.

Либеральный кабинет отменил репрессивные законы, провел политическую амнистию, уменьшил налоговые ставки, снизил пошлины на ввоз товаров, увеличил пособия ветеранам войны. Был взят курс на поддержку предприятий добывающей индустрии — им адресовалась большая часть налоговых и кредитных льгот.

Хотя доминион по вывозу зерна занял при Кинге первое место в мире (сказывался выход России из системы мирохозяйственных связей), «пшеничная экономика» постепенно сменялась ресурсносырьевой.

Курс на снижение таможенных пошлин на ввоз товаров означал постепенный демонтаж «национальной политики» Макдональда — Бордена. Он способствовал снижению цен на готовые изделия и тем самым повышению жизненного уровня канадцев.

После долгих дебатов по настоянию Вудсворта, поддержанного левыми либералами, были учреждены пенсии рабочим и служащим старше 70 лет. Это был

первый пенсионный закон во всем Западном полушарии. Этого оказалось довольно, чтобы Кинг оставался премьер-министром почти десять лет.

Двадцатые годы стали кульминацией в истории канадского фермерства. В стране насчитывалось до 800 тысяч ферм. От Альберты до Онтарио расцвело фермерское кооперативное движение. Его инициаторами считаются альбертец Генри Вуд и манитобец Томас Крерар. Через кооперативы фермеры стали напрямую продавать в канадские города и за рубеж много продовольствия. Фермерским ассоциациям удалось приобрести у городского бизнеса часть элеваторов, в том числе на Великих озерах и на Тихоокеанском побережье. Фермерская прогрессивная партия стояла у власти в Альберте и Манитобе. По требованию фермеров Оттава построила железную дорогу к Гудзонову заливу.

Доминион переживал культурный подъем. В это время появилось множество творческих союзов. Торонтские интеллектуалы основали журнал «Канадиан форум», печатавший политические обзоры и стихи. Достиг расцвета талант двух крупнейших англоканадских писателей — Эрнеста Сетон-Томпсона (1860–1936) и Стивена Ликока (1869–1944). Любитель и знаток природы, Сетон-Томпсон воспел почти не тронутый тогда животный мир Скалистых гор и прерий. Он наделил своих персонажей — дворнягу Вулли, лиса Домино, виннипегского волка и многих других — человеческими чертами.

Своего рода практическим продолжателем идей Сетон-Томпсона стал живший в Саскачеване среди индейцев и диких зверей и птиц натуралист Серая Сова (1888–1938). Он оставил ценнейшие биологические и этнографические наблюдения. Только после его смерти выяснилось, что он был не индейцем Серой Совой, а

страстным поклонником природы англичанином Арчибальдом Белани.

Что же касается Стивена Ликока, то этот истинный горожанин и профессор политологии Макгильского университета прославился в качестве литератора-юмориста, мастера короткого рассказа. Ему особенно удавались бытовые зарисовки из жизни горожан и пародии. Ликок блистательно пародировал многие литературные жанры — драму, приключенческие повести, любовные романы.

Если творчество Сетон-Томпсона стало известно в нашей стране уже в 20-30-х годах, то Ликока при советской власти у нас долго не переводили: в молодости он был держателем ценных бумаг Российской империи и потому враждебно относился к СССР.

Двадцатые годы XX в. стали временем рождения собственно канадской живописи. Прежние художники, такие как Корнелиус Кригхоф и другие, как правило, подражали французским, английским или голландским мастерам. Теперь же в Онтарио образовался творческий союз из семи живописцев, прозванный «группой семи». Они отказали от подражания иностранным образцам, в том числе и в выборе тематики, и стали изображать только природу Ближнего Севера Канады — озера, скалы, хвойные леса, болота. Благодаря «группе семи» канадское общество сделало заметный шаг в духовном самопознании. Под ее влиянием позже стал входить в моду североканадский туризм.

Межвоенный период стал временем рождения канадского балета. У его истоков стояли наши соотечественники, покинувшие Россию после 1917 г. Канада тогда приняла около 3 тысяч «белоэмигрантов», прибывших в страну через Китай и Японию. Среди обосновавшихся в доминионе оказались талантливые хореографы и постановщики, среди которых выделялись Борис Волков (1900–1974) и Людмила Ширяева (1924–

1990), которые пользовались поддержкой жившего в Европе прославленного балетмейстера Михаила Фокина. Из созданных ими маленьких и плохо оборудованных студий со временем выросли профессиональные балетные труппы — Национальный балет в Торонто и Большой канадский балет в Монреале. Волков внес вклад и в создание канадского балета на льду.

На поприще общественных наук выдвинулся один из крупнейших англоканадских интеллектуалов — торонтский профессор Гарольд Иннис (1884–1952). Работая на стыке нескольких наук — истории, политэкономии и политологии, он явился основоположником теории комплексного анализа прошлого и настоящего Канады. Его монографии «Пушная торговля в ранней Канаде» и «Рыболовство в Канаде» стали важным этапом в самопознании англоканадского общества. Патриот и исследователь канадской самобытности, протестовавший против засилья зарубежной профессуры в канадских вузах, Иннис наглядно вскрыл европейские корни канадского общества и показал его отличие от США.

Особенности мировоззрения Инниса, отводившего большое место в историческом и экономическом анализе средствам связи, повлияли позже на двух других крупных англоканадских интеллектуалов — философа Маршалла Маклюэна (1911–1980), создавшего основы теории массовых коммуникаций, и историка Дональда Крейтона (1902–1979), автора книги «Торговая империя Святого Лаврентия» и капитальной, двухтомной биографии Джона Макдональда.

Между тем в доминионе не затихала партийно-политическая борьба.

Либералы при Кинге умудрились извлечь выгоду даже из крупной неудачи на выборах 1925 года и из последовавшего за этим конфликта между генерал-губернатором и премьер-министром. Конфликт вошел в

историю под названием конституционного кризиса Бинга — Кинга. Когда подвергшийся в парламенте ожесточенным нападкам Кинг решил прервать сессию, лорд Бинг — герой сражения у Вими, но «наихудший генерал-губернатор» — вмешался и отказал премьер-министру в его просьбе. Прецедентов такого рода в политической истории доминиона не было. Заявив публичный протест, Кинг вышел в отставку, а генерал-губернатор немедленно поручил создание нового кабинета Артуру Мейгену.

Правящую партию таким образом поменяли без участия избирателей.

Впрочем, второе премьерство Мейгена длилось всего несколько дней — палата общин усилиями либералов и прогрессистов большинством в один голос выразила ему недоверие. Правительство пало. Генерал-губернатор был вынужден принять отставку Мейгена и назначить внеочередные выборы 1926 г., в результате которых либеральная партия вернулась к власти.

Закономерным итогом выборов стало отозвание Лондоном Бинга.

В дальнейшем Лондон стал назначать генерал-губернаторов только после предварительно испрошенного согласия Оттавы. А генерал-губернаторы Канады уже не проявляли собственной политической воли. Их действия отныне были политически нейтральными — они стали санкционировать все начинания премьер-министров (назначение министров, сенаторов, судей, роспуск парламента и др.). Генерал-губернаторское вето ушло в прошлое. Оно превратилось в «спящую прерогативу».

Кризис Бинга — Кинга таким образом вскрыл несомненное ослабление власти метрополии над доминионом. (С тех пор генерал-губернаторы исполняют лишь церемониальные полномочия. К ним на подпись поступают все принятые парламентом законопроекты.

Они оглашают ежегодную тронную речь кабинета. Утверждают назначения и перемещения офицеров и чиновников. Генерал-губернаторы участвуют в приеме официальных иностранных делегаций, открывают ежегодные общеканадские спортивные состязания — Национальные игры. Иначе говоря, они освобождают премьер-министров от ряда второстепенных обязанностей.)

Что же до провинциального лейтенант-губернаторства, то оно стало откровенной синекурой. Канада все более превращалась в самостоятельное государство. Либеральная партия утвердила свою репутацию патриотической силы. Кинг обрел реноме маститого государственного деятеля. Авторитету же пробритански настроенной консервативной партии и Британской империи был нанесен большой урон. Через год Мейген сложил полномочия партийного лидера.

Характерно, что в том же 1926 г. правительство Кинга добилось принятия британским парламентом Вестминстерского статута — закона, признавшего за доминионами полную политическую независимость. По настоянию метрополии статут вступил в силу с пятилетней отсрочкой — в 1931 г.

Кинг стал первым премьером доминиона, осознавшим необходимость конституционной реформы. Полуколониальный статус доминиона и разграничение полномочий центра и провинций успели к первой четверти XX столетия устареть. Премьер-министр с целью обновления основного закона в 1927 г. созвал первую федерально-провинциальную конференцию. Однако почти все премьеры высказались против реформы: провинциальная власть была заинтересована в сохранении устаревшего к этому времени и изобиловавшего пробелами АБСА.

Позже Кинг не предпринимал никаких инициатив в конституционной сфере. Не торопил он и с окончанием

дебатов о канадском флаге и гимне, развернувшихся в парламенте с середины 20-х годов. О Кинге недаром говорили, что его негласный девиз — «Не оставлять дела на полдороге, если его можно оставить на четверти дороги». С государственными эмблемами не было ясности. На одних официальных церемониях развевалось британское знамя, на других — флаг канадской армии. Некоторые квебекские пароходы и парусники плавали под трехцветным флагом Французской Республики. Исполнялся британский гимн, но куранты на федеральном парламенте с 1927 г. стали вызывать мелодию патриотической песни «О Канада».

К 30-м годам федеральные либералы «поглотили» большую часть Национальной прогрессивной партии. Некоторые ее деятели получили министерские портфели в кабинетах Кинга. Крерар стал сенатором-либералом. Угрозу двухпартийной системе либеральная партия умело устранила. (Кинг предлагал министерский пост и Вудсворту, но принципиальный социалист отказался.)

Зато «великий кризис» 1929 г. застал либералов (как впрочем и прочие правящие партии западного мира) врасплох. Страна оказалась в тисках безработицы и массового разорения фермеров. Мировые цены на зерно упали. Канадские прерии постигла подлинная экономическая катастрофа. Особенно трагическим было положение Саскачевана. Тысячи его разорившихся жителей искали спасения в других провинциях.

Либеральная партия проиграла всеобщие выборы 1930 г., что было вполне закономерно. Кресло премьер-министра перешло к новому предводителю консерваторов — Ричарду Беннету. Уроженец Нью-Брансуика, Беннет был сыном бедняков, «самодельным» миллионером. Он был прочно связан с крупным капиталом Центральной Канады, баллотировался же в парламент в Альберте.

Премьерство Беннета оставило по себе «черную» память. Правда, в знак солидарности с нуждающимися он сократил свой оклад на 20%, а оклад генерал-губернатора — на 10%, но в остальном его политика не нашла в обществе положительного отклика. Подобно современнику — президенту США Герберту Гуверу, Беннет раздавал щедрые обещания покончить с кризисом в три месяца, а пока что требовал потерпеть.

Если Кинг назначил в сенат популярного у фермеров и предпринимателей Крерара, то Беннет — совсем непопулярного Мейгена. Пустыми обещаниями оказались ее широковещательные лозунг Беннета «Пробьем канадским товарам дорогу на мировые рынки». Премьер-министр заверял общество, что таким образом он даст канадцам работу и доходы. Но в условиях кризиса перепроизводства все основные державы Запада оградились друг от друга высокими таможенными пошлинами.

Заключенные же Канадой при Беннете Оттавские торговые соглашения с другими доминионами — Южной Африкой, Новой Зеландией и Ирландией (1932-1934) — мало что могли изменить в экономике страны. Эти страны не способны были закупить много канадских товаров.

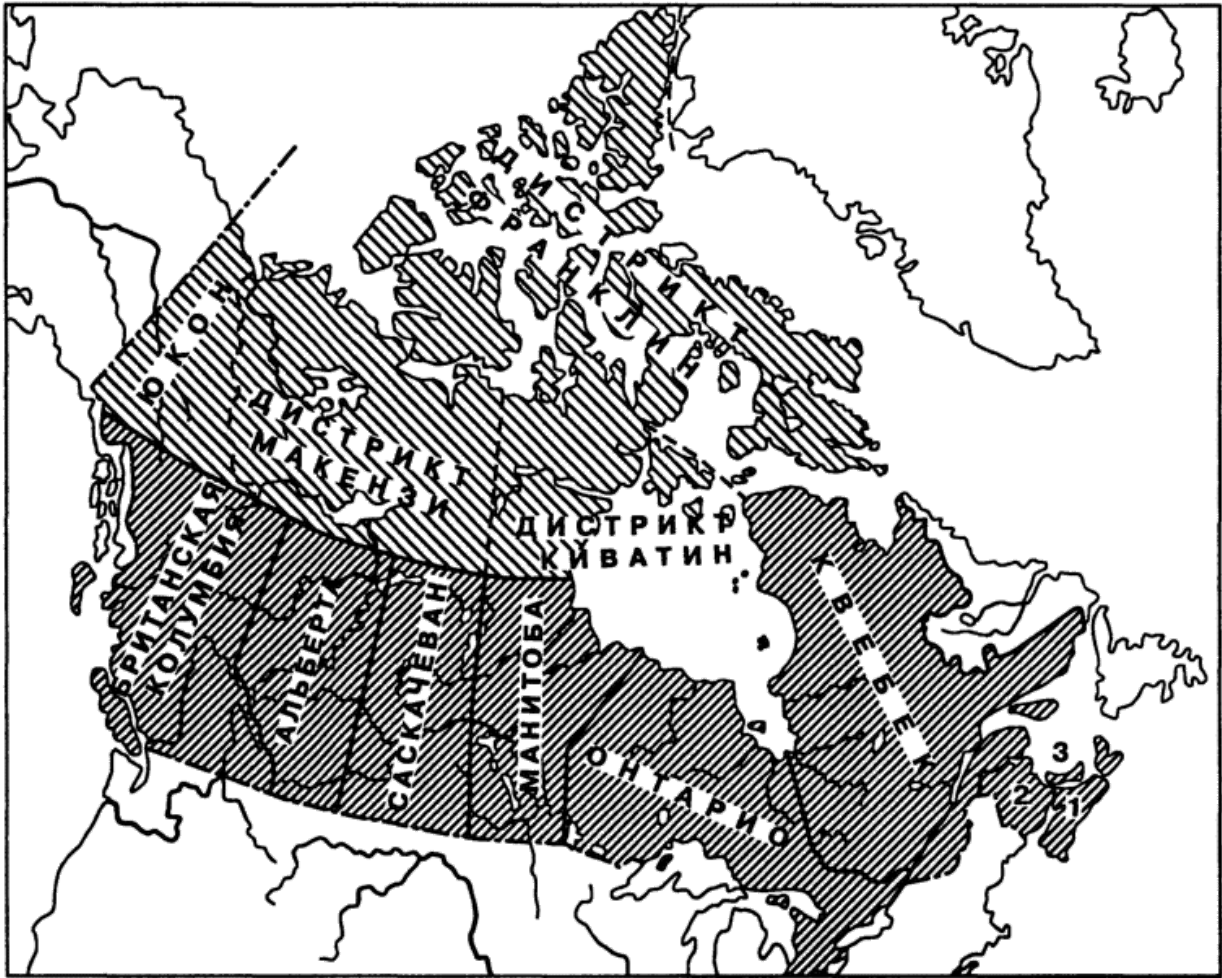
Правительство Беннета заботилось главным образом об оздоровлении финансов и потому повышало налоги, что еще более разоряло население. До 1932 года правительство выделяло мизерные суммы на помощь безработным, а затем перешло по образцу Гувера к отправке лиц без источников дохода в «рабочие лагеря» с военнокаторжной дисциплиной. Порядки там были такими, что многие безработные предпочитали просить милостыню или становиться на пути преступлений, но не идти в лагерь.

Беннета недаром прозвали «железной пятой». Под стать главе правительства были его министры и

тогдашние федеральные судьи. За пять лет было арестовано около 600 профсоюзных активистов, многие из них пошли под суд. Часть обвиняемых была приговорена к заключению в Кингстонской каторжной тюрьме.

Поход безработных из Британской Колумбии на Оттаву, не нарушавший законодательство страны, в 1935 г. был пресечен федеральными силами безопасности в Реджайне. Федеральная полиция неожиданно атаковала и разгромила палаточный городок безработных: 140 человек было ранено, один убит, свыше ста арестовано. Силы правопорядка потерь не понесли. Приказ об атаке отдал генеральный прокурор Канады. Дальнейшее кровопролитие было предотвращено либеральным правительством Саскачевана, фактически взявшим рабочих под защиту — но при условии их возвращения в Британскую Колумбию. Репутации федеральных консерваторов был нанесен жестокий удар.

Против бастовавших рабочих Онтарио федеральные министерства труда и обороны не постеснялись использовать танки (которых на весь доминион было полтора десятка). Премьер-министр не отмежевался от действий своих подчиненных. В знак протеста против политики репрессий и экономического бессилия кабинета единственный реалистически мыслящий член правительства министр Гарри Стивене ушел в отставку. (Какими бы ни были страдания канадских трудящихся, еще худшей была участь ньюфаундленцев. Ньюфаундленд в 1933 г. обанкротился и отказался от парламентского правительства. Остров снова перешел под прямое управление метрополии.)



Административное деление Канады, 1931 г.

Цифрами на карте обозначены: 1. Новая Шотландия; 2. Нью-Брансуик; 3. Остров Принца Эдуарда. 1873 г.

Ответом канадского общества стала волна забастовок, в том числе стачек протеста и солидарности. Профсоюзы, церковь, благотворительные организации собирали средства на нужды обездоленных. Одна за другой появлялись новые политические партии, отражавшие возмущение канадцев неспособностью правящих кругов помочь народу.

Особенно пострадавшие от кризиса перепроизводства прерии в 1932-1935 годах стали местом рождения двух партий. Сначала в результате объединения прогрессистов с социалистическими клубами канадского Запада в Саскачеване образовалась Федерация кооперативного содружества (ФКС) — единственная в Северной Америке массовая социал-демократическая организация, объединившая почти 100 тыс. рабочих, фермеров и интеллектуалов. К Федерации вскоре присоединился шурин Беннета — дипломат Уильям Херридж. Лидером партии избрали Вудсворта — героя Виннипегской забастовки и вдохновителя закона о пенсиях. Девизом ФКС стало осуждение капиталистической системы и установление планирования и социального страхования.

Затем в Альберте появилась мелкобуржуазная партия социального кредита. Ее возглавил проповедник Уильям Аберхарт, осуждавший «безбожный социализм» и планирование. Он планировал выпустить собственную провинциальную валюту, ввести контроль над банками и обещал каждому нуждающемуся ежемесячную 25-долларовую субсидию.

В Квебеке бывший консерватор Морис Дюплесси основал Национальный союз, заявивший о враждебности ко всему английскому, англоканадскому и социалистическому. Он предлагал искать спасения в католической этике, церковной благотворительности и сохранении квебекской самобытности.

В Оттаве бывший консерватор Стивене основал в 1935 г. Партию реконструкции, обещая выплачивать достойные пособия всем обездоленным и ввести экономическое планирование.

В ходе провинциальных выборов первой половины 30-х годов почти все консервативные правительства (Онтарио, Британской Колумбии, Новой Шотландии, Нью-Брансуика) потерпели поражения. Пришедшие к власти

в Альберте и Квебеке и обретавшие общенациональную популярность Аберхарт и Дюплесси тоже стали соперниками Беннета. Федеральные консерваторы лишились союзников.

В активе Беннета к концу его правления было только прошедшее малозамеченным создание государственно-частного Канадского банка и государственной Радиокорпорации (1932).

Однако Беннет не был консерватором-догматиком обычного типа вроде Гувера в США или Гинденбурга в Германии. Он извлек уроки из опыта британских консерваторов братьев Чемберленов и особенно из «нового курса» Франклина Рузвельта.

В 1935 г. Беннет без обсуждения в кабинете и в партийных органах предпринял неожиданный и радикальный политический маневр — обратился к стране по радио с планом основательных социальных реформ. По его настоянию парламент спешно принял законы о 8-часовом рабочем дне, еженедельном дне отдыха, пособиях безработным.

«Старый порядок ушел, — объяснял Беннет в радиообращениях. — Он не вернется. Я за реформы». Но скоропалительные планы премьер-министра не были поддержаны большей частью его партии. Они никак не вязались с предыдущей репутацией канадских консерваторов и их лидера. Интеллигенция, рабочие и большинство фермеров остались к ним равнодушными или враждебными. Большая часть предпринимателей впервые в канадской истории отшатнулась от федеральной консервативной партии, предвыборную платформу которой стало трудно отличить от платформы «опасных радикалов» из компартии и ФКС.

На всеобщих выборах 1935 года правительство потерпело жестокое поражение. Все министры Беннета были забаллотированы. Консерваторы получили вдвое меньше голосов и вчетверо меньше депутатских мест,

чем либералы. Некогда могучая консервативная партия неотвратимо превращалась в партию меньшинства.

Либералы Кинга почти без усилий добились абсолютного большинства в нижней палате. Впрочем, палата стала многопартийной — в общей сложности несколько десятков мест завоевали социал-кредитисты, Федерация кооперативного содружества и Партия реконструкции. Афоризм профессора-политолога из Торонто Фрэнка Андерхилла: «Каждый канадец появляется на свет либералом или консерватором» — перестал соответствовать действительности.

Кинг вернулся к власти в благоприятной обстановке. «Великий кризис» понемногу сходил на нет. Безработица медленно шла на спад. Провинциальные правительства (в том числе либеральные в Британской Колумбии, Саскачеване и Новой Шотландии) пошли на частичные уступки трудящимся — легализовали профсоюзы, ограничили детский труд, упрочили охрану труда, повысили минимальную зарплату.

Поэтому федеральные либералы ограничились отменой 98-й статьи уголовного кодекса, упразднением министерства внутренних дел (его функции разделили между министерством юстиции и ведомством генпрокурора), закрытием рабочих лагерей и образованием «королевских комиссий» для выработки новой социальной и экономической политики. Был несколько расширен государственный сектор — национализирован Канадский банк, образована государственная авиационная фирма. В этом отношении Кинг пошел дальше Рузвельта.

Рекомендации не спешивших с принятием решений комиссий были готовы лишь к концу 30-х годов. К их реализации приступили уже в условиях Второй мировой войны.

Реформаторские законы 1935 г. либералы передали на рассмотрение Верховного суда, который нашел их

антиконституционными — они глубоко вторгались в сферу провинциальной ответственности.

Часть исследователей позже подвергла жестокой критике медлительность Кинга, обвиняя его в консерватизме. Но медлительность федеральных либералов была обоснованной. Во-первых, чрезвычайные социальные реформы уже не были остро необходимы — экономика Северной Америки постепенно выходила из кризиса. Канадская экономика так сплелась с американской, что «Новый курс» Рузвельта косвенно помогал и Канаде. Во-вторых, натерпевшиеся от длительной массовой безработицы трудящиеся стремились работать (и зарабатывать) как можно больше, не заботясь более ни о чем, даже о собственном здоровье. Большая их часть поэтому не выказала одобрения сокращению рабочего дня, обязательному воскресному отдыху или улучшению условий труда. В-третьих, продолжение реформ 1935 г. в силе безусловно лишило бы либералов поддержки предпринимательских кругов, как консерваторов при Беннете. В-четвертых, реформаторству Оттавы решительно противились образовавшие неофициальный, но прочный блок правительства Митчелла Хепберна в Онтарио и Мориса Дюплесси в Квебеке. Идти против оси «Онтарио — Квебека», т. е. против воли правящих кругов двух крупнейших и сильнейших провинций, было бы крайне неосмотрительно.

Все эти факторы были приняты во внимание рассудительным и аналитически мыслящим Кингом.

В отличие от Беннета Кинг санкционировал развертывание общественных работ. Правда, их масштаб ограничивался в основном границами Оттавы. Федеральные власти занялись наконец благоустройством столицы. В правительстве была образована комиссия федеральной столицы, составлен перспективный план развития Оттавы. Премьер-министр

в 1938 г. пригласил из Франции архитектора-планировщика Жака Гребера, проектировавшего Парижскую Всемирную выставку. Под его руководством были благоустроены берега реки Оттавы. Столица доминиона украсилась несколькими парками.

Выход доминиона из кризиса сопровождался ростом американского экономического влияния на Канаду. Американские корпорации на волне более быстрого экономического восстановления США десятками скупали мелкие, обессиленные кризисом канадские фирмы. Вместе с тем наплыв капитала и технологии из США способствовал сокращению безработицы и обновлению канадской промышленности и потому не вызывал беспокойства и тем более противодействия провинциальных властей, в сфере юрисдикции которых в мирное время находились почти все вопросы экономического развития.

Штаты превратились в главного поставщика капиталов и технологии в доминион. Доля английского капитала в его хозяйстве снизилась к 1939 г. до 25%. Нью-Йорк, Бостон, Чикаго и Кливленд одержали окончательную победу над Лондоном, Бирмингемом и Глазго. Вместе с капиталом и технологией через неохраняемую 49-ю параллель в доминион беспрепятственно проникали и другие черты американского образа жизни — назойливая коммерческая реклама, голливудские киноленты, бейсбол, американский футбол.

Правительство Кинга в связи с неуклонно возрастающим североамериканским влиянием не проявляло ни малейшей тревоги. Ведь Кинг завершал образование в Гарвардском университете и несколько лет работал на корпоративную империю Рокфеллеров. Во многом он был настроен проамерикански. Несколько его министров было урожденными американцами. Среди них выделялся решительный и предприимчивый янки из

Массачусетса Кларенс Хау, который так и не отказался от американского гражданства.

По инициативе Кинга президент Франклин Рузвельт в 1938 г. нанес в доминион официальный визит, принял участие в открытии моста Канада — США в провинции Онтарио и получил почетную степень доктора наук. Это был первый в североамериканской истории визит главы США в Канаду. Атмосфера визита была подчеркнута дружеской. Содержанием же визита стало провозглашение сторонами «особых соседских отношений» между доминионом и Штатами. Вскоре военные круги Канады и США негласно приступили к составлению планов совместной обороны континента.

Преодоление «великого кризиса» совпало с приближением Второй мировой войны. В 1931 г. после очередного нападения Японии на Китай образовался ее азиатский очаг, в 1935 г. после вторжения фашистской Италии в Эфиопию — африканский. С расторжением Гитлером Версальского договора и с гражданской войной в Испании появился европейский очаг войны.

В доминионе снова обострилась борьба между пацифистами-умиротворителями и сторонниками выполнения имперских обязательств. Правительство Кинга лавировало между ними, но в целом было ближе к первым. Федеральные либералы понимали, что иначе они антагонизируют свою цитадель — Квебек, лояльный к партии с 1896 г.

Немалую роль в позиции Канады играли также устойчивые изоляционистские взгляды, многочисленные представители которых вплоть до появления ракетно-ядерного оружия были уверены в неуязвимости страны, географически удаленной от всех вероятных очагов новой войны.

Кинг отказывался от подтверждения военных обязательств перед метрополией. Впрочем, он и не пробовал аннулировать их. Упирая на закрепленную

Вестминстерским статутом политическую независимость доминиона и демонстрируя уважение к верховенству парламента, премьер-министр не раз публично заявлял: «Пусть парламент решает».

Во время китайского, эфиопского и испанского конфликтов доминион занимал демонстративно нейтральную позицию. Беннет противился применению экономических санкций против Японии, а его соперник Кинг — против Италии. Когда канадский делегат в Лиге Наций Уолтер Ридделл предложил применить против итальянского фашизма нефтяные санкции, правительство официально отреклось от его идеи. Вместе с тем кабинет Кинга до 1938 г. не чинил препятствий выезду канадских добровольцев в Испанскую Республику и Китай и их возвращению на родину.

В Испании на стороне Республики сражалось около 1200 канадцев. В пересчете на душу населения доминион дал Республике гораздо больше добровольцев, чем США.

Канада внесла существенный гуманитарный вклад в Испанскую войну. В ее разгаре прибывший в Испанию доброволец, крупный медик и общественный деятель-марксист Норман Бетьюн сконструировал и применил в полевых условиях первую в мире передвижную станцию переливания крови. Благодаря его изобретению были спасены многие тысячи жизней. Позже Бетьюн направился с гуманитарной миссией в Китай, где погиб в 1939 г. во время налета японской авиации.

Правительство доминиона не препятствовало пропагандистской деятельности правых католических кругов, проявлявших повышенную активность в Квебеке и требовавших не оказывать официальной помощи «дикарской» Эфиопии и «безбожной» Испанской Республике. Канада не поставляла военных материалов ни франкистам, ни республиканцам, боровшимся в

Испании. Оттава не заявила протеста Японии в связи с гибелью Бетьюна.

Границы Канады вплоть до 1938 г. были закрыты перед беженцами из Испании и Третьего рейха. Правда, после захвата нацистами Австрии и Чехословакии Кинг снял данные препоны. По данным «Канадской энциклопедии», в доминионе до 1945 г. нашли убежище только 4 тыс. политических беженцев, тогда как Аргентина и Бразилия приняли по 25 тыс. человек, Мексика — 40 тыс., Великобритания — 85 тыс., США — 240 тыс. человек.

Среди бежавших в Канаду европейцев был нацист-диссидент Отто Штрассер, рассорившийся с Гитлером (его брат Грегор был убит в «ночь длинных ножей» по приказу фюрера). Штрассеру канадские власти дали убежище, но запретили заниматься политической деятельностью.

В запутанной предвоенной обстановке Кинг последовательно уклонялся от восстановления дипломатических отношений с СССР. Он лишь восстановил в 1936 г. канадо-советские хозяйственные связи, но их объем вплоть до 1942 г. оставался ничтожным. Зато премьер-министр доминиона считал нужным побывать с рабочим визитом у Гитлера (в 1937 г. — раньше, чем Чемберлен) и позже приветствовал Мюнхенское соглашение. В дневнике Кинга есть такая запись: «Я уверен, что в конечном счете Гитлер за мир, если только его не провоцировать». Других мнений в правительстве доминиона не было — Кинг, подобно Мейгену и Беннету, правил железной рукой.

Суть подобного подхода (весьма схожий с внешней политикой американского госдепартамента и президента) состояла не только в изоляционизме. Он отражал также ориентацию на ослабление позиций Британской империи чужими руками.

Развитие событий на земном шаре Кинг рассматривал главным образом в плоскости англо-американского соперничества. Его симпатии были на стороне США — правящим кругам доминиона стало тесно в рамках империи. Опасность же, исходившую из Третьего рейха, канадские правящие круги, подобно руководству большинства западных держав, сильно недооценивали. Советский Союз они считали не фактором мировой политики, а всего лишь одной из региональных держав.

Советско-германский пакт о ненападении и вторжение Германии в Польшу ошеломили западных лидеров, в том числе Кинга. Премьер-министру пришлось прервать парламентские каникулы 1939 г. и срочно созвать сессию. В стране тут же оживились пацифисты и изоляционисты. Несколько независимых депутатов-франкоканадцев, собрав тысячи подписей под антивоенными петициями, предложили соотечественникам отказаться от участия в любой войне за пределами страны. Ту же позицию отстаивали оба патриарха канадского пацифизма — националист Анри Бурасса и социалист Джеймс Вудсворт. Тогда Кинг публично обязался не вводить воинскую повинность для службы «за морем» и одновременно предложил палате объявить Германии войну.

Главу правительства поддержала почти вся громадная фракция либеральной партии, многие консерваторы, а также часть социалистов во главе с парламентским лидером ФКС Мейджором Колдуэллом и будущим премьером Саскачевана Томасом Дугласом.

Предложение правительства вступить в войну в Европе палатой было принято общин после трехдневных прений без голосования 10 сентября. Вскоре правительство ввело в действие Закон о мерах военного времени и в 1940 г. — Закон о мобилизации трудовых ресурсов.

Власти приступили к интернированию противников войны — пацифистов (включая духоборов), франкоканадских изоляционистов и коммунистов. После вступления фашистской Италии в войну было взято под стражу несколько тысяч итальянских иммигрантов, прибывших в страну незадолго до этого. Обсуждался вопрос об интернировании немецких иммигрантов, но такое решение принято не было. Почти все канадские немцы жили в доминионе уже долго (нескольких поколений) и не поддерживали связей с Третьим рейхом. Однако некоторые из них стали с тех пор на всякий случай числиться голландцами.

После нападения Германии на СССР компартия поддержала военные усилия антигитлеровской коалиции, и тогда коммунистов освободили из мест заключения (1942-1943). Сходной была судьба духоборов. Немалая часть духоборческой молодежи в знак солидарности с прародиной — Россией — вступила в канадскую армию. С тех пор духоборы считаются лояльными канадскими гражданами.

Зато после нападения Японии на западные державы федеральное правительство без предъявления обвинения и без суда взяло под стражу 22 тыс. канадцев японского происхождения. Их разместили в наскоро созданных концлагерях в глубине страны — в Саскачеване.

В общей сложности за годы войны в доминионе было интернировано около 30 тыс. человек. Почти все они содержались под стражей до сентября 1945 г. Никому из них ни тогда, ни позже не было предъявлено обвинения.

Участие доминиона во Второй мировой войне разворачивалось в некоторых деталях по сценарию Первой мировой. Доминион опять не был готов к войне. Шестнадцать легких танков Виккерса, несколько зенитных и береговых батарей и шесть старых эсминцев («крейсера Лорье» давно пошли на слом) — вот и все,

чем располагала Канада. Военная индустрия находилась в зародыше. В стране был только один военно-учебный центр — Королевский военный колледж.

Доминиону суждено было вторично испытать серьезные политические потрясения из-за сопротивления франко-квебекцев принудительному набору на военную службу. Вопрос об этом встал в 1941–1942 гг., когда война из европейской стала мировой, а Третий рейх добился серьезного перевеса над противниками. Пришло время, когда Британия с доминионами оказалась в ситуации против нацистской Германии, «подобно льву, окруженному лвятами», по выражению Уинстона Черчилля. Судьба всей империи была поставлена на карту. Да и традиционная неуязвимость Канады оказалась под вопросом. Германский флот развернул «битву за Атлантику», и несколько канадских пароходов было торпедировано в заливе Святого Лаврентия.

Англоканадское общественное мнение не возражало против милитаризации доминиона. Большинство министров-англоканадцев, парламентская оппозиция и англоязычные средства информации Торонто, Оттавы, Виннипега, Ванкувера требовали введения всеобщей воинской повинности и наращивания военных усилий страны. После разгрома Франции и с началом «Битвы за Англию» на митинге торонтцы потребовали: «Дайте нам оружие, а мы сделаем все остальное». Впрочем, на митинге присутствовало не более 10 тыс. человек из миллиона торонтцев.

Монреаль и Квебек-Сити превратились во взбудораженный улей. Однако тут настроения были совсем другими. Созданная франкоканадскими националистами массовая Лига защиты Квебека усердно обучала юношей шагистике и стрельбе, но продолжала проповедовать идею участия в войне только на родной земле и отвергать все «английские войны».

Лозунги Лиги нашли живейший отклик в массах. Лигу поддерживали почти все франкоязычные газеты — «Девуар», «Друа», «Солей». Ее духовным отцом был известный и влиятельный монреальский интеллектуал — престарелый Анри Бурасса.

«Граждане Квебека, нечего жаловаться. Довольно половинчатости — пришло время потрясений. Если у нас нет демократии, начнем революцию. Да здравствует знамя свободы!» — вот о чем возбужденно кричали на уличных и университетских митингах. После подобных митингов толпы франкоканадцев не раз били стекла в редакциях англоязычных «Монреал газетт» и «Монреал стар», которые призывали к принудительной мобилизации. Как и в 1917-1918 гг., полиция не торопилась вмешиваться. Провинциальное правительство искусно уклонялось от каких-либо действий против Лиги.

В 1941-1942 гг. доминион был охвачен паникой: упорно говорили о базировании германских подводных лодок у берегов Квебека, о дружеском общении их экипажей и франкоканадцев, о том, что девушки-франкоканадки танцевали с немецкими моряками... Доказательств этих слухов не было обнаружено, но характерным было появление именно таких слухов.

О многом говорил исход дополнительных выборов 1942 г. в палату общин в одном из зажиточных округов Монреалья. На них баллотировался герой сражения у Вими и помощник военного министра — генерал Лео Лафлеш. Он прошел в палату с трудом, хотя его соперником на выборах был мало кому известный и неопытный юнец — кандидат анархистского толка. Репутации Лафлешу немало повредили его демонстративные разъезды по Монреалю в генеральском мундире.

Тогда обычно осторожный премьер-министр решился на необычный для него шаг, требовавший

решительности и расчетливости: он провел в апреле 1942 г. общенациональный референдум с вопросом: «Освобождаете ли вы федеральное правительство от его прежних обязательств не направлять призывников за океан?».

Абсолютное большинство пришедших на референдум избирателей доминиона (почти 70% — от 69% в Нью-Брансуике до 82% в Онтарио) ответило правительству «Да». Доля сторонников принудительного набора была пропорциональна доле англоканадцев в общей численности населения. Только в Квебеке картина выглядела иначе: 73% его избирателей ответило «Нет». В масштабе доминиона против голосовал 31% избирателей. Почти все они были франкоканадцами. Квебек снова стал центром сопротивления федеральной политике.

Часть франкоканадских изоляционистов во главе с мэром Монреаля Камильеном Худом отказалась прекратить агитацию против принудительной военной службы. Тогда власти без суда заключили Худа и нескольких его единомышленников в тюрьму, где они провели три года. Получив мандат большинства избирателей на принудительную отправку солдат за океан, кабинет Кинга два года не пользовался этим правом. За пределы доминиона были отправлены только не возражавшие против этого призывники, т. е. англоязычные канадцы.

Канадские вооруженные силы приняли на сей раз боевое крещение в Азии — два канадских батальона участвовали в обороне Гонконга от японцев. Она длилась недолго. С падением плохо укрепленного Гонконга они оказались в плену уже в декабре 1941 г.

Пять канадских дивизий, из них две танковые, и несколько бригад в 1939–1941 гг. были переброшены на Британские острова, где вместе с британской армией в полной боевой готовности ждали отражения

нацистского вторжения через Ла-Манш. Численность каждой дивизии достигала 30 тыс. человек. Дивизии были сначала объединены в два корпуса, затем с прибытием многочисленных вспомогательных служб и резервов развернуты в две армии.

Именно на канадцев британское командование возложило проведение Дьеппской операции в августе 1942 г. Десант был осуществлен небольшими танково-пехотными силами (6 тысяч человек) без артиллерии и без солидной поддержки с моря. Британское адмиралтейство не выделило в помощь канадцам ни одного линкора или крейсера. К ночи десантники под натиском неприятеля вынуждены были эвакуироваться, понеся тяжелые потери. Более половины участников рейда было ранено, убито или попало в плен; основная часть потерь пришлась на пленных.

Существуют предположения, что британское командование намеренно выделило для Дьеппской операции так мало сил, чтобы доказать невозможность открытия «второго фронта» против Гитлера в 1942–1943 гг. Документальных подтверждений данной версии не обнаружено. Но фактически именно после поражения канадцев у Дьеппа англо-американское командование надолго отложило планы вторжения в Западную Европу. В 1943 г. одна из канадских армий по настоянию части генералитета, требовавшей активного участия в боевых действиях, была переброшена на итальянский фронт и участвовала в освобождении Сицилии и континентальной Италии.

Крупнейшей операцией канадских вооруженных сил во Второй мировой войне с полным основанием считается их широкомасштабное участие в Нормандской операции в июне — июле 1944 г., ознаменовавшей открытие второго фронта на Европейском континенте. Канадцы действовали, как и прежде, в составе британской армии, но под отдельным флагом. Об их

участии в Нормандской операции сообщала мировая печать, в том числе советская.

На сей раз многочисленные и хорошо вооруженные войска трех западных держав высадились западнее Дьеппа, на далеко выдающемся в Ла-Манш Котантенском полуострове. Вместе с англичанами и американцами канадские дивизии 6 июня преодолели широкий пролив с его минными заграждениями и полосу прибоя с ее противодесантными препятствиями. Затем они выдержали жаркие бои с немцами на прибрежных пляжах и в скалах и создали обширный плацдарм.

Вторжение облегчалось тем, что отборные силы вермахта были сосредоточены на Восточном фронте, а также и безраздельным господством англо-американо-канадских ВВС в воздухе. Десантников прикрывали и снабжали несколько тысяч самолетов и планеров. По дну Ла-Манша вскоре был проложен бензопровод.

Нормандская битва стала крупнейшим сражением, в котором когда-либо участвовали канадские войска. Она заняла почетное место в летописи Второй мировой войны, заключив Германию в тиски сухопутной войны на двух фронтах и развеяв надежды нацистов на завершение борьбы вничью.

Двадцать пятого июля войска трех держав начали наступление с нормандского плацдарма в глубь Европы. В дальнейшем канадская армия вела наступательные бои в Северной Франции и Голландии, завершив их взятием «запиравшего» устье Шельды Вальхерена в ноябре 1944 г.

Ощутимые потери канадских войск вынудили Оттаву осенью 1944 г. отправить в Европу подкрепления, в том числе 16 тыс. франкоканадцев, т. е. менее 10% мобилизованных лиц франкоканадского происхождения. Их отправка за океан сопровождалась инцидентами, но обошлось без кровопролития. Квебекское правительство во главе с изоляционистом Дюплесси осудило отправку

войск, однако этим и ограничились. Гибкость и осмотрительность Кинга себя оправдали.

В феврале — мае 1945 г. канадские дивизии завершили изгнание нацистов из Голландии: были освобождены Гаага, Амстердам и Роттердам. Благодарные голландцы с тех пор называют весну 1945 г. «канадской весной». Преследуя деморализованного и малочисленного противника, канадцы заняли часть Северной Германии.

Капитуляция Третьего рейха застала 1-ю канадскую армию в окрестностях Гамбурга.

Вторая канадская армия с боями продвигалась южнее и к маю 1945 г. достигла Саксонии. В знаменитой встрече западных союзников и Советской Армии у городка Торгау на Эльбе 25 апреля принимали участие и канадские солдаты. В результате встречи на Эльбе агонизировавший Третий рейх был разрезан надвое. Менее чем через две недели Германия сложила оружие.

Внушительным было и участие канадцев в воздушной войне против нацистов, в том числе в обороне Британских островов в 1940 г. и в «бомбовом наступлении» на рейх (1942-1945). Каждый четвертый мобилизованный канадец в годы войны служил в авиации. За пределами доминиона к концу Второй мировой войны сражалось около 50 канадских эскадрилий. На канадской территории были обучены сотни тысяч американских, английских и австралийских летчиков.

В октябре 1944 года один из канадских летчиков на одномоторном английском «Спитфайре» первым в мире сбил реактивный самолет — двухмоторный истребитель-бомбардировщик «Мессершмитт-262».

На море канадские пилоты и моряки за годы войны уничтожили около 50 германских и итальянских подводных лодок.

Общее количество служивших в 1939–1945 гг. под знаменами канадцев превысило миллион человек. Из них 42 тыс. погибли и не менее 200 тыс. были ранены. Совокупные людские потери доминиона были однако меньше, чем в Первой мировой войне. Но в пересчете на душу населения Канада снова потеряла больше человеческих жизней, нежели Соединенные Штаты. Вклад доминиона в общую победу антигитлеровской коалиции был существеннее в военно-экономической и гуманитарной области.

В дни «битвы за Британию» доминион приютил десятки тысяч детей, эвакуированных из юго-восточных графств метрополии, которые подвергались особенно жестоким бомбежкам германской авиации. Одно время в Канаду планировало переехать правительство Великобритании.

Необычную услугу доминион оказал Голландии (Нидерландам). Страна была в 1940 г. захвачена вермахтом, и голландское королевское семейство, включая беременную королеву, искало убежища в Канаде. Но по голландской конституции наследник престола должен быть рожден на голландской земле. Тогда правительство Кинга и муниципалитет Оттавы подарили Голландии участок земли, на которой расположено ее посольство. После войны в знак благодарности Голландия стала ежегодно дарить Оттаве сто тысяч красных тюльпанов.

Доминион стал местом проведения двух официальных встреч руководителей Великобритании и Штатов — Квебекских конференций. Они состоялись в августе 1943 г. и в сентябре 1944 г. в фешенебельной гостинице «Шато-Фронтенак», возвышающейся над долиной реки Святого Лаврентия.

В 1943 г. в Квебеке Рузвельт и Черчилль подвели итоги побед антигитлеровской коалиции в Средиземноморье и попытались согласовать единую

линию поведения на предстоявшей Тегеранской конференции со Сталиным. В 1944 г. они готовились к обсуждению судеб Восточной Европы на приближавшейся Ялтинской конференции, намечали зоны оккупации Германии.

Канада во второй раз стала «арсеналом» западных демократий. В правительственных структурах в 1940 г. было образовано новое могущественное ведомство — Управление вооружения и снабжения во главе с Кларенсом Хау. Решительный, не терпевший волокиты и поощрявший инициативу подчиненных Хау помог скорейшему развертыванию военно-экономического потенциала доминиона. Хау любил говорить: «Я не отдаю приказов — я возлагаю ответственность». Он учил подчиненных сжато и ясно выражать мысли. Если ему приносили на рассмотрение или на подпись пухлый документ, Хау насмешливо спрашивал: «А о чем он?»

На заводах доминиона был налажен выпуск разнообразной военной продукции, в том числе пулеметов, армейских автомобилей, броневиков, самоходных орудий, радиолокаторов, малых военных судов, военных и учебных самолетов. Двенадцатимиллионная страна за шесть лет произвела 50 тыс. единиц бронетехники, 16 тыс. самолетов и около миллиона вездеходов, мотоциклов и грузовиков — «Крайслеров», «Фордов» и «Шевроле». Техника производилась главным образом по британским лицензиям или по американским стандартам.

Среди выпущенных в доминионе самолетов было свыше 1000 «Ланкастеров» — четырехмоторных дальних бомбардировщиков британского образца. Сотни «Ланкастеров» бомбили в 1942–1945 гг. оккупированные нацистами страны и территорию Третьего рейха. А единственный в истории танк канадского производства «Рам» был создан в 1943 г. монреальскими инженерами и рабочими на базе «Шермана» — тогдашнего основного

среднего танка армии США. Канадские заводы выпустили около 1000 «Рамов». Они участвовали в боях на северо-западе Европы.

Устойчивое финансовое положение позволило доминиону оказать финансовую помощь метрополии еще более щедрую, нежели в 1914-1918 гг., общим объемом свыше 3 миллиардов долларов. Один миллиард из трех был перечислен Британии безвозмездно — в виде дара канадского народа. Прочие деньги — в виде займов. И опять бывшая колония кредитовала некогда могущественную метрополию.

Вскрывшееся в годы войны фундаментальное ослабление Британской империи подорвало ее авторитет во всем мире, в том числе в Канаде. Выражение «доминион» применялось все реже (о чем канадцы с гордостью говорили иностранцам). Канадские заводы выпускали все больше вооружения по американским стандартам. На территории страны были размещены американские войска — около 15 тыс. человек. По канадской территории американские военные строители проложили автостраду Орегон — Аляска. Строительство финансировали США. Дорогу закончили к 1943 г. После войны дорога была передана Канаде в собственность.

Канада в свою очередь помогла Соединенным Штатам создать ядерное оружие. Власти доминиона открыли американским властям доступ к канадским урановым месторождениям. Первые американские атомные бомбы, сброшенные в 1945 г. на Хиросиму и Нагасаки, были снаряжены канадским ураном из Саскачевана и тяжелой водой из Новой Шотландии. Секретом же атомной бомбы американцы с канадцами не поделились.

Разорение многих стран — Германии, Франции, Японии, Италии и Великобритании — оказалось выгодным доминиону. По уровню военного производства

доминион вышел к 1945 г. на пятое место в мире, по валовому национальному продукту — на четвертое, по объему экспорта — даже на третье. Военно-промышленные успехи были достигнуты в первую очередь на основе внедрения новой технологии и прироста производительности труда. Даже в разгаре войны в канадской военной индустрии работало меньше граждан (миллион с небольшим), чем в гражданских отраслях промышленности (около двух миллионов человек).

В ходе войны возросли темпы урбанизации доминиона. К 1945 г. Канада стала преимущественно страной горожан. Фермеры перестали составлять самую многочисленную группу населения. Однако в сельской местности все еще жило почти 40% канадцев. Сельское хозяйство в связи с повышенным спросом на продовольствие окончательно оправилось от последствий предвоенного кризиса. Массовое разорение фермеров прекратилось.

Невзирая на мобилизацию в армию почти 20% взрослого мужского населения, сельское хозяйство доминиона работало с исправностью первоклассного часового механизма. Производство зерна, мяса и молока удалось увеличить по сравнению с началом 30-х годов в несколько раз. Результат был достигнут без национализации земли и без какой-либо политической агитации в деревне.

Часть канадской муки и мясных консервов в ходе войны была направлена в рамках ленд-лиза в нашу страну (советско-канадские дипломатические отношения Кинг и Сталин восстановили в 1942 г.). Канадская общественность проводила сборы средств в помощь Советскому Союзу. Наиболее активное участие в ней в пересчете на душу населения приняла община духоборов. Те духоборы, у кого не было наличных, жертвовали в пользу СССР часть урожая. Некоторые

молодые духоборы нарушили обычай и вступили в армию.

Поскольку на канадской земле не было сражений или бомбежек, средний жизненный уровень канадцев в итоге войны возрос. За шесть лет национальный доход доминиона увеличился вдвое. Замораживание Оттавой цен и зарплаты помогло сдержать инфляцию. Тем не менее в стране временно окрепли радикальные настроения. Активизировались партии, ранее считавшиеся мелкими и слабыми.

Социал-демократия стала главенствующей политической силой прерий и укрепила влияние в городах Британской Колумбии и Онтарио. Сенсационным оказался исход дополнительных выборов в зажиточном онтарианском округе — Южном Йорке в 1942 г. Кандидат ФКС, школьный учитель Джозеф Ноузуорти победил на них отказавшегося от сенаторства и вернувшегося к активной политике Мейгена. Год спустя ФКС Онтарио разгромила провинциальных либералов и на несколько лет приобрела статус официальной оппозиции в законодательной ассамблее ведущей провинции доминиона.

В 1944 г. ФКС Саскачевана во главе с бывшим священником Томасом Дугласом с блеском победила на провинциальных выборах, нанеся большие потери как либералам, так и консерваторам. В Реджайне было сформировано социалистическое правительство — первое во всей Северной Америке. Оно отменило антирабочие законы, установило минимальную зарплату, сделало более дешевой, а значит — более доступной медицинскую помощь, расширило государственный сектор в провинциальной экономике. С тех пор Саскачеван обычно (с небольшими перерывами) управляется социалистами. А Реджайна стала делить с Виннипегом славу «цитадели канадского социализма».

В Манитобе и Британской Колумбии только коалиционные антисоциалистические правительства сделали тогда невозможным прорыв социалистов к рычагам провинциальной власти. Социалисты победили в этих провинциях много позже, после целого ряда неудач. Социалистические правительства в провинциях стали со времен Второй Мировой войны специфической чертой Канадской федерации, отличающей страну от США и других государств Западного полушария.

В Квебеке же у власти укрепился сельско-клерикальный и изоляционистский Национальный союз Мориса Дюплесси, превративший провинциальную либеральную партию в деморализованную группу оппозиционеров.

Федеральная либеральная партия оперативно ответила основательными социальными реформами. Их планы были детально проработаны королевскими комиссиями 30-х годов.

В законах 1944 г. парламент установил пособия безработным и выплаты семейным. Размеры пособий были внушительными. К концу войны были существенно повышены пенсии престарелым и пособия ветеранам войны.

Правительство Кинга обнародовало первые программы федерального жилищного строительства. Оно предложило провинциям значительные ежегодные субсидии на развитие здравоохранения и высшего образования. Все провинции, кроме Квебека, согласились.

Гибкая политика Кинга вполне оправдала себя. На всеобщих выборах 11 июня 1945 г. правящая партия доминиона понесла вполне умеренные потери. (Напомним, что в Великобритании правящая партия во главе с маститым Черчиллем тогда же проиграла всеобщие выборы). Невзирая на сильный натиск консерваторов и социалистов, вовремя ставшие

реформаторами либералы сохранили большинство в нижней палате.

Победа 1945 г. была одержана также благодаря устойчивой верности избирателей-франкоканадцев федеральной либеральной партии. «Квебек спасает нашего короля», — комментировала исход выборов канадская печать (по-английски «кинг» — «король»).

Правда, Кинг проиграл у себя в саскачеванском округе, как и Мейген, кандидату ФКС. Но один из депутатов-либералов тут же отказался от мандата, премьер-министр баллотировался на срочно организованных дополнительных выборах и вернул себе депутатский мандат. Канадские либералы не разделили участи британских либералов, оттесненных к 40-м годам на обочину политической жизни.

В апреле 1945 г. Канада вместе с другими державами-победительницами стала соучредительницей Организации Объединенных Наций.

В центре Оттавы на памятнике участникам Первой мировой войны добавили новую дату — «1939-1945». В самой высокой башне федерального парламента — Башне мира — хранились поименные списки 111 тыс. канадцев, павших на фронтах двух мировых войн. Списки затем сделали Книгой памяти. Ныне вошло в обычай, что каждый день два армейских офицера в полной форме отдают честь павшим и переворачивают очередную страницу книги.

Правительство доминиона приступило к подготовке закона о канадском гражданстве. Он был принят двумя годами позже. Тогда же в Канаде появился министр иностранных дел. Страна выросла. Она стала сильнее, влиятельнее и уверенно смотрела в будущее.

Глава 4.

Средняя держава

Так начиналась холодная война. — Под ядерным зонтиком США. — Сырьевая окраина западного мира. — Между национализмом и континентализмом. — «Два одиночества». — Джон Дифенбейкер против «Дядюшки Луи». — Осваивать ли Арктику? — Космическая держава. — Лестер Пирсон бросает вызов. — Приход Уолтера Гордона. — Ракетный кризис. Опасно ссориться с Пентагоном. — Эрозия федерации. — Наконец национальный флаг!

Первые послевоенные годы в Канаде ознаменовались «атомным скандалом». Осенью 1945 г. агенты ФБР и канадских служб безопасности зафиксировали подозрительные контакты американских ядерных физиков. Тайное расследование вывело Королевскую канадскую конную полицию на работников советского посольства в Оттаве. Один из них — шифровальщик Игорь Гузенко — попросил убежища в Канаде и дал следователям подробные показания.

Дальнейшие свои действия канадское правительство согласовало с «атлантическими союзниками» — Штатами и Великобританией. В феврале 1946 г. Кинг огласил обвинения против канадских граждан, передававших секретные сведения СССР, с трибуны парламента, вызвав бурные отклики во всем западном мире и немедленную отповедь в советской печати. Произошло это ранее, чем в Фултоне прозвучала открыто антисоветская речь Уинстона Черчилля. Бывшая колония в который раз опередила метрополию.

«Атомный скандал» быстро перерос в глубокий и болезненный внешнеполитический конфликт, имевший долгосрочные последствия.

Канадское правительство выслало часть советских дипломатов во главе с военным атташе. Советское правительство отозвало посла из Оттавы. Кинг сделал то же самое. Канадо-советские дипломатические и торговые отношения были надолго заморожены. Таким образом, знаменитая «холодная война» началась в Канаде и при участии канадских властей. В дальнейшем ей суждено было охватить весь земной шар.

В послевоенном мире с его нараставшей поляризацией сил между США и СССР Канада сделала выбор в пользу Штатов. Причины выбора не составляли загадки. Соединенные Штаты имели 5000-километровую границу с доминионом, были традиционным экономическим партнером канадцев, обладали подавляющей морской и воздушной мощью. У них была созданная Вудро Вильсоном и Франклином Рузвельтом репутация «бастиона западной демократии».

Уже в 1946 г. Оттава и Вашингтон направили военную экспедицию в Арктику. Годом позже Канада и США возобновили многостороннее военно-экономическое и политическое сотрудничество, прерванное после капитуляции Германии и Японии. На Северо-западных территориях вскоре были созданы радарные линии дальнего слежения и аэродромы ВВС США. США получили право пользоваться военными базами на Атлантическом и Тихоокеанском побережье доминиона. Американские ледоколы, военные корабли и самолеты стали регулярно пользоваться Северо-западным проходом, соединяющим Атлантику с Северным Ледовитым океаном, не всегда испрашивая разрешения канадских властей.

В 50-х годах чиновники госдепартамента и американские военные открыто поставили канадские

суверенные права в Арктике под вопрос, доказывая, что Северо-западный проход следует считать международными водами.

Суверенитет огромного, но слабого в военном отношении доминиона над Севером «казался в прямой опасности после появления у США атомных ледоколов с огромным радиусом плавания и подводных лодок на ядерном ходу. Итак, Канада, вступив в военное сотрудничество с южным соседом, поступилась суверенитетом. Кроме того она выделяла в распоряжение иностранной державы территорию и рабочую силу. По выражению журнала «Маклинз», Канада оказалась «в удушающих и бесцеремонных объятиях». Зато почти все расходы несли Соединенные Штаты. Провинциальные и федеральные власти взяли курс на еще более открытое поощрение создания американских филиалов в Канаде. Требования к ним были сведены к минимуму.

Отметим осторожность Кинга. После 1945 г. он санкционировал в канадо-американских отношениях все, кроме двух вещей — официального ограничения канадского суверенитета и немедленного введения свободной торговли. Более того, в 1947 г. кабинет Кинга в целях сохранения торгового баланса временно ограничил импорт из США.

Кингу было присуще чувство меры. Через три года после победы 1945. г. он созвал партийный съезд и ушел в отставку. Кингу было суждено поставить рекорд в масштабах Канады и Британской империи — он пробыл на посту премьер-министра в общей сложности 22 года, опередив Макдональда, Лорье, Ллойд-Джорджа и Черчилля. Корпорация Рокфеллеров вручила 74-летнему Кингу прощальный подарок — чек на 100 тыс. долларов.

Уход Кинга дал партии возможность омолодить руководство. Кинг к концу 40-х годов воспитал многих молодых политиков и хороших управленцев — Брука

Клакстона, Уолтера Харриса, Дугласа Эббота. Но все они были англоканадцами. Между тем обычай либералов, возникший во времена Лорье, требовал заменить лидера англоканадца франкоканадцем.

Поэтому шанс на омоложение партии и изменение ее облика остался неиспользованным. Съезд 1948 г. избрал новым лидером либералов корпоративного юриста из Монреаля, квебекского уполномоченного партии Луи Сен-Лорана. В кабинете Кинга он занимал важные посты — был министром юстиции, а затем первым в канадской истории министром иностранных дел. В 1942 г. он поддерживал набор в армию. Сын франкоканадца и англоканадки, выросший в трудовой семье, Сен-Лоран был уже немолод. Одни называли его «дядюшкой», другие — «дедушкой». Все ключевые посты в его кабинете остались в руках политиков-англоканадцев.

Премьерство Сен-Лорана ознаменовалось новым расширением территории страны. После двух народных голосований, второе из которых дало 52% голосов в пользу присоединения к Канаде, в состав федерации вошла десятая провинция — Ньюфаундленд. Федеральная юрисдикция распространилась на его богатейшие рыбные угодья.

Сен-Лоран также создал прецедент, назначив в 1952 г. генерал-губернатором страны урожденного канадца — крупного общественного деятеля Винсента Мэсси (1876–1967). С тех пор генерал-губернаторами становятся только канадские граждане, назначаемые премьер-министром Канады.

Продолжалось послевоенное экономическое процветание Северной Америки (Старый Свет пока не оправился от войны). Канада не испытывала недостатка в капиталах, технологии и рабочей силе. Росли масштабы иммиграции из всех частей света. Одних только «перемещенных лиц» из Восточной Европы доминион принял в пять послевоенных лет не менее 200

тысяч. Среди них было больше всего немцев, украинцев, прибалтов и поляков.

Завершалась индустриализация страны. Средоточием ее промышленной мощи окончательно стало густонаселенное Онтарио с его заводами и рудниками Торонто, Гамильтона, Ниагара-Фолз, Садбери и Уинсора. В Центральной Канаде образовался индустриально-городской регион, перешагнувший онтарианско-квебекскую границу и протянувшийся от Квебек-Сити на севере до Уинсора на юге. Он был назван «главной улицей Канады». Здесь сосредоточилась большая часть промышленных предприятий, финансовых учреждений, вузов и средств массовой информации страны.

Руководимое властным и решительным Хау министерство оборонной промышленности многочисленными заказами поощряло становление новейших отраслей промышленности — аэрокосмических и электронных.

Вследствие открытия огромных коммерчески перспективных нефтегазовых залежей в Альберте началось движение промышленного капитала в прерии и к подножию Скалистых гор. Затем нефть и природный газ нашли в Саскачеване и в Британской Колумбии. Усилиями иностранного («Галф ойл», «Петрофина», «Шелл», «Зкссон») и национального капитала в Степных провинциях в срочном порядке были возведены нефтеперегонные и нефтехимические заводы. Канада стала нефтедобывающей державой. Западноканадские провинции вскоре перешли на самоснабжение горючим. По срочно сооруженным нефтепроводам Канада — США альбертская нефть широким потоком пошла через неохраняемую границу.

Часть месторождений была обнаружена на территории индейских резерваций. Добычу нефти и газа развернули с согласия индейцев. Им же нефтебизнес

стал отчислять часть прибылей. В дальнейшем, к 70-м годам, мир увидел нечто небывалое ранее — богатые резервации.

От нефтегазового бума более всего выиграла Альберта. Переработка нефти и газа стала толчком к созданию в прежде захолустных «ковбойских городах» Эдмонтоне и Калгари многоотраслевой современной промышленности. Вскоре Альберту начали именовать «западноканадским Руром». Эдмонтон, кроме того, превратился в важный транспортный узел. Калгари разбогател так, что к концу XX в. был застроен ультрасовременными небоскребами. В городе появились оперный театр и «нефтегалереи» — художественные галереи, основанные на пожертвования нефтяных магнатов.

Крупным достижением стало сооружение глубоководного пути по реке Святого Лаврентия, потребовавшее длительных дноуглубительных и прочих работ в скальном грунте. С открытием пути (1959) образовалась огромная водная магистраль Атлантика — Чикаго, способная принимать крупнотоннажные суда. Так находящиеся вдали от моря Монреаль и Торонто стали морскими портами.

В старинной борьбе между Монреалем и Торонто на первое место вышел Торонто. В середине XX в. он превратился сначала в финансовую, а затем и в промышленную столицу страны. Чуть позже стал самым густонаселенным канадским городом, главным центром расселения прибывающих в Канаду сотен тысяч иммигрантов. В нем выделились «этнические» районы. Торонтский район Этобикок стал районом преимущественно голландцев и немцев, Паркдейл — славян, Дейвенпорт и Северный Йорк — итальянцев и т. д.

Все больше корпораций переводило штаб-квартиры из Монреаля в Торонто. Торонтская фондовая биржа по

объему операций вышла на третье место в мире — после Нью-Йоркской и Лондонской. Некогда откровенно скучный город ремесленников, промышленников и торговцев превратился также в «фабрику слов» — живущую разнообразной и насыщенной жизнью духовную столицу всей англоязычной Канады. В нем обосновались множество книжных издательств, десятки газет и журналов, Национальный балет, Национальная опера, ряд музеев. При этом Торонто сохранил лучшие черты канадского образа жизни — законопослушность и неторопливость. Он не превратился в подобие Нью-Йорка или Лос-Анджелеса с их загазованностью, помойками и обилием криминальных элементов. Торонтский муниципалитет ввел ограничения на строительство небоскребов. Американским туристам Торонто до сих пор кажется чистым, зеленым и дружелюбным городом.

Несмотря на наплыв иммигрантов со всех концов света, Торонто вплоть до 1992 г. не знал присущих городам США межрасовых беспорядков. Отступивший на второе место Монреаль остался городом изысканности и хорошего вкуса. Во второй половине XX в. лучшие в мире франкоязычные радио- и телепередачи стали делать не в Париже или Марселе, а в Монреале.

Третьим по значению и богатству городом страны вместо Галифакса, Квебек-Сити и Виннипега стал тихоокеанский Ванкувер. Раньше он был всего лишь транспортным узлом, перевалочным пунктом между Северной Америкой и странами Тихоокеанского бассейна. В середине XX в. он превратился также в индустриальный и культурный центр. По населенности и экономическому значению город опередил своего тезку — американский Ванкувер. Преуспеванию Ванкувера способствовали возросшее значение стран Тихоокеанского бассейна, мягкий климат Британской

Колумбии и исключительная живописность его горных окрестностей.

Но урбанизация страны во второй половине XX в. закономерно породила экологические проблемы. Ранее всего они проявились на реке Святого Лаврентия, затем — на озерах Эри и Онтарио. Там исчезла почти вся рыба, в них не рекомендовалось купаться. Канадские и американские корпорации и муниципалитеты совместными, хотя и непреднамеренными, усилиями довели Эри до состояния грандиозной помойки. Еще одним очагом экологического бедствия стало Северное Онтарио. Там компания «Интернешнл никел» неочищенными индустриальными выбросами не только отравила воздух в Садбери, но и полностью обезобразила его окрестности горами отработанной породы. Затем над всем густонаселенным юго-востоком Канады стали проливаться «кислотные дожди», отравившие десятки небольших озер.

Единственным из провинциальных и федеральных министерств, оперативно реагировавших на экологические бедствия, было министерство здравоохранения. Оно ввело множество запретов на купание и настояло на строительстве плавательных бассейнов.

Канадское сельское хозяйство совместными усилиями фермерства, торгово-промышленных кругов и университетских аналитиков к 60-м годам превратилось в полностью электрифицированную и высокомеханизированную отрасль экономики. Долю ручного труда в земледелии и скотоводстве удалось существенно снизить. Стало правилом рентабельная обработка 200–300 га земли силами одной семьи. Несмотря на сильнейшую конкуренцию агробизнеса США и Аргентины, канадская пшеница прочно закрепилась на мировом хлебном рынке. В прериях прекратились пыльные бури, ранее разорявшие десятки тысяч

трудящихся. Фермеров Саскачевана и Манитобы больше не пугали морозы и обилие снега. Секрет заключался в переходе на безотвальную систему земледелия и на возделывание трудоемких, но морозоустойчивых твердых сортов пшеницы. Видную роль в их внедрении сыграли переселенцы с Украины и из России.

Теснимый внутри страны американскими монополиями канадский капитал одновременно проникал в зарубежную экономику. Этим могли похвастаться в основном финансовые круги. Пять крупнейших банков — Королевский канадский, Монреальский, Торонтский, Канадский имперский коммерческий, Новошотландский — утвердились в экономике Кубы и других стран Карибского бассейна. Канадским предпринимателям принадлежала немалая доля акций действующей в Испании транснациональной ресурсной «Рио-Тинто компани». Торонтские инвесторы в 40-х годах образовали корпорацию «Браскан» и на долгие годы завладели большей частью коммунального хозяйства Бразилии.

Страна продолжала богатеть. По уровню доходов на душу населения она неуклонно сокращала разрыв со США.

Подъем экономики сопровождался падением влияния лево-и праворадикальных политических сил, не вписывавшихся в рамки двухпартийности. Позиции социал-демократии, партии социального кредита и коммунистов слабели. На федеральном уровне господствующей партией стала либеральная, захватившая центральные позиции в политике. На уровне провинций (в Онтарио, Манитобе и Атлантических провинциях) укрепились консерваторы. В Британской Колумбии большинство провинциальных консерваторов и либералов объединилось под знаменем правоцентристской партии социального кредита, олицетворявшей прямое правление большого бизнеса и

прославившейся постоянной конфронтацией с рабочим движением.

В Квебеке сохранял прочные позиции консервативный и клерикальный Национальный союз Мориса Дюплесси, лучше всего выражавший взгляды и интересы многочисленного провинциального духовенства и патриархального крестьянства.

Национальный союз допускал промышленное, транспортное и финансовое развитие, но главным образом силами англоканадского и американского капитала, ибо занятия бизнесом могли лишить франкоканадцев «их душевной чистоты». Образование оставалось под неусыпным контролем церкви. Правительство Дюплесси душило любую критику порядков в «прекрасной провинции». Так, бравшие на работу неугодных Национальному союзу лиц вузы тут же лишались правительственных дотаций. Против вольнодумцев министры Национального союза не стеснялись возбуждать судебные дела.

Национальный союз сознательно тормозил распространение высшего образования, внедрение новых гуманитарных предметов — конституционного права, социологии, психологии, кибернетики и др., демонстративно отказываясь получать федеральные целевые субсидии на нужды университетов. С 1949 г. в Квебеке действовал невиданный в англоязычной Канаде «закон висячего замка», по которому полиция пользовалась правом без суда на год опечатать помещения любой неугодной властям общественной ассоциации. Поклонники Дюплесси поставили премьеру прижизненный памятник. Другого такого прецедента в Канаде не было.

Монреальские вольнодумцы охотно рассказывали тогда анекдот:

— Если большевики захватят Канаду, они переименуют Монреаль.

— В Петроград?

— Нет. В Ретроград.

По уровню жизни чрезвычайно богатый природными и человеческими ресурсами Квебек продолжал заметно уступать англоязычной Канаде.

Все это причудливо сочеталось с многопартийной системой, негосударственной печатью, формальными университетскими свободами, правом на стачку и установленным при Национальном союзе самым высоким в Канаде минимальным уровнем зарплаты. Карикатуристы из вольнодумной газеты «Девуар» позже изображали Дюплесси в одной шеренге с Гитлером и Сталиным. Гитлер при этом произносил «Хайль!», Сталин — «Нет!», а премьер Квебека — «Молчи!» (При жизни Дюплесси таких карикатур не было.) Его правление оппозиционеры называли «великим мраком» и «великим молчанием».

Во внешней политике Канада шла в когорте атлантических держав. В 1949 г. она стала соучредительницей НАТО. Были несколько повышены военные расходы. Канадские ВВС стали получать реактивные истребители американского производства. Флот пополнился авианосцем «Бонавантюр». Ему было суждено остаться единственным крупным современным военным кораблем, построенным в Канаде.

В 1950–1953 гг. страна участвовала в корейской войне, направив на помощь Южной Корее под флагом ООН пехотную бригаду, военно-транспортную эскадрилью и три эсминец. Сражаться пришлось главным образом с китайскими дивизиями, присланными на помощь Северной Корее Мао Цзедуном. Канадские силы отличились в боях против северокорейцев и китайцев у Кайонга в апреле 1951 г. и у Коджеду в июле 1952 г. Всего в военных действиях на Корейском полуострове участвовали 25 тыс. канадских военнослужащих. Потери страны составили 300

погибших и 1200 раненых и больных (США, двинувшие в Корею гораздо большие силы, потеряли в 25 раз больше).

Участие в корейской войне в таких незначительных масштабах было почти не замечено большей частью канадской общественности, но вызвало протесты немногочисленных пацифистов. «Сен-Лоран говорит о мире, но планирует войну», — писал в журнале «Сите либр» малоизвестный тогда пацифист Пьер Трюдо. Основные же политические силы страны — от консерваторов до большинства социалистов — не возражали против участия страны в корейском конфликте, так как опасались победы «коммунистического Китая» (КНР). Массовых антивоенных демонстраций не было.

С другой стороны, кабинет Сен-Лорана пошел в 1954 г. на нормализацию канадо-советских отношений. За обменом послами последовала первая в истории поездка канадской экономической делегации во главе с министром иностранных дел Лестером Пирсоном и заместителем министра торговли и промышленности Митчеллом Шарпом в Москву (1955). Результатом стало заключение двустороннего торгового соглашения. Его основой была продажа Советскому Союзу больших партий канадского зерна. Соглашение стало успехом канадской дипломатии, проявившей гибкость и опередившей конкурентов — Австралию, Аргентину и Штаты (последние отказывались продавать зерно нашей стране до 1963 г.). Оно же стало и триумфом канадского сельского хозяйства.

Правительство восстановило и упрочило пацифистскую репутацию Канады в 1956 г. Сен-Лоран отказался поддержать коалицию Великобритании, Израиля и Франции в ее войне с арабскими странами. Англичан и французов он насмешливо назвал «европейскими суперменами». Канада на всех уровнях, в

том числе в ООН и в НАТО, отмежевываясь от действий участников коалиции. После прекращения огня воюющие стороны по предложению Пирсона приняли принцип размещения миротворческих сил ООН на египетско-израильской границе, что добрых десять лет способствовало сохранению мира в регионе. Позже подобная схема была применена в ряде других горячих точек мира. Канадские миротворческие контингенты побывали на Кипре.

Международная известность Канады возросла. Страна впервые вышла из тени Соединенных Штатов. Пирсон стал лауреатом Нобелевской премии мира.

Другим известным внешнеполитическим актом Оттавы стало активное участие страны в принятии и осуществлении «плана Колумбо», предусматривавшего разностороннюю помощь (финансовую, продовольственную, образовательную, медицинскую и др.) индустриальных государств освободившимся от колониального владычества странам. К их числу тогда относились Индия, Пакистан, Эфиопия, Бирма, Ливан, Индонезия.

Оборотной стороной премьерства Сен-Лорана стало установившееся к середине 50-х годов засилье американского капитала в канадской экономике. Транснациональные корпорации со штаб-квартирами в США, опираясь на финансовую мощь и высококвалифицированных управленцев захватили контроль над самыми прибыльными и перспективными отраслями хозяйства доминиона — автомобильной и электронной промышленностью, индустрией развлечений, химией, добывающим сектором. В руках американских корпораций оказалась почти вся добыча нефти, алюминия, никеля, урана, асбеста. Канадский национальный капитал сумел сохранить позиции только в малоодоходных отраслях — лесном, рыбном и сельском хозяйстве, мебельной и обувной промышленности.

Громадный размах приняла и американская духовная экспансия. Канадский эфир заполнили американские радио- и телепередачи. В кинопрокате опасно для национальной культуры возросла доля голливудских и нью-йоркских фильмов. Легально обосновавшиеся в Торонто филиалы «Тайма» и «Ридерс дайджеста», искушенные в маркетинге, стали перехватывать свыше половины доходов от распространявшейся в стране журнальной рекламы. Часть канадской периодики обанкротилась, не выдержав конкуренции с американской. Известен и другой многозначительный факт — первое издание «Канадской энциклопедии» (1972) было напечатано... американским издательством Кролера.

Даже знаменитый канадский хоккей в результате законных коммерческих сделок был на три четверти скуплен американцами.

Соединенные Штаты стали, что называется, подавлять Канаду. Они делали это не столько открытым и целенаправленным принуждением, сколько путем «экономической экспансии». В полной мере действовал фактор «неохраняемой границы».

После Второй мировой войны Канада оказалась в тени соседа, который был тогда самой богатой державой мира и сам себя провозгласил сверхдержавой. Большинство канадских профсоюзов стали членами межнациональных тред-юнионов с штаб-квартирами в Детройте, Чикаго и Сан-Франциско. Канадская культура растворилась в океане американской «массовой культуры». Детективы Микки Спиллейна и кинофильмы о Тарзане вытесняли с прилавков книги Ликока, Сетон-Томпсона и Эмона, а также скудную по финансированию и некоммерческую по содержанию канадскую кинопродукцию. Талантливо написанная, переведенная на несколько иностранных языков любовная драма Морли Каллагана (1915–1996) «Любимая и потерянная»,

действие которой разворачивается в Монреале, вызвала похвалы торонтских и нью-йоркских литературоведов, но прошла почти незамеченной на книжном рынке.

В 50–60-х годах XX в. рядовые канадцы гораздо больше знали о музыке, спорте и политике США, чем о жизни родной страны.

Благодаря низким ценам на средства сообщения канадцы привыкли проводить уик-энд в Нью-Йорке, Лас-Вегасе и Атлантик-Сити, а отпуск — во Флориде.

По позднейшему выражению, Канада стала страной с филиальной экономикой, филиальной культурой и филиальными профсоюзами. Бывший британский доминион приобрел репутацию задворок Америки, ее пятьдесят первого штата. «Канада — вотчина американского империализма», — гласил заголовок брошюры, вышедшей в Москве в 50-х годах.

В канадском бизнесе, средствах массовой информации, профсоюзах образовалась многочисленная проамериканская клиентела. В стране возобладали проамериканские («континенталистские») взгляды. Их носители были уверены, что стране в силу объективных причин суждено быть постепенно и почти безболезненно поглощенной Штатами и что ничего плохого в этом нет. Континенталистами были многие видные интеллектуалы доминиона — Андерхилл, Ликок, Маклюэн, Сервис, Сетон-Томпсон.

Характерно было безразличие провинциальных и федеральных властей к самобытному культурному достоянию страны. К 50-м годам живопись Группы семи уже высоко оценивалась знатоками. Под ее влиянием сформировался американский художник Рокуэлл Кент. В стране насчитывались десятки музеев. Но они почти не приобретали картин группы. Национальная (!) художественная галерея в Оттаве долгое время предпочитала покупать главным образом подлинники и

копии немца Кранаха, итальянцев Джотто и Тинторетто, испанца Пикассо и француза Леже.

Многие картины Группы были спасены от забвения семьей энтузиастов Макмайклов — собирателей живописи из Онтарио. Они приобрели многие картины Группы и открыли в 1952 г. в предместье Торонто частный музей. Через пятнадцать лет Макмайклы подарили музей правительству Онтарио.

Канада XX в. стала родиной нескольких крупных ученых. Например, торонтский профессор философии Маршалл Маклюэн (1913–1980) прославился на весь мир, создав теорию о решающей роли средств массовой информации и коммуникаций в современном мире. Монреальский медик Ганс Селье (1927–1986) стал родоначальником учения о болезни XX в. — стрессах. Они написали много работ о глобальных проблемах, но словно не замечали разрушения канадской самобытности. Для них Канада была не отечеством, а всего лишь одной из стран мирового сообщества.

Все американское стало восприниматься многими канадцами некритически. Очень модно было выражать симпатии к США, гордиться дружбой с американцами. Предприниматели и экономисты, провинциальные премьеры и депутаты, мэры городов не знали другого средства повышения производительности труда и качества товаров, снижения безработицы и повышения жизненного уровня страны, кроме безудержного привлечения инвестиций из США. Рассуждения на тему, что все равно кем быть — канадцем или американцем, раздавались все чаще и не встречали серьезного отпора ни у общественности, ни у политических лидеров.

В середине XX в. многие канадские граждане толком не могли объяснить, кем они себя чувствуют — канадцами, американцами или членами некоего аморфного «североамериканского сообщества». Прежнее колониально-региональное сознание общества

возродилось и стало еще сильнее. Подобные настроения отразились в нашумевшей брошюре «Оплакивание нации. Поражение канадского национализма», выпущенной философом из Макмастерского университета Джорджем Грантом. Небольшой труд Гранта словно вобрал в себя нежелание одних канадцев заботиться о судьбе родины и неверие многих других в возможность и необходимость самостоятельного развития страны.

Грант с горечью писал, что канадское общество по своей природе консервативно и пассивно, потому в динамичном и бурном двадцатом столетии оно обречено на исчезновение. Оно не выработало национального сознания, экономически зависит от южного соседа, и, следовательно, бороться за его выживание бесцельно, ибо это противоречит объективным процессам международной интеграции. Грант предсказывал неминуемое торжество континентализма во всех сферах жизни страны.

Унаследовавший космополитизм Кинга Сен-Лоран не пытался закрыть границы страны или ограничить свободу предпринимательства. Премьер-министр (как и многие его сограждане) считал это покушением на основы экономической свободы и политической демократии. Но он одобрил доклад работавшей ранее королевской комиссии Винсента Мэсси, призывавшей к охране культурной самобытности страны.

Выполняя рекомендации Мэсси, кабинет и парламент несколько увеличили финансирование федеральных культурных учреждений — Национальной галереи, Национальной библиотеки, национального киноуправления, Публичного архива, Национального радио. В 1951 г. был образован Королевский канадский балет в Торонто. (Позже его переименовали в Национальный балет.) Статус федерального учреждения был дан Королевскому виннипегскому балету.

Меры в защиту культурного достояния страны были в принципе полезными, но запоздалыми и совершенно недостаточными. (Балет и архивные изыскания были и остаются уделом элиты и никак не мешают засилью импортной «массовой культуры». Скучно субсидируемое и терявшееся в дебрях оттавской бюрократии Национальное киноуправление по-прежнему выпускало всего по несколько видовых кинолент ежегодно.) Защитные меры никак не коснулись книгопечатания, газетно-журнального дела, телевидения, звукозаписи и т. д. Там по-прежнему царила объективно невыгодные канадцам, но вполне выгодные американскому капиталу принципы «равенства возможностей» и «свободы бизнеса».

Сен-Лоран приближался к 75-летию. Он был самым старым главой правительства во всей канадской истории. Молодые либералы рассчитывали на его добровольную отставку. Но премьер-министр не ушел. Тогда ушли многие перспективные деятели партии. Эббот принял назначение в сенат, Клакстон — в Верховный суд. Фактически они протестовали против старения и окостенения правительства.

Престарелые и самонадеянные космополиты-технократы Сен-Лоран и Хау совершили грубые промахи при проталкивании через парламент проекта трансканадского трубопровода Альберта — Онтарио. Трубопровод они предполагали строить на бюджетные средства и затем передать его под управление американской корпорации. Особенно вызывающе вел себя Хау, который одновременно занимал три министерских поста — промышленности и торговли, оборонной промышленности и правительственного снабжения и которого не без тревоги печать прозвала «министром всего» и «царем канадской экономики». Инженер-строитель по образованию, он рассматривал проект с узкотехнической точки зрения.

Во время дебатов о трубопроводе Хау редко появлялся в парламенте. Однажды он в весьма грубой форме отказался разъяснить палате финансовые и правовые аспекты проекта, объявив, что у него «есть дела поважнее, чем сидеть и развлекать парламент». Это заявление было близко к оскорблению палаты.

Утверждение проекта в конце 1956 г. прошло с нарушениями парламентских процедур, допущенными в угоду настойчивому Хау спикером-либералом Рене Бодуэном. Бодуэн вошел в историю в качестве единственного канадского спикера, открыто проявившего симпатии к правящей партии. Правительство все же провело спорный билль через обе палаты, но репутация федеральных либералов очень сильно пострадала.

На скандале с трубопроводом политический капитал нажила консервативная партия, которая долго занимала положение «постоянной оппозиции».

После ухода Беннета консерваторы многократно меняли руководство. Дважды они избирали лидеров из Онтарио, один раз — из Нью-Брансуика и один раз — из Манитобы, но всякий раз не извлекали из этого выгоды. Но перед дебатами о трубопроводе новым лидером партии стал мастер политических импровизаций адвокат из Саскачевана Джон Дифенбейкер (1897–1979).

Избирательная кампания 1957 г. начиналась с преимуществом либералов. Но в ходе ее красноречивый популист Дифенбейкер, к тому же прекрасно выглядевший на телеэкране, без труда переиграл косно мыслявшего, «зараженного» казенным оптимизмом и неубедительно говорившего бюрократа Сен-Лорана. К тому же либералы обращались ко всем слоям населения сразу, а консерваторы — к «рядовому канадцу». «Каждый голосующий против Дифенбейкера трудящийся голосует против своего друга и защитника»,

— громогласно возвещали листовки и плакаты консерваторов.

Самым сильным козырем вождя консерваторов стало окончание послевоенного экономического бума — падение темпов экономического развития, удорожание кредита, рост безработицы.

Всеобщие выборы 1957 г. положили конец длительной гегемонии либеральной партии. Либералы удержали Квебек и западные провинции и даже получили в общей сложности несколько больше голосов, чем консерваторы. Однако консерваторы завоевали больше депутатских мест (112 против 105), так как с большим перевесом победили в Онтарио и Атлантических провинциях. «Царь канадской экономики» Хау был побежден у себя в округе кандидатом-новичком и автоматически перестал быть министром. Сен-Лоран покинул пост премьер-министра, а затем и партийного лидера.

В лице Дифенбейкера страна впервые получила премьер-министра-саскачеванца. Канадец немецкого происхождения, он стал также первым «этническим» главой федерального правительства.

Съезд либералов в 1958 г. избрал новым руководителем очевидного фаворита — англоканадца из Онтарио Лестера Пирсона.

Противоборство ровесников — онтарианца Пирсона и саскачеванца Дифенбейкера — длилось почти 10 лет. Перевес сначала был у более красноречивого и находчивого вождя консерваторов.

Выходец из семьи священника, летчик времен Первой мировой войны, Пирсон стал затем государственным чиновником. Он слишком долго жил в духовном вакууме чопорной Оттавы и привык мыслить по-бюрократически. В первой же речи в качестве лидера оппозиции он предложил дилетантам-консерваторам без выборов передать власть опытным управленцам-

либералам. Тяжелейший просчет Пирсона его соперник использовал в полной мере. Прирожденный политик Дифенбейкер убийственно высмеял заносчивость либералов, распустил палату и провел внеочередные выборы.

Выборы 1958 г. дали более чем ясные итоги. Консервативная партия без труда одержала всеобъемлющую победу, какой она не знала после Макдональда. Либералы, ФКС и социал-кредитисты были полностью разбиты.

За шесть лет правления кабинет Дифенбейкера усовершенствовал и удешевил процесс кредитования фермеров и рыбаков, внедрил субсидии под урожай зерновых, повысил пенсии, положил начало снижению федеральных налогов с малооплачиваемых слоев. Премьер-министр впервые назначил политика индейского происхождения сенатором и политика украинского происхождения — министром. Эскимосам Канадского Севера были даны политические права. Деятельница консервативной партии Эллен Фейрклоу стала первой канадкой, получившей федеральный министерский пост. С тех пор присутствие женщин и выходцев из этнических меньшинств в рядах канадской политической элиты стало неотъемлемой чертой жизни страны.

Слывший пацифистом депутат из Британской Колумбии Говард Грин — сторонник ядерного разоружения — был назначен министром иностранных дел.

Консервативное правительство воплотило в жизнь часть рекомендаций работавшей в 1956–1958 гг. королевской комиссии об экономических перспективах страны. Оно впервые провозгласило «канализацию» экономики. Под ее знаменем ставки налогов с филиалов иностранных фирм были повышены втрое. Филиалы ТНК отныне были обязаны публиковать подробную

отчетность обо всех операциях. Впервые были установлены ограничения на вывоз филиалами прибылей из Канады. В государственных закупках законотныне требовал оказывать предпочтение корпорациям с наибольшим участием канадского капитала. Канадским национальным фирмам правительство стало устанавливать более высокие налоговые льготы и прямые субсидии по сравнению с транснационалами.

Вместе с тем правительство тщательно уклонялось от реализации других советов экономической комиссии — поощрения национальной обрабатывающей индустрии, выкупа канадцами активов ТНК в прибыльных отраслях хозяйства, «канализации» директорских советов филиалов. Защитным мерам Оттавы очень не хватало последовательности и цельности.

Сердцевиной экономического развития Канады оставалась ресурсно-сырьевая экономика. Трансканадский трубопровод в угоду иностранному капиталу не продлили восточнее Торонто, и пять из десяти провинций страны по-прежнему снабжались привозными нефтью и газом. Это не шло на пользу стране ни в экономическом, ни в политическом отношениях.

Один из бывших членов комиссии 1958 г. — торонтский предприниматель и менеджер Уолтер Гордон (1906–1987) во время премьерства Дифенбейкера стал родоначальником «экономического национализма». С 1961 г. он начал публиковать брошюры в защиту экономической независимости страны («Встревоженная Канада», «Канадский выбор», «Сигналы бури»), подвергая жестокой критике нерешительность и непоследовательность кабинета Дифенбейкера в данном вопросе. Однако дело было не только в чьей-то нерешительности или ограниченности, но и в очень тесных связях растущей части

консерваторов с бизнесом ресурсного сектора западноканадских провинций.

Созданная в 1958 г. Канадская радиотелевизионная комиссия сформулировала некоторые ориентиры здорового духовного развития страны. Она предложила довести долю канадских передач, не достигавшую тогда 10% эфирного времени, по крайней мере до 50%. Правда, комиссия не объяснила, чем и на какие средства заменить полюбившиеся многим рядовым гражданам американские коммерческие передачи — «Бонанзу», «Зеленые просторы», и т. д., за которыми позже последовали «Санта-Барбара», «Бeverли Хиллз» и «Альф».

Подобные меры упорядочили действия иностранного капитала в стране и несколько ужесточили требования к ним. Немного улучшилось положение национального бизнеса.

Если в XIX в. консерваторы Макдональда и либералы Лорье сделали выигрышной политической установкой слова «Идите на Запад», то в XX в. консерваторы Дифенбейкера провозгласили другую установку — «Лицом к Северу». Путь к возрождению страны лежит через просторы и богатства Канадского Севера, пророчил премьер-министр. Он образовал министерство Севера, во главе которого поставил энтузиаста «северной стратегии» саскачеванца Элвина Гамильтона. Позже данное ведомство преобразовали в министерство индейцев и северных территорий.

Плодом стратегии, на которую консерваторы истратили умеренную сумму — около 300 миллионов долларов, стало создание современной инфраструктуры по обе стороны 60-й параллели и проведение широкомасштабной геологической экспертизы Северо-западных территорий. Благодаря этому ускорилось развитие северных районов Онтарио, Альберты, Манитобы, Квебека. Воротами на канадский Север стал

Эдмонтон. При поддержке Оттавы ускорились проектирование и производство специализированной «северной» техники — пассажирских снегоходов, грузовых снегоболотоходов, самолетов с укороченным взлетом и посадкой. В данной сфере Канада к концу XX в. достигла внушительных успехов.

В 60-х годах вошел в моду и с тех пор продолжает набирать обороты североканадский туризм. Ищущая острых ощущений публика из Торонто, Нью-Йорка и Лос-Анджелеса с удовольствием обнаружила в летней Арктике не только нетронутую живописную природу, но и возможность щеголять в купальниках под теплым солнцем!

Но в экономике страны царил застой. Кроме того, национальный капитал и филиалы ТНК технически и психологически не были готовы к немедленным широкомасштабным капиталовложениям в отдаленной Арктике с ее крайне трудными природными условиями. «Северная стратегия» Дифенбейкера позже получила теоретическое обоснование и развитие в работах канадских географов и экономистов. На рубеже 60–70-х годов ее популяризовал а книге «Зеленый Север» советник консервативного правительства Онтарио, публицист Ричард Ромер.

При Дифенбейкере Канада запустила искусственный спутник Земли (1962), став таким образом вслед за СССР, Соединенными Штатами и Великобританией космической державой. Но на орбиту спутник вывела американская ракета. Еще хуже было то, что правительство оказалось бессильным защитить авиационную и аэрокосмическую промышленность страны от экономического кризиса. Канадские конструкторы монреальской фирмы «Авро Арроу» по заказу Оттавы разработали удачный реактивный истребитель. Но после завершения проекта кабинет, заботясь об оздоровлении финансов, аннулировал заказ.

«Авро Арроу» обанкротилась. Национальный капитал обрабатывающего сектора получил сильный удар. Около 15 тыс. рабочих, техников и инженеров остались без работы.

Дело «Авро» было немедленно использовано всеми оппозиционными силами как свидетельство бездарного правления партии Дифенбейкера.

Консерваторы оказались совершенно неподготовленными к обострению квебекского вопроса. В «прекрасной провинции» — после смерти Дюплесси и под влиянием распада глобальной колониальной системы — с 1960 г. отмечался бурный подъем реформистских и национал-сепаратистских устремлений. Как грибы после дождя стали расти сепаратистские группы — Движение за независимость, Рабочая партия, Лаурентийское действие и др. Квебекское правительство начало открыто требовать наделения провинции привилегированным «специальным статусом» не только во внутренней, но и в международной политике. В частности, оно стало настаивать на невмешательстве Оттавы в «особые отношения» Квебека с Францией и бывшими французскими колониями.

Дифенбейкер, выросший на англоязычном многоэтническом Канадском Западе, где все были недавними иммигрантами, не знал французского языка и никогда не вникал в сущность запутанного квебекского вопроса. Под стать ему были и чуть ли не все его министры — почти сплошь англоканадцы. Правительство консерваторов санкционировало поэтому было способно принять весьма куцые контрмеры. Оно внедрило синхронный перевод парламентских дебатов с английского на французский, ввело двуязычные надписи на банкнотах и почтовых марках и впервые назначило генерал-губернатором франкоканадца — Жоржа Ваньера. Но много лет проработавший в Оттаве

кадровый чиновник Ваньер давно оторвался от родной квебекской почвы и порядочно «англизировался».

Его назначение потому не повлияло на ход событий в его родной провинции. Там продолжалась «тихая революция», о которой позже историки писали, что ее было бы правильнее назвать «шумной революцией». Прежний оборонительный девиз квебекцев «Ничто не должно умереть, ничто не должно измениться» сменился другим — наступательным «Быть хозяевами в собственном доме!».

Квебек отделил школу от церкви, выкупил у частного капитала гидроэлектростанции, упразднил верхнюю палату Национального собрания. В провинциальном госсекторе франкоканадцы получили преимущественные права при поступлении на работу и гарантии против увольнений. Началось — тоже в рамках Акта о Британской Северной Америке — наступление на англоязычные школы. Провинциальное правительство в контрактах и заказах стало оказывать негласное предпочтение франкоканадским предпринимателям.

В годы «тихой революции» франкоканадский бизнес впервые вырвался из занимаемой им ранее узкой ниши розничной торговли и дорожного строительства. Франкоканадские фамилии все чаще мелькали на страницах деловой печати и на бирже. Семейства Бомбардье, Демаре, Остиги, Перронов, Симаров заняли видное место в машиностроении, транспорте, инвестиционном бизнесе.

По уровню урбанизации Квебек к 60-м годам сравнялся с Онтарио и с Северо-востоком США. Силы провинциального союзника федеральных консерваторов — сельско-клерикального Национального союза — поэтому неумолимо таяли.

Потеря федеральными консерваторами опоры в массах вполне закономерно началась с Квебека. Затем она распространилась на Онтарио. Главной причиной

гнева избирателей было плохое состояние экономики — 12-процентная безработица (причем размеры пособий безработным были заморожены) и девальвация канадского доллара. Прежние декларации Дифенбейкера: «Когда я стану премьер-министром, я никому не позволю страдать!» — теперь вспоминали со вполне обоснованным презрением и яростью. Жителей крупнейших городов, где жила треть населения страны, — Монреаля, Торонто и Ванкувера — все сильнее раздражало повышенное и демонстративное внимание консерваторов к проблемам сельской местности, доля жителей которой в общей численности населения быстро уменьшалась.

Не принесли консерваторам выигрыша и их внешнеполитические меры. Подготовленное при Сен-Лоране, но заключенное при Дифенбейкере канадо-американское соглашение о совместной ПВО континента (НОРАД) увеличило военную зависимость Канады от США, что вызвало тревогу общественности. Штаб-квартира НОРАД в Колорадо-Спрингсе стала еще одним центром принятия решений, в которых воля и интересы Канады проявлялись заметно слабее, нежели американские.

«Канализация» — при всей ее осторожности — и сохранение Оттавой официальных отношений с Кубинской Республикой вызвали настороженное отношение к Дифенбейкеру со стороны капитала и дипломатии США. Выступления канадского премьер-министра с трибуны ООН в 1960 г. против «советского колониализма» превратил многие восточноевропейские иммигрантские общины Канады в надежный резерв консервативной партии, но оставили равнодушными прочих избирателей.

При Дифенбейкере впервые после Кинга и Рузвельта состоялся обмен официальными визитами канадского премьер-министра и президента США. В дальнейшем

такие обмены стали традиционными. Однако Дифенбейкер не извлек выгод из встреч с Джоном Кеннеди. Они решительно не понравились друг другу. Кеннеди видел в Дифенбейкере старомодного неотесанного сельского популиста, ничего не понимающего в премудростях мировой политики. Тот в свою очередь считал президента всего лишь испорченным сыном миллионера.

Широко разрекламированные, но плохо продуманные намерения консерваторов переориентировать 15% канадского экспорта со Штатов на Великобританию так и не были воплощены в жизнь — канадский рынок уже тесно сросся с американским. К тому же значение Великобритании в мировой экономике продолжало снижаться.

Часть избирателей оттолкнул от консерваторов вопиющий разрыв между их словом и делом. Выходец из степной глуши Дифенбейкер постоянно говорил о себе как о борце против истэблишмента — «мира могущественных и благополучных». Но, став премьер-министром, именно он расширил материальные привилегии главы правительства — получил казенную резиденцию в зеленом предместье Оттавы на Сассекс-драйв, 24 и стал ездить на службу и со службы в казенном лимузине и с несколькими охранниками из Королевской конной полиции, почти в имперском стиле. А канадцы еще не отвыкли от первозданной простоты и непритязательности в образе жизни премьеров. Лорье ездил в парламент на трамвае, а жил в коттедже, оплачиваемом его партией. Кинг жил там же и при поездках по столице нанимал такси. Сен-Лоран предпочитал экономить — жил в гостинице «Шато Лорье», находящейся в нескольких минутах ходьбы от Парламентского холма. Контраст между ними и новоявленным «борцом с истэблишментом» был слишком заметен.

Между тем либералы Пирсона восстановили силы, пополнили свою казну. В отличие от опасавшегося молодых соперников Дифенбейкера Пирсон целенаправленно омолаживал и демократизировал партийный аппарат, привлекая в партию свежие силы. 35-летнего торонтца Кита Дейви он сделал национальным организатором партии. Девизом Дейви стало «Работай или уходи», а стратегией — изгнание из окружных ассоциаций окопавшихся там престарелых бездельников, позорно проигравших выборы 1958 г. Абсолютному большинству прежних кандидатов партии было отказано в новом выдвижении.

Два представителя экономической элиты Онтарио — Уолтер Гордон и Митчелл Шарп — укрепили связи либералов с чиновными и корпоративными кругами и сами стали ключевыми фигурами партии. Партия существенно упрочила свое влияние и в мире средств массовой информации. Ее поддерживали самая массовая газета страны «Торонто стар» и самая солидная франкоязычная газета «Девуар». К широко мыслящим и опирающимся на крупные города либералам начали тяготеть многие работники только что появившегося телевидения.

На политической карте страны при Дифенбейкере вместо ФКС появилась Новая демократическая партия, нашедшая опору в интеллигенции и профсоюзах. НДП противопоставляла себя обеим ведущим партиям. Но огонь критики она обычно сосредотачивала на консерваторах, не без основания считая их орудием капиталистической реакции. Первым лидером НДП стал выходец с Запада Томас Дуглас, бросивший вызов Дифенбейкеру в его родном Саскачеване.

В итоге всеобщих выборов 1962 г. либералы и малые партии низвели консерваторов до положения слабого правительства меньшинства. Верные сторонники премьер-министра — такие же пожилые, как и он сам,

уроженцы прерий, «ковбои Дифенбейкера» — были переизбраны. Многие же молодые реформистски настроенные консерваторы, способные освежить образ партии и обновить ее политику, провалились.

Видную роль в дальнейших событиях сыграл кубинский кризис 1962 г., вызвавший в Северной Америке массовый шок и едва не перешедший в Третью мировую войну. После его завершения Пентагон и госдепартамент США, пользуясь страхом публики перед «незащищенностью» Североамериканского континента, предложили разместить на канадской земле «Бомарки» — ядерные зенитные ракеты ближнего радиуса действия. Не во всем согласный с принесенными из Вашингтона и Брюсселя милитаристскими стереотипами канадский премьер-министр и бывший пацифист Говард Грин внес предложение решить вопрос о «Бомарках» на сессии Совета НАТО (как и предусматривалось уставом блока). Однако госдепартамент и Пентагон потребовали немедленного ответа.

В консервативной партии, издавна связанной с военным истеблишментом, наметился раскол. Часть министров во главе с министром промышленности и торговли Джорджем Хизом и министром обороны Дугласом Харкнессом и его помощником Пьером Севиньи открыто солидаризовалась с американцами. За их спиной стояли военные круги Канады, которые в дни карибского кризиса проявили гораздо больше готовности повиноваться приказам из Колорадо-Спрингса, чем из Оттавы.

Консерваторы-пацифисты во главе с Гамильтоном и Грином, а также большинство окружных партийных ассоциаций поддержали Дифенбейкера.

Оставшиеся в меньшинстве, но влиятельные Харкнесс и Хиз вышли в отставку и публично отказались быть кандидатами партии.

Оппозиционные партии перешли в наступление. Пирсон в публичной речи в Торонто выразил мнение о допустимости пересмотра официальной безъядерной позиции либеральной партии. Он — в прямое нарушение резолюций партийного съезда — объявил о согласии на ввоз «Бомарков» в страну.

В феврале 1963 г. палата голосами либералов и социал-кредитистов при весьма подозрительном воздержании пацифистски настроенных новых демократов выразила правительству недоверие. Премьер-министр вынужден был назначить внеочередные выборы.

Апрельские выборы 1963 г. были названы «ядерными» и «ракетными». Они вызвали раскол в партии социального кредита, западное крыло которого высказывалось в пользу «Бомарков», а восточное — против. Выборы вызвали замешательство и в стане либералов. Гордон и Дейви были против «Бомарков», однако — в традициях североамериканского прагматизма — подчинились лидеру. Другие англоязычные либералы (их было немало) дружно поддержали Пирсона. Зато немало франкоязычных кандидатов партии, включая молодого Жана Кретьена, вело кампанию совсем под другим лозунгом — «Нет ядерному оружию».

Отречение либеральной партии от антиядерной позиции осудила вся радикальная печать — торонтский «Канадиан форум», виннипегский «Канадиан дайменшн», монреальский «Сите либр», а также пацифистская «Девуар». «Власть притягивала г-на Пирсона, — писал журнал «Сите либр». — Ему нечего было терять, кроме чести, и он лишился ее. Его партия — тоже». Автором статьи был пацифист Пьер Трюдо.

Избиратели в 1963 г. вернули федеральных либералов на правительственные скамьи, но в качестве кабинета меньшинства. Партия Пирсона победила

только в Центральной Канаде. Там либералы нанесли поражение шести министрам-консерваторам из 19. Потерпели поражение Грин и Фейрклоу.

Через несколько месяцев «Бомарки» ввезли на канадскую территорию.

Канадская глубинка (Атлантические и Степные провинции, сельское Онтарио) осталась вотчиной консерваторов, которые получили все мандаты от Саскачевана, Альберты, Острова Принца Эдуарда и почти все — от Новой Шотландии и Нью-Брансуика. Дифенбейкер и Гамильтон были переизбраны в палату внушительным большинством голосов каждый.

Практически не изменили положения и еще одни внеочередные выборы — 1965 г., объявленные уже Пирсоном. По-прежнему за либералов проголосовали жители крупных и крупнейших городов, а за консерваторов — жители сельской местности. Некогда консервативные Торонто и Ванкувер не направили в парламент ни одного консерватора. В свою очередь либеральная партия добилась успеха только в двух чисто сельских округах из 50. У либералов в итоге оказалось 131 место из 265, у консерваторов — 97. Прочие места поделили кандидаты малых партий.

С тех пор за федеральными консерваторами окончательно закрепилась репутация «партии стариканов и деревенщины». Как образно выражался орган интеллектуальной элиты Онтарио «“Канадиан форум”, состоящая из атлантических и степных динозавров консервативная партия даже приблизительно не отражает мнений Канады XX века». «У консерваторов не хватает мыслящих личностей во фракции, в штаб-квартире, в окружных ассоциациях», — сокрушалась проконсервативная газета «Телеграм».

Лестеру Пирсону было суждено никогда не иметь большинства в парламенте. Судьба его кабинета зависела от тактики двух враждовавших между собой

партий — опиравшейся на промышленные и культурные центры страны Новой демократической партии и выражавших интересы квебекской сельской периферии социал-кредитистов.

В связи с усложнением задач управления страной кабинет при Пирсоне разросся (до 27 человек) и стал трудноуправляемым: кроме обычной борьбы между сторонниками и противниками реформ заметно обострилось соперничество между англоканадцами и франкоканадцами. Кроме того, открылся новый фронт политической борьбы. Впервые в либеральной партии заявили о себе канадские националисты во главе с творцом победы 1963 г., министром финансов Гордоном. Они отвергали космополитизм и технократизм и требовали действенной защиты государственных интересов Канады. Большинство же в высших слоях партии осталось за континенталистами — носителями традиций Кинга и Сен-Лорана.

Внутриправительственная борьба привела к вытеснению Гордона и его союзника Дейви. Первый был переведен на «декоративный» пост министра без портфеля, второй сменил важную должность главного партийного организатора на сенаторство.

Но часть их требований кабинет все же выполнил. Встревоженность канадцев судьбой страны в связи со все возрастающим партнерством со Штатами увеличилась. Парламент законом 1967 г. ограничил участие иностранного капитала в финансах, страховом деле, радио и телевидении 10% акций. Стремившийся к сохранению хороших отношений с Вашингтоном Пирсон тем не менее отказался направить канадский военный контингент в Индокитай.

Правление Пирсона вовсе не было временем «паралича власти», как казалось современникам. Пирсон санкционировал создание правительственной комиссии по проблемам иностранной собственности во главе с

торонтским профессором Мелвиллом Уоткинсом. Негласным руководителем комиссии стал Гордон. Под его влиянием, а также в результате вызывающей тревогу экономической статистики молодой технократ Уоткинс за год стал решительным националистом. Обнародованный в 1968 г. доклад комиссии был выдержан в духе защиты экономического суверенитета Канады.

Правительство Пирсона после утомительных дебатов и обструкций все-таки провело через парламент закон о национальном флаге (что не удалось Кингу, Беннету и Сен-Лорану и чего не хотел делать поклонник британского флага Дифенбейкер).

Во время дебатов было рассмотрено свыше десяти проектов нового знамени. Наконец его основой избрали сине-белый флаг Королевского военного колледжа в Кингстоне. После жарких дискуссий в нижней палате его решили сделать красно-белым и добавить кленовый лист. За такой флаг проголосовали либералы, новые демократы и некоторые консерваторы, против — многие консерваторы и социал-кредитисты. Пятнадцатого февраля 1965 г. красно-белое полотнище с кленовым листом впервые взвилось над Парламентским холмом Оттавы.

После первоначального холодного приема национального флага в Западной Канаде (где клены не растут) полотнище с кленовым листом стало предметом общенациональной гордости. Его изображение стали воспроизводить на почтовых конвертах, пакетах, значках. Молодежь охотно стала нашивать новую эмблему на куртки и джинсы. Флаг появился над многими частными жилищами. Правда, зачастую рядом с ним граждане устанавливали и провинциальный флаг.

Удалось провести давно назревшую реформу, которая оказалась, правда, весьма умеренной, реформу, связанную с деятельностью сената. Кабинет отверг

предложения левых либералов и НДП упразднить верхнюю палату. Но пожизненное сенаторство было заменено увольнением сенаторов по достижении ими 75-летнего возраста. Тем самым верхняя палата была омоложена, ее работоспособность и вклад в законодательный процесс увеличены.

Леводемократические общественные силы поставили вопрос об отмене смертной казни в мирное время. После 1962 г. она уже не применялась. Законопроект о ней палата общин дебатировала несколько лет. Противники смертной казни ссылались на низкий уровень преступности в стране — гораздо меньший на душу населения, чем в США или Японии. Сторонники казни ссылались на необходимость устрашения преступников и предсказывали неминуемый подъем преступности в случае ее отмены.

Билль об отмене казни все же прошел в 1967 г. накануне празднования 100-летней годовщины образования доминиона. Билль содержал две оговорки. Во-первых, он сохранил смертную казнь для лиц, убивших полицейских при исполнении последними служебных обязанностей. Во-вторых, он гласил, что вопрос о казни следует каждые 5 лет ставить на «свободное» (внефракционное) голосование в парламенте, пока парламент не постановит иного. Билль поддержали новые демократы и большинство либералов. Социал-кредитисты, большая часть консерваторов и несколько либералов голосовали против.

Заслугой либералов Пирсона стала демократизация и удешевление медицинской помощи населению. Ранее профилактика и их лечение болезней считались частным делом каждого и были вотчиной частного бизнеса. Закон, существенно увеличивший долю федеральных и провинциальных властей в финансировании здравоохранения, был обещан либералами в 1962 г. и

вошел в силу в 1968-м. Главными причинами затягивания стало сопротивление ассоциаций частных медиков (саскачеванские врачи даже провели в 1964 г. на шумевшие манифестации протеста, перекрыв улицы Реджайны) и возражения многих провинциальных правительств. Врачи противились государственному вмешательству в их отношения с пациентами. А провизии усматривали в реформе нарушение своих прав.

Правительство Квебека вовсе отказалось участвовать в общенациональной программе дешевой медицины и ввело в действие собственную.

Трудное урегулирование проблемы финансирования медицины было лишь одним из затяжных и болезненных федерально-провинциальных конфликтов, неуклонно обострявшихся со времен Сен-Лорана и Дифенбейкера.

Ко второй половине XX в. характер канадского федерализма претерпел кардинальные перемены. Федерация из централизованной стала превращаться в децентрализованную. Утратил силу афоризм времен Макдональда и Картье: «Все провинциальные дела так или иначе делаются в Оттаве». Некогда экономически слабые и политически зависимые от центра провинции, имея собственные законные источники дохода — природные ресурсы, со временем основательно разбогатели на их добыче и продаже.

Провинции усердно расширяли выгодные экономические связи с прилегающими американскими штатами., что никак не шло на пользу единству федерации.

Положения Акта о Британской Северной Америке с его пробелами, недомолвками и отсутствием прямых запретов оказывались на руку провинциальным властям более, нежели Оттаве, которая с 50-х годов XX в. перестала пользоваться правом отмены провинциальных законов. Ей все чаще приходилось отступать под натиском провинций. Уже при Кинге и Сен-Лоране

провинции во главе с Квебеком сорвали несколько попыток центра обновить конституцию.

Между тем провинции активизировались не только внутри федерации, но и за ее границами. Они образовали министерства внешней торговли и, минуя центр и независимо друг от друга, вышли на мировой рынок, где начали заключать торговые и финансовые соглашения с иностранными державами. Вслед за канадскими посольствами в ряде государств — Великобритании, Соединенных Штатах, Франции, Японии, Австралии, Ирландии, Индии — появились экономические агентства канадских провинций. Раньше других это сделали Онтарио и Квебек. Затем с ними по размаху зарубежной активности сравнялись Британская Колумбия и Альберта.

При Пирсоне в федерации ясно обозначились две «болевые точки» — Квебек и западные провинции. Первый добивался расширения полномочий над языком, культурой, иммиграцией и социальной политикой; вторые — передачи под их юрисдикцию всей экономической политики. Выполнить требования всех провинций значило бы превратить Канаду в рыхлое конфедеративное государство с фактически бессильным центром. Идти же на односторонние уступки Квебеку значило поощрять сепаратизм Запада, и наоборот.

Кабинет Пирсона правильно считал главной угрозой квебекский сепаратизм. Чтобы выбить почву из-под ног сепаратистов, премьер-министр разрешил Квебеку не участвовать в общенациональных медицинских и пенсионных программах и образовал королевскую комиссию по вопросам двуязычия. Комиссия рекомендовала использовать французский язык наравне с английским в федеральном госаппарате.

Подобные уступки уже не могли остановить франко-квебекский национализм. Он перестал к этому времени быть сельским и оборонительным. Как раз в 50-60-х

годах в некогда застойном религиозном Квебеке наметились глубокие социальные сдвиги — ускорение урбанизации и снижение роли духовенства. Бурно росла активность национальной буржуазии, интеллигенции и студенчества. Накопившийся у них ранее заряд недовольства и политической нетерпимости не мог быть нейтрализован умеренными преобразованиями.

Провинцию наводнили националистические издания. Самыми знаменитыми из них стали книги пожилого националиста Марселя Шапю «Почему я стал сепаратистом» и молодого Пьера Валье «Белые негры Америки».

При Пирсоне опасно проявился франкоканадский молодежный экстремизм — в виде подпольного Фронта освобождения Квебека. Его боевики вдохновлялись опытом террористов Алжира, Испании, Ольстера. С 1963 г. они распространяли анархо-сепаратистские листовки, похищали оружие и динамит, делали бомбы, которые взрывали в зажиточных англоязычных кварталах и в универсамах Монреаля. Было ранено и покалечено несколько человек. Взлетели на воздух памятники генералу Уолфу и королеве Виктории, затем последовали попытки взорвать армейские вербовочные пункты и военные склады. Борьба с террористами до 1970 г. не дала ощутимых результатов. На место десятков арестованных боевиков вставали все новые и новые.

Традиционный визит британской королевы в Канаду в 1964 г. проходил в напряженной обстановке. Квебекцы встретили главу Канадского государства крайне холодно. Даже конная полиция и армейские броневики не оградили королеву от карикатур и враждебных выкриков на улицах. На торжественном концерте в честь Елизаветы Второй произошел еще один инцидент — франкоканадская певица Полин Жюльен после

исполнения номера, повернувшись к королевской ложе, крикнула: «Да здравствует свободный Квебек!»

Шумный политический скандал разыгрался тремя годами позже во время официального визита еще одного высокопоставленного европейца — президента Пятой республики Шарля де Голля. Десятки тысяч франкоканадцев устроил ему восторженный прием. С балкона монреальской ратуши гость ответил на приветствия так: «Да здравствует Канада! Да здравствует свободный Квебек!» Сторонники сепаратизма встретили последнюю фразу овациями. Пирсон тут же заявил де Голлю протест и предложил ему покинуть страну. Англоканадская печать осудила поведение президента и опубликовала массу насмешливых карикатур на де Голля. Французские СМИ и франкоканадская печать в долгу не остались. Канадо-французские отношения были надолго испорчены.

Квебекское же правительство между тем в пику Оттаве заключило с Францией соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. Нерешенный квебекский вопрос стал подрывать международную репутацию Канады.

Национал-сепаратистские настроения распространялись по «прекрасной провинции». В 60-х годах образовалась светская Квебекская партия, в основном состоявшая из молодежи и интеллектуалов. Она сразу нашла опору в университетах и профсоюзах, образовала фракцию в Национальном собрании. Лидером партии стал гибкий политик, в прошлом радиокомментатор Рене Левек (1921–1987). Численность партии вскоре превысила 200 тыс. человек. Спектр сепаратистских сил расширился, их массовое влияние возросло. В убытке от этого оказались либералы — как квебекские, так и федеральные.

В отличие от Беннета и Сен-Лорана 70-летний Пирсон догадался вовремя уйти. В 1968 г. он сложил

полномочия лидера перед партийным съездом. Его преемником в четвертом туре голосования был избран малоизвестный в партии и стране 48-летний Пьер Трюдо, лишь недавно перешедший к либералам и даже не числившийся в справочниках «Кто есть кто».

К власти пришла уникальная личность. Подобного человека на посту главы правительства Канады не было ни раньше, ни позже.

Глава 5.

Пятнадцатый премьер-министр

Террор в мирной стране. — Октябрьский кризис без Керенского. — Когда правительство зависит от социалистов. — Нефтяные кризисы. Премьеры против премьер-министра. — Кто из соседей ближе? — Вирази внешней политики. — 15 ноября 1976 года. — Противоборство с Квебекской партией. — Выборы, похожие на сказку. — Национальный гимн. — Пятнадцатилетняя конституционная реформа. — Референдумы становятся нормой жизни. — Дождливый полдень в Оттаве. — Попытка остановить афганскую войну.

Трюдо по отцовской линии происходил из квебекских простолюдинов, по материнской — из англо-шотландских предпринимателей. Его далекий предок прибыл в Новую Францию в XVII в. и отличился в боях с ирокезами. Дед премьер-министра был малограмотным фермером-молочником, отец — выпускником Монреальского университета и владельцем доходных домов в Монреале. Мать происходила из состоятельного рода Эллиотов. Состояние семьи оценивалось в 20 млн. долларов.

Трюдо был богаче любого канадского премьер-министра, кроме Беннета, но значительно отличался от последнего. Он получил хорошее образование в иезуитском колледже, затем на юридических факультетах Гарварда и Сорбонны. Студентом в 1941-1942 гг. деятельно участвовал в движении протеста против принудительного призыва в армию. Отбыл военную службу в Канаде, но после войны отказался от

офицерского звания и таким образом порвал все связи с армией. Неприязнь ко всему военному: форме, казарменной дисциплине, военным расходам и т.д. — Трюдо сохранил на всю жизнь.

В молодости Трюдо увлекался анархистскими и марксистскими идеями. Идеино примыкал к социал-демократии, но официально не состоял в ней. Долгое время не имел постоянного рода занятий. Вел адвокатскую практику, преподавал в вузе, был юрисконсультom профсоюзов, телекомментатором, короткое время работал на правительство — одним из советников кабинета Сен-Лорана. Увлекался спортом. Очень много путешествовал, объездил более половины земного шара. Проявлял интерес к странам социализма. В 1952 г. побывал в нашей стране, в 1960-м — в КНР, в 1961 г. совершил поездку на Кубу.

В Советском Союзе Трюдо отметил отсутствие безработицы, порядок на улицах, запуганность и приниженность рядовых граждан, чопорность чиновников, идеологическую вражду к Штатам в сочетании с подражанием американским лимузинам и небоскрегам. У Трюдо рябило в глазах от изобилия военной и полувоенной формы, которую носили демобилизованные, железнодорожники, дипломаты, прокуроры. Канадца поразило отсутствие молодежи в переполненных храмах. Его возмутили официальное забвение Достоевского, Бакунина и Кропоткина и демонстрация на советских экранах безыдейных импортных кинолент — американских и индийских.

В канадской прессе Трюдо написал, что в СССР, «народ которого героически отразил нацистское нашествие», он увидел государственный капитализм и диктатуру. О Сталине он пророчески изрек: «Его будут помнить долго, и не только как руководителя войны против Германии».

В течение 15 лет (1951–1966) Трюдо был одним из редакторов, финансистов и авторов единственного в тогдашнем Квебеке радикального журнала «Сите либр», который последовательно отстаивал демократические и интернационалистские ценности.

В 1963 г. Трюдо был среди тех, кто гневно осудил действия американского правительства и либералов Пирсона в связи с ввозом «Бомарков». «Глубоко сожалею о свержении канадского правительства с помощью американцев», — писал он в «Сите либр». Тем не менее двумя годами позже Пирсон привлек в партию Трюдо и ряд его единомышленников и затем доверил им правительственные посты, потому что «сителибристы» были последовательными федералистами, а федералистов-франкоканадцев в рядах правящей партии не хватало.

Избирательная кампания 1968 г. больше походила на коронацию Трюдо. Новый премьер-министр оказался великолепным оратором с хорошо поставленным голосом и чистым и внятным произношением. Он не читал речей по шпаргалкам. Он прекрасно выглядел на телеэкране, умело пользовался спортивным автомобилем и мотоциклом, которыми сам же и управлял. Он отказался от формализованных предвыборных митингов и встречался с избирателями в непринужденной обстановке — в универсамах, в закусочных, на пляжах. Он не призывал голосовать, а обсуждал с избирателями проблемы страны. Все это было свежо, неожиданно и придавало кампании либералов демократизм и колорит. Лидеры прочих партий на фоне Трюдо казались выходцами из XIX в.

Канадцев охватило увлечение личностью Трюдо — «трюдомания». По телеканалам она проникла в пограничные американские штаты и даже на Британские острова.

Публике врезалась в память смелость Трюдо во время беспорядков в Монреале, устроенных национал-сепаратистами в день Иоанна Крестителя в присутствии политической элиты — премьер-министра, провинциального премьера, мэра города, а также архиепископа. Праздник транслировался в прямом эфире. Около тысячи молодых экстремистов атаковали трибуну и с криками «Трюдо на галеры!» забросало ее бутылками, кусками дерева и гвоздями. Раздавался вой полицейских сирен, звон стекла и рев толпы. Вся страна видела, что из всех находившихся на трибуне только Трюдо не подался назад и не пытался уйти. Когда его пытались увести охранники, премьер-министр оттолкнул их и внятно произнес: «Я обязан остаться». Итог беспорядков — 134 раненых и 300 арестованных.

На состоявшихся днем позже всеобщих выборах либеральная партия без труда завоевала большинство депутатских мест, победив в Онтарио, Квебеке и Британской Колумбии.

Трюдо образовал кабинет, в котором были хорошо сбалансированы интересы правых и левых либералов, а также англоканадцев, франкоканадцев и этнических меньшинств. В правительстве соседствовали опытные администраторы — ветераны правительства Пирсона и недавно избранные в парламент молодые деятели — носители свежих идей. Среди министров были связанные с большим бизнесом Эрик Киранс, Джеймс Ричардсон и Поль Хеллиер, бывший крупный чиновник Митчелл Шарп, бывшие профсоюзные активисты, популярные среди рабочего класса Жан Маршан и Брайс Мэкеси, бывший активист студенческого движения Жан Гойе, юристы Лео Кадье, Дональд Макдональд, Жан Кретьен и Джон Тернер, бывшие университетские преподаватели Аллан Макекен, Жан-Люк Пепэн и Ллойд Эксуорти, бывшие работники СМИ Иона Кампаньоло и

Жанна Совэ, выходцы из фермерства Марк Лалонд, Юджин Уэлан и Даниэль Макдональд.

Большую роль в государственном управлении при Трюдо играла группа прогрессивных торонтских интеллектуалов — закулисных советников премьер-министра. Среди них выделялись бывший активист молодежного движения Джеймс Кутс и математик Майкл Кирби. Правительство Трюдо предприняло крупномасштабные политические инициативы сразу по нескольким направлениям.

Трюдо и его соратники стали продолжателями дела Картье и Бурассы. Они рассматривали положение и перспективы франкоканадцев не в узкопровинциальном (как Кинг, Дюплесси и др.), а в общегосударственном разрезе. Были настроены решительно против и суверенизации Квебека, и его особого статуса. Национал-сепаратистским идеям было противопоставлено развитие франкоканадцев наравне с другими в рамках сильной и процветающей федерации. На боевые призывы сепаратистов Левека «Да здравствует свободный Квебек» и «Стать хозяевами в квебекском доме» премьер-министр отвечал: «Наш дом — вся Канада» и «Изолируясь в крепости, мы проигрываем».

Трюдо сразу после прихода к власти стал проводить в жизнь политику двуязычия, рекомендованную Пирсону королевской комиссией в 1967 г. Закон 1969 г. об официальных языках провозгласил равенство английского и французского языков во всех сферах федеральной юрисдикции. Все граждане страны получили право обращаться в федеральные учреждения на любом из двух языков. Отныне при поступлении на федеральную службу полагалось знать оба языка. Чиновникам, владевшим двумя языками, вводилась 7-процентная прибавка к окладам. Непомерно низкая доля франкоканадцев в госаппарате приводилась в

соответствие с их долей в численности всего населения. Внедрялись двуязычные торговые марки, дорожные указатели, вывески, вводились квоты на франкоязычные радио- и телепередачи.

Либералы внедряли двуязычие на огромной территории от Новой Шотландии до Альберты, почти не считаясь с особенностями местных условий и с национальными чувствами англоканадцев и используя нажим на провинциальные и муниципальные власти. Они охотно продвигали по службе двуязычных (иногда некомпетентных) чиновников в ущерб одноязычным (более компетентным). Ради повышения доли франкоканадцев штаты многих федеральных учреждений откровенно раздувались.

Ответом стала немедленная реакция англоканадского большинства. Правительство на 95% англоязычной Альберты жаловалось, что навязанные центром франкоязычные телепередачи почти никто не смотрит. А правительство тихоокеанской Британской Колумбии отказалось взаимодействовать с гражданами на двух языках из-за отсутствия франкоязычных кадров.

В Верховный суд Канады поступило несколько исков об антиконституционности двуязычия. Несмотря на противодействие министерства юстиции, суд принял один из исков к рассмотрению. Его ответ последовал только в 1973 г. — политика двуязычия была признана конституционной. Всецело поддержал языковую реформу только Нью-Брансуик, где 40% населения франкоязычно. Да еще Новая Шотландия провинциальным законом закрепила право граждан на получение образования на двух официальных языках. Противодействие привело к тому, что Трюдо с еще большим упорством реализовывал двуязычие на федеральном уровне.

Доля франкоканадцев на высших политических и административных постах стала высокой как никогда

ранее. Им были доверены посты спикеров обеих палат парламента, руководителей многих госкорпораций, генерального штаба и органов безопасности; франкоканадцев стали назначать на посты заместителей министров и послов, чего ранее почти не было.

Трюдо нарушил традицию не допускать франкоканадцев до ключевых экономических министерских портфелей. Впервые политику-франкоканадцу (Пепэну) было доверено Министерство промышленности и торговли. Во главе только что созданного и быстро набравшего очки Министерства регионального экономического развития был поставлен другой франкоканадец — Маршан. Впервые франкоканадец (Кадье) стал министром национальной обороны.

Как мы уже сказали, языковая реформа сопровождалась сопротивлением старого англоязычного чиновничества, бурной полемикой в печати и в парламенте и ухудшением федерально-провинциальных отношений. Шла она медленно. Ее издержки были видны невооруженным глазом. А положительные ее плоды стали ощущаться только в 80–90-х годах.

Впервые закон определил, какие языки многоэтнической страны являются официальными, и зафиксировал их равный статус в госуправлении, госпредпринимательстве, вооруженных силах, школьном обучении. Впервые во всей Северной Америке французский язык был уравнен в правах с господствующим английским. Закладывались предпосылки сглаживания фактического неравноправия франкоканадцев.

Доля франкоканадцев на госслужбе к концу XX в. возросла с прежних 11–12 до 29–30%, сравнявшись с их долей в общей численности населения. Принимая указанные меры Канада опиралась на опыт СССР и

Индии и оказалась впереди многих двунациональных и многонациональных государств — Бельгии, Испании, Югославии, Малайзии.

Языковую реформу Трюдо подкрепил активной политикой региональной помощи. Лучше всех своих предшественников он понимал, что характерные для Квебека проблемы экономического застоя невозможно решить без прямой помощи Оттавы. Созданное Трюдо Министерство регионального развития получило большой штат сотрудников и крупные ассигнования, большую часть которых оно до 1972 г. направляло почти исключительно в Квебек, благо главой МРЭР был сделан франкоканадец Жан Маршан. Бюджет министерства (около 1 млрд. долларов) никогда не подвергался замораживанию.

Серьезная федеральная экономическая помощь «прекрасной провинции» вызвала понятное раздражение в англоязычной Канаде, но в Квебеке она помогла трудоустроить десятки тысяч безработных и временно остановить подъем сепаратизма. Это вскрылось во время бурных событий 1970 т., прозванных «октябрьским кризисом». Тогдашний всплеск политических страстей надолго запомнился канадцам.

Фронт освобождения Квебека от взрывов перешел к похищениям. Пятого октября 1970 г. несколько человек в масках и с автоматами среди бела дня выкрали английского торгового атташе в Монреале и объявили его «заложником революции». В обмен на его жизнь террористы требовали освободить ранее арестованных боевиков, передать по СМИ манифест Фронта и в качестве выкупа заплатить полмиллиона золотом. Когда городские и провинциальные власти отказались выполнить их требования, был похищен заместитель квебекского премьера Пьер Лапорт. Листовки Фронта призывали свергнуть «власть монополий» и осуществить право на самоопределение.

Действия неуловимых террористов на улицах монреальского мегаполиса ошеломили страну. Службы безопасности советовали крупным предпринимателям покинуть город. После тщетных поисков заложников и похитителей монреальский муниципалитет и провинциальное правительство обратились к Оттаве с просьбой о вмешательстве. Полиция уверяла, что у боевиков должно быть много взрывчатки. Необычайно активизировались вожди Квебекской партии. Они предложили себя в качестве посредников на переговорах с террористами, но потребовали министерских портфелей. В довершение всего 3 тыс. монреальских студентов провели демонстрацию солидарности с Фронтом, поддержав цели его борьбы, но не методы.

Крупный капитал и правящие круги США требовали от Канады принять радикальные контрмеры. Ту же позицию заняли провинциальные премьеры. Премьер Онтарио публично объявил в Торонто: «Нам объявлена тотальная война. Не уступать, а бороться!» Настаивали на применении силы органы безопасности — Королевская конная полиция и квебекская «Сюртэ». С ними солидаризировались многие федеральные политики — Лалонд, Маршан, Ричардсон, Тернер. Армейское командование по указанию премьер-министра стало стягивать войска к долине Святого Лаврентия и готовилось приступить к реализации плана «Эссе» — подавления массовых городских беспорядков.

Шестнадцатого октября правительство ввело Закон о мерах военного времени, отменив на неопределенное время конституционные гарантии. Трюдо в телеобращении к канадцам сообщил об угрозе мятежа и государственного переворота. В таком положении, подчеркнул он, слабость недопустима, иначе его кабинет разделит участь правительства Керенского в России 1917 г.

Военные перекрыли автострады и вступили в Монреаль, Квебек-Сити и Оттаву. На перекрестках появились бронемашины, проволочные заграждения, снайперы в масках. На одно из предместий Монреаля армия высадила вертолетный десант. Под прикрытием 12 тыс. солдат полиция занялась массовыми обысками и задержаниями. На остальной территории страны армия демонстративно занялась маневрами.

За несколько дней было обыскано около 3 тыс. жилищ и заключено под стражу примерно 500 человек — главным образом франкоязычных интеллектуалов и студентов. Впрочем, под горячую руку попали и несколько украинских националистов. Многих в буквальном смысле слова волокли по улицам в наручниках. Задержанным не предъявляли обвинения по статье закона и не позволяли связаться с адвокатом.

В занятом войсками Монреале были запрещены все митинги и демонстрации. На стенах многих зданий кто-то по ночам делал надписи огромными буквами: «Квебекская партия — это Фронт». Лидеры партии собирались перейти на нелегальное положение, тем более что у многих из них не было депутатской неприкосновенности.

Каверзные вопросы репортеров о причинах нарушения в мирное время прав и свобод выводили премьер-министра из себя. Интервью премьер-министра стали напоминать ожесточенные фехтовальные поединки — или свары на коммунальной кухне:

— Сэр, что значат все эти вооруженные граждане вокруг?

— А вы не знаете?

— Знаю, но зачем вы их вызвали?

— Что вас беспокоит?

— Я не беспокоюсь. Обеспокоены вы.

— Ну уж если вы не беспокоитесь, то я тем более.

— Тревожно находиться в городе, кишасщем солдатами.

— Почему это? Они вам что-то сделали? Толкнули или что? Тут полно переживающих, вот что я вам скажу. Переживайте на здоровье, а мне доверьте поддерживать правопорядок.

— Но как далеко вы намерены пойти в ограничении гражданских свобод?

— Смотрите и увидите.

На карательные меры боевики ответили убийством Лапорта. Они задушили его цепочкой медальона. Мертвое тело подбросили на автостоянку.

Канада свыше ста лет не знала политических убийств. Теперь репрессии властей стали казаться населению оправданными и неизбежными. Трюдо в новом телеобращении с холодным гневом заклеил террористов, ни во что не ставящих человеческую жизнь и законность.

Убийцы жестоко просчитались. Даже сепаратистски настроенная часть квебекцев, сначала солидаризовавшаяся с идеями боевиков, отшатнулась от них. Опросы общественно мнения показали, что поддержка федеральных властей возросла до невиданно высокого уровня — 87%.

Остатки Фронта, оказавшиеся в полной изоляции и преследуемые по пятам, были вынуждены освободить дипломата в обмен на право немедленно покинуть страну. (Их согласилось принять кубинское правительство.) Ранее арестованные сообщники были приговорены к длительным срокам заключения. Почти все взятые под стражу в дни «октябрьского кризиса» через 4–5 месяцев были освобождены ввиду отсутствия улик.

Решительное вмешательство Оттавы во внутриквебекские политические события оказало серьезное влияние на дальнейшую судьбу провинции и

страны. Самые опасные враги законности, демократии и федерализма — анархо-террористы получили жестокий удар, утратили симпатии общества и сошли со сцены. Умеренные сепаратисты Рене Левека смягчили требования о суверенизации и обязались действовать только в рамках законности. Начинаящий государственный деятель Трюдо за несколько недель обрел репутацию маститого руководителя крупного калибра. Его популярность перешагнула этнические, религиозные и классовые рамки.

В борьбе с террором Трюдо проявил себя решительным и последовательным защитником статус-кво. А ведь он шел к власти в качестве реформатора. Он и его сторонники планировали целый ряд преобразований, выполнение которых должно было превратить Канаду в «справедливое общество».

Правительство Трюдо снизило возрастной ценз на выборах с 21 до 18 лет, что устранило последние пережитки цензового избирательного права и увеличило избирательный корпус страны сразу на 20%.

Трюдо продолжил демократизацию партии, начатую Пирсоном. Партийные съезды стали проводиться раз в два-три года, а не в 10-20 лет, как ранее. Были введены тайное голосование по всем вопросам и отчетность лидера перед делегатами съезда. Штаб-квартира либералов призывала местные отделения партии выдвигать молодежь и женщин. В полной мере оно стало осуществляться в 80-90-х годах.

При Трюдо впервые в истории канадского либерализма председателем партии была избрана женщина — интеллектуалка из Британской Колумбии Иона Кампаньоло. Он же впоследствии назначил Жанну Совэ первой в канадской истории генерал-губернаторшей. В правительстве Трюдо одно время насчитывалось три министра-женщины (при Дифенбейкере и Пирсоне — только по одной).

Хорошо понимая механизмы развития современной политической демократии, Трюдо способствовал активизации диалога правительства с партийной фракцией, общественностью и парламентской оппозицией. Депутатов-либералов кабинет начал заранее извещать о содержании всех законопроектов. Правительство ввело в 1969 г. выплаты всем парламентским партиям на «исследовательские цели».

В 1977 г. после основательной политической и технической подготовки большая часть ежедневных парламентских дебатов начала транслироваться по телевидению, что заметно приблизило парламент к народу, а также укрепило дисциплину среди депутатов.

Следуя по стопам Кеннеди, Трюдо и его соратники учредили при правительстве около 50 проблемно-исследовательских групп, в которых по контрактам работали молодые интеллектуалы, в том числе университетские преподаватели, аспиранты и даже студенты, которые должны были подавать предложения и рекомендации по любым вопросам. Значительная их часть в дальнейшем поступила на государственную службу, влив свежую кровь в застойный и консервативный федеральный госаппарат.

Трюдо завершил задуманную Пирсоном правительственную реформу. В федеральном правительстве он учредил внутренний кабинет из нескольких ведущих министров, решающих ключевые проблемы. Прочие министры образовали внешний кабинет, обсуждающий и решающий прочие вопросы. Внутри правительства были созданы отраслевые комитеты, главными из которых стали три — правовой, социальный и внешнеполитический.

Реформа позволила перераспределить время обсуждения фундаментальных и текущих проблем в пользу первых. Удалось сократить количество общих заседаний правительства с трех до одного в неделю.

Министры стали больше работать в министерствах и комитетах, а на заседания правительства отныне выносились только самое главное.

Одновременно секретариат премьер-министра установил строгий контроль над работой министерств. Министры перестали быть «региональными баронами». Внутривластьственная дисциплина, расшатанная при Пирсоне, была укреплена. Премьер-министр и его окружение больше времени стали уделять долгосрочному планированию. В 70-х годах секретариат Трюдо прогнозировал развитие Канады и планировал действия федеральной власти на период до начала XXI века!

Как обычно, нововведениям препятствовало чиновничество. Канадских чиновников, в отличие от американских, можно было сместить только за правонарушение или по возрасту. Поэтому до середины XX в. высшие чиновники были даже более влиятельными персонами, чем частоменявшиеся министры. Это благоприятствовало увеличению аппаратной рутины и медлительности в духе Кинга и Сен-Лорана и не помогало правительственным инициативам.

Трюдо стал первым канадским премьер-министром, менявшим и перемещавшим высших федеральных чиновников, начиная с могущественных заместителей министров. Он целенаправленно пополнял ряды, ослабляя замкнутость и заскорузлость кадрового чиновничества, назначенцами из университетских кругов.

В рамках программы «справедливого общества» либералы провели налоговую реформу, уменьшив налогообложение граждан с низкими доходами и предприятий обрабатывающей промышленности и несколько повысив ставки с прочих групп населения. Отменены были многие налоговые льготы бизнеса, введенные Мейгеном, Кингом и Сен-Лораном. В

выигрыше оказалось Южное Онтарио, в котором среди городского населения было больше, чем во всей стране в среднем, низкооплачиваемых. Недовольными оказались зажиточные слои и особенно предприниматели добывающего сектора Канадского Запада. Руководство Ассоциации канадских промышленников сравнивало положение бизнесменов с «христианскими мучениками, которых отдавали на съедение львам». Против реформы выступали многие провинциальные правительства и часть газет во главе с «Глоб энд мейл».

Противники реформы образовали Национальную гражданскую коалицию во главе со страховым агентом Колином Брауном. Она объявила Трюдо социалистом, а его правительство антинародным.

В коалицию вступило около 50 тыс. человек, и она быстро стала важным центром политической консолидации правых сил англоязычной Канады.

Ничуть не легче оказалось реализовать другую социальную реформу — Акт о страховании безработных (1971). Против него решительно выступила консервативная партия, все предпринимательские ассоциации, фешенебельные клубы Оттавы и Торонто, часть депутатов-либералов: Акт существенно увеличил размеры пособий и облегчил условия их получения. Впервые были узаконены пособия заболевшим работникам. Акт превратил Канаду лет на пятнадцать в страну с самым общедоступным страхованием безработных. Инициатору законопроекта — министру труда Брайсу Мэкеси, выходцу из рабочего класса — понадобилась вся его сила воли, чтобы провести законопроект через парламент.

Серьезное сопротивление вызвали новшества пятнадцатого премьер-министра Канады в сфере внешней политики. Кабинет Трюдо ограничил сотрудничество Канады с НАТО и на три года заморозил военные расходы, что в условиях нараставшей инфляции

было равносильно их снижению. Численность канадских войск в Европе уменьшили вдвое. На 20% была урезана численность вооруженных сил, и задача перед ними была поставлена сугубо оборонительная — охрана канадского суверенитета в Арктике. Сокращен был канадский флот — Трюдо приказал продать на слом вполне еще годный к службе авианосец «Бонавентюр», а заменять его не стал, ссылаясь на отсутствие средств. Было упразднено министерство оборонной промышленности.

В 1972 г. правительство добилось удаления из страны американских «Бомарков». С тех пор Канада считается безъядерной страной.

Министра национальной обороны Кадье, упорно противившегося переменам, Трюдо заменил пацифистски настроенным Макдональдом.

Во внешней политике Оттавы прибавилось самостоятельности и смелости. Страна выбилась из общей шеренги держав НАТО, реже стала оглядываться на Вашингтон. Трюдо был одновременно вдохновителем и творцом этих процессов. В поисках противовесов непомерно возросшему влиянию США Трюдо и его главный внешнеполитический советник Айвен Хед сделали вывод о необходимости развития отношений с СССР. Хед с благословения премьер-министра выдвинул идею «зоны мира от Мексиканского залива через полюс до Гиндукуша». Он не без оснований отмечал, что ее реализация помогла бы оздоровить весь международный климат. В вашингтонском журнале «Форин афферс» Хед писал: «Южный сосед Канады — наш друг; необходимо, чтобы наш северный сосед тоже стал нашим другом». Впервые канадские руководители не таясь, а открыто и подчеркнуто называли нашу страну не противостоявшей Западу державой, а соседом и вероятным партнером. Так Канада отказывалась от пережитков и обид холодной войны.

В анналы отношений Канады и нашей страны вошел обмен официальными визитами Трюдо и Косыгина в 1971 г. За 12 дней канадский премьер-министр провел серьезные переговоры с Брежневым в Москве и побывал на Украине, в Ленинграде, на Европейском Севере и в Сибири. Трюдо был первым западным лидером, допущенным в закрытые районы Советского Союза — на Кольский полуостров и в Норильск. Он и его жена Маргарет оценили приветливость и юмор Брежнева, но вместе с тем ощутили в советском лидере что-то бездушное и бесчеловечное (из воспоминаний Маргарет Трюдо, опубликованных при жизни Брежнева). Серьезного государственного деятеля Трюдо почувствовал только в Косыгине.

На одном из торжественных приемов Трюдо заметил: «Мало кому теперь известно, кто правил Сицилией при Архимеде и кто был английским премьер-министром во времена Ньютона. Интересно, каких личностей нашей эпохи вспомнят потомки?» — и сам ответил: «Возможно, интеллектуалов, ученых». В государстве с официальным культом лиц физического труда («рабочих и крестьян») и чиновников («ответственных работников»), где ругать интеллигенцию считалось хорошим тоном, подобные слова прозвучали афронтом.

Вряд ли премьер-министр Канады рассчитывал тонким намеком пробить толстую броню однопартийной диктатуры. Он лишь напомнил таким образом, что не считает антиинтеллектуальность хорошим качеством. Заодно Трюдо выбрал и Штаты. На пресс-конференции в Москве он сообщил репортерам: «В результате подавляющего влияния США у нас, канадцев, выросло осознание угрозы нашей самобытности — культурной, экономической и военной». Заявление сразу получило широчайшую огласку и попало под огонь критики. Канадские политики никогда ранее не делали подобных заявлений, тем более — на территории СССР. Канадо-

американские разногласия давно уже регулировались келейно — в порядке «тихой дипломатии», основы которой заложили Лорье и Кинг. Трюдо порвал с этой традицией.

Многие обозреватели обвинили премьер-министра в неопытности, тщеславии и недопустимых симпатиях к России. Крайне правые привычно разоблачали очередной «большевистский заговор». И почти никто не увидел в заявлении Трюдо призыв к открытому обсуждению назревших проблем вопреки требованиям военно-блоковой политики.

Плодами визита были канадо-советский протокол о дружбе и консультациях и позднейшие соглашения о сотрудничестве.

Ответом стал визит Косыгина в Канаду, во время которого Трюдо проявил себя не только в роли политика.

Десятки тысяч канадцев наблюдали по телевидению, как после официальных переговоров на Парламентском холме два премьер-министра направились к гостинице «Шато-Лорье». Охрана отстала на несколько шагов. Неожиданно прямо на спину Косыгина прыгнул неизвестный с ножом. Через секунду Трюдо рванул покушавшегося к себе и жестоким ударом направил его прямо в руки охранников. Из рук скорчившегося от боли неизвестного вырвали нож. Нападавший был эмигрантом из Венгрии — он мстил за подавление венгерской революции 1956 г. Суд позже приговорил его к восьми годам тюрьмы.

В «Шато-Лорье» работники советского посольства уже писали официальный протест. Но в гостиницу явился Трюдо. Он принес извинения по всей форме, сообщил об увольнении начальника охраны и дал гарантии против повторения подобного. Протеста не последовало, и поездка продолжилась. Огромное большинство канадцев осудило покушение — террор Фронта освобождения Квебека еще не стал историей.

Общее мнение выразила столичная газета «Оттава ситизен»: «Как бы мы ни относились к России, премьер Косыгин — наш гость, а нападать на гостя нельзя».

Когда через несколько дней два премьер-министра появились на стадионе в Ванкувере, десятки тысяч зрителей стоя приветствовали их. Правда, практические последствия визитов оказались скромными.

Переговоры о сотрудничестве в Арктике зашли в тупик из-за соображений секретности — военные круги и службы безопасности обеих стран выступали решительно против допуска иностранцев в районы, буквально наспигованные радарными линиями и ракетными базами.

Переговоры о совместной разработке советских топливных ресурсов буксовали добрых 20 лет по сходным причинам. Предложенные Трюдо кредиты большей частью остались невостребованными СССР.

Упорные попытки Оттавы заинтересовать СССР сотрудничеством с национальным капиталом (а не с канадскими филиалами ТНК) закончились провалом из-за гигантомании советских чиновников.

Хотя СССР нуждался в канадской «северной» технике — снегоходах, грузовых гусеничных амфибиях, самолетах с укороченным разбегом, он покупал их редко и в ничтожных количествах, дабы не попасть в зависимость от «империалистов».

Пожалуй, оживление отношений произошло только в двух сферах. Во-первых, к удовольствию канадских фермеров и транспортного бизнеса, возрос экспорт канадского зерна в СССР. Во-вторых, в 1972 г. состоялась серия канадо-советских хоккейных матчей. Она имела грандиозный коммерческий и зрительский успех. Игры были бурными, напряженными и по-настоящему красивыми. Канадская публика, уверенная в легком успехе Национальной хоккейной лиги, была ошеломлена великолепной игрой наших хоккеистов.

В общей сложности канадцы выиграли пять встреч из девяти и стали победителями. Однако они уступили в соотношении шайб, забив 31 и пропустив 32. Победа в последнем состязании была достигнута игроками НХЛ всего за 34 секунды до окончания игры.

Советским зрителям кроме превосходной игры наших и канадских спортсменов запомнилось зрелищное, напоминавшее театральное действие поведение стройного, безупречно одетого канадского тренера Гарри Синдена.

Хоккейные баталии происходили во время предвыборной кампании 1972 г. Либералы, опьяненные «трудоуманием», были уверены в новой победе и вело кампанию вполсилы. Предвыборные листовки и брошюры партии были словно составлены так, будто государство было однопартийным. Они были откровенно самодовольными и гласили: «Выборы дают возможность поразмыслить о себе, о прогрессе, о будущем... мы приглашаем канадцев поразмыслить о стране как о едином целом».

Подобные академические рассуждения позволили прочим партиям обвинить либералов в оторванности от насущных забот и тревог общества — инфляции, безработицы, коммунальных проблем, загрязнения природы и др. «Либералы перестали быть справедливыми и отзывчивыми, — писала газета «Виннипег фри пресс». — Они превратились в партию технократов, правящих божьей милостью».

Оппозиционные силы — консерваторы и новые демократы — сполна воспользовались непопулярностью двузычия и «власти франкоканадцев» в Оттаве, а также ростом безработицы.

Выборы 1972 г. лишили кабинет Трюдо парламентского большинства. Партия проиграла в восьми провинциях из десяти. Либералы сохранили в палате общин 109 мест против 156 у прочих партий.

Провалились почти все их кандидаты в западных провинциях.

Шок от исхода выборов длился около недели. Какая партия и под чьим руководством станет управлять страной, никому не было понятно. На Торонтской и Монреальской биржах чувствовалось замешательство. На Нью-Йоркской бирже курс канадских акций снизился. В правящей партии вспыхнула «подковерная», напряженная борьба между правыми, левыми, англоканадцами и франкоканадцами, возлагавшими друг на друга ответственность за провал. Правые обозреватели пророчили уход Трюдо и распад либералов на враждующие группы. Консерваторы, получившие всего на два места меньше либералов, требовали отставки кабинета без новых выборов.

Однако премьер-министр отверг предложения правых либералов уйти в отставку и пошел по стопам Кинга — он добился понимания с новыми демократами и остался у власти. Закулисные переговоры с НДП искусно провел левый либерал министр здравоохранения Аллан Макекен, который в молодости (как и Трюдо) примыкал к социалистам. Либералы при этом ловко сыграли на невозможности блокирования новых демократов с консерваторами, предававшими анафеме реформизм НДП.

За несколько недель была образована неофициальная двухпартийная коалиция, немедленно получившая массу насмешливых прозвищ. Одни обозреватели именовали ее «сожителем с НДП», другие — «либерально-социалистическим правительством», третьи — «правлением по доверенности».

Осаждавшим его репортерам премьер-министр советовал изучать опыт Наполеона под Аустерлицем, когда французы перед лицом превосходящих вражеских сил предприняли обманный маневр — отступление ради

последующей победы. На вопрос «Как далеко вы отступите?» глава кабинета меньшинства туманно ответил: «А я только начал».

Премьер-министр вернул на пост национального организатора партии опытного стратега Дейви. Решение далось ему с трудом — ведь двумя годами раньше Дейви нарушил партийную дисциплину и голосовал в сенате против Закона о мерах военного времени. Его не любили западноканадские либералы. Но решение оказалось верным — общительный и энергичный сенатор обладал многочисленными связями в Торонто, которых не хватало монреальцу Трюдо. А главное — он был искусным стратегом, собаку съевшим на предвыборных кампаниях.

По совету Дейви и его друга Кутса кабинет, уступая требованиям разных слоев и групп избирателей, взял курс на увеличение федеральных расходов. Временно были отменены все ограничения на финансирование пособий безработным. Почти втрое увеличены пособия семьям. Для пенсий была предусмотрена ежеквартальная поправка на инфляцию, и с этого времени канадские пенсионеры были надежно защищены от роста цен и квартплаты. Около миллиона низкооплачиваемых канадцев либералы полностью освободили от федеральных налогов. Подоходный налог со всех остальных был снижен.

В связи с ростом инфляции кабинет ввел временный контроль над ценами на самые массовые продукты питания — хлеб, молоко, яйца и бекон. Замораживание цен формально было добровольным, но предпринимателям, подчинявшимся ему, теперь полагались правительственные субсидии.

Правительство серьезно взялось за борьбу с безработицей, и за год работу получило более половины официально зарегистрированных безработных — около

полумиллиона человек. Таких темпов трудоустройства страна не знала никогда ранее.

Более демократичной стала федеральная жилищная политика. Кабинет ограничил размеры арендной платы в федеральном жилом фонде и стал кредитовать жильцов с низкими доходами. Масштабы федерального жилищного строительства были увеличены в пять раз. Ускорились расчистка трущоб в Монреале, Квебеке, Торонто, Галифаксе. По размаху строительства недорогого (по западным понятиям) жилья Канада впервые превзошла Штаты с их гораздо большим человеческим и промышленным потенциалом. Это остановило рост цен на жилье в частном секторе.

Либералам помогал экономический подъем. Быстро росли капиталовложения, прибыли, массовый спрос, экспорт. Улучшались условия жизни почти всех групп населения.

Рекламируя свои достижения, кабинет меньшинства торжествующе заявлял: «Никто не проигрывает — все выигрывают».

Разумеется, подобная политика могла быть только дорогой. Последовал настоящий взрыв федеральных расходов — на 20–25% ежегодно. Кабинет заметно повысил налоги с высокооплачиваемых и с предпринимателей, но и этого не хватало — ассигнования на социальные нужды росли слишком бурно. Вместе с ними быстро увеличивался бюджетный дефицит. Одновременно с демократическими реформами правительство Трюдо усилило защиту государственных интересов и самостоятельности Канады в сотрудничестве с США.

Необходимость таких шагов Трюдо в общей форме начал осознавать еще в молодости, когда он не занимал официальных постов. Уже на страницах «Сите либр» он обращался к теме зависимости страны от южного соседа. Он уже тогда был встревожен исходившей из-за

49-й параллели угрозой канадскому суверенитету и советовал взять под контроль наплыв американского капитала. Но одновременно он был и космополитом-интернационалистом. В том же «Сите либр» он писал: «Откройте границы! От удушья народы гибнут!»

Став премьер-министром, Трюдо воздерживался от мер, которые могли бы показаться проамериканскими. Он знал о судьбе патриота Уолтера Гордона, который подвергся травле в парламенте и печати, остался без поддержки Пирсона и лишился власти. Врезалось ему в память и падение, казалось бы, неукротимого Дифенбейкера. Да и сам Трюдо получил урок. Когда в 1970 г. его правительство запретило продажу урановых рудников «Денисон» американцам, рассерженный срывом выгодной сделки владелец рудников миллионер Стивен Роман подал на премьер-министра в суд. Правда, суд вынес приговор в пользу главы правительства.

На рубеже 60-х и 70-х годов Трюдо ограничивался публичными сравнениями США со слоном, с которым Канада вынуждена делить одно ложе, и оптимистическим выводами-намеками: «Человек не может быть больше или сильнее слона, но у человека есть таланты, которых у слона нет».

Теперь же федеральное правительство перешло к активным и широким действиям. Толчком к ним стал известный энергокризис 70-х годов.

Казавшийся на первый взгляд шатким кабинет меньшинства не был захвачен врасплох в дни драматического скачка мировых цен на нефть и газ (1973). Канадские правительственные аналитики предсказали кризис за четыре месяца до его начала. Правительство ввело контроль над нефтяными и отвергло требования Вашингтона увеличить экспорт нефти и газа в США. Экспортные цены при этом были сильно увеличены, а внутренние — заморожены. Затем была образована государственная энергетическая

корпорация «Петро-Канада». Канадские потребители и обрабатывающая промышленность были ограждены от огромных дополнительных затрат на горючее, отопление и жилье.

Впервые со времен «национальной политики» Оттава приняла кардинальные экономические решения, шедшие вразрез с интересами транснационального капитала и потребностями Соединенных Штатов. Собственно говоря, из энергокризиса Канада благодаря гибкой и хорошо продуманной правительственной политике извлекла выгоды. Ее влияние на мировом энергетическом рынке и в мировой политике увеличилось.

Внутри федерации кабинет у Трюдо пришлось столкнуться с эгоистическими действиями нефтегазовых провинций — Альберты и Саскачевана. Их необычайно возросшую нефтеренту Оттава обложила пошлиной, размеры которой неуклонно увеличивала. Эдмонтон и Реджайна пригрозили сокращением вывоза топлива в Центр и на Восток страны и пообещали обжаловать действия центра в Верховном суде. В Альберте даже родилось выражение «Пусть восточные бастарды померзнут в темноте». Оно всецело отражало настроения нефтебизнеса, местных парламентов и значительной части населения. Ничуть не меньшим было ответное возмущение жителей густонаселенной Центральной и Восточной Канады. Премьеров Альберты и Саскачевана Питера Лоухида и Аллана Блейкни стали сравнивать с коварными и корыстными ближневосточными шейхами.

Трюдо и его министры сумели достичь компромисса. Они согласились повышать внутренние нефтесборы не реже раза в год, но медленнее, чем на мировом рынке. Часть нефтяной пошлины Оттава стала передавать провинциям на нужды их обрабатывающей промышленности. Оттаву в этом вопросе поддержали

шесть нефтепотребляющих провинций от Онтарио и Квебека до Ньюфаундленда. Под влиянием Трюдо даже две западные провинции — Манитоба и Британская Колумбия отмежевались от «голубоглазых шейхов».

Чувствуя себя изолированными, «шейхи» Лоухид и Блейкни отступили. Они поддержали федеральные программы экономии природных ресурсов и тепла и охраны окружающей среды. Они отказались от намерения оспорить законность энергетической политики Оттавы в Верховном суде. Единство страны было сохранено — на сей раз мирным путем, без применения федеральных войск.

Тогда же парламент принял первый в канадской истории закон о режиме иностранных капиталовложений (1974). В Оттаве было создано Агентство проверки иностранных инвестиций, получившее право запрета покупки канадских предприятий иностранцами. Будущие покупатели отныне обязаны были доказывать, что предполагаемая сделка принесет Канаде ощутимую выгоду в виде увеличения занятости, производительности труда и др. Закон был умеренным — он касался только крупных и средних фирм.

Агентство нельзя было упрекнуть в дискриминационной политике — оно утверждало львиную долю предполагавшихся сделок. Но процедура проверки была закрытой, долгой и дорогой, а ее результаты было нельзя оспорить в суде. Вскоре многие иностранцы начали отказываться от планов покупки канадских фирм, что и входило в замыслы создателей Агентства.

Федеральное правительство выполняло одну за другой рекомендации Уолтера Гордона и Мелвилла Уоткинса.

Другой принятый тогда же закон расширил налоговые льготы фирм, большинство директорских

постов и активов которых принадлежит канадским гражданам, и фирм, выкупающих активы у филиалов ТНК. Эти нормы были с одобрением встречены национальным капиталом густонаселенного Онтарио. Вскоре аналогичные законы были приняты тремя крупными провинциями — Онтарио, Британской Колумбией и Саскачеваном.

Активность и плодотворность действий кабинета меньшинства поразили канадцев. Перед избирателями предстало не слабое, запутавшееся в проблемах правительство, а сплоченная и предприимчивая команда, умело руководящая страной в согласии с большей частью населения. Даже леворадикальная печать назвала его «наилучшим во всей канадской истории». Такую оценку дал журнал «Канадиан дайменшн», обычно недовольный всем и вся. Когда через 20 лет у рядовых канадцев спрашивали, помнят ли они о правительстве 1973 г., типичный ответ звучал так: «Конечно, помним! Оно было отзывчивым и заботилось о народе». А ведь правительство было у власти всего 18 месяцев.

Между тем новые демократы, никогда не управлявшие страной, преисполнились уверенностью в том, что кабинет выполняет их требования слишком медленно и неохотно. (Трюдо уклонился от национализации иностранных компаний, полагая, что качество товаров и услуг от этого не возрастет.) В свою очередь правые либералы тяготились зависимостью от социалистов.

В мае 1974 г. НДП и консерваторы вынесли кабинету вотум недоверия. Последовали внеочередные выборы. Согласованно действовавшие под руководством Дейви федеральные либералы победили с абсолютным большинством. Трюдо стал живой легендой. Он приобрел широкую известность как лидер,

преодолевший историческую тенденцию к формированию слабых правительств меньшинства.

Тем временем весь западный мир вступил в циклический кризис, перешедший в затяжной застой. Одновременно росли инфляция и безработица. Экономические потрясения вызвали сдвиг вправо в массовом политическом сознании. «Уступки НДП придали либералам социалистическую окраску. Доверие бизнеса к правительству упало. Оно нуждается в восстановлении», — недвусмысленно писала после выборов 1974 г. газета деловых кругов «Файненшл тайме», прозванная «предпринимательской библией». Предпринимателям было о чем тревожиться. К 1975 г. их прибыли росли в четыре — пять раз медленнее зарплаты. Оппозиция справа требовала уменьшения доли трудящихся в национальном доходе, снижения федеральных расходов, ограничения налогового бремени. В правительстве того же требовали правые либералы во главе с Тернером и Шарпом.

Но инерция государственного регулирования успела превратиться в материальную силу. Дорожа поддержкой среднеоплачиваемых слоев, кабинет промедлил с уступками миру бизнеса. Тернер и Шарп ушли в отставку. С их уходом в кабинете не осталось лиц, пользовавшихся доверием предпринимательских кругов.

Борясь с инфляцией, вышедшей на уровень 15% в год, правительство в 1975 г. узаконило контроль над ценами и доходами, правда, в мягком варианте — он не распространялся на жилье, землю, социальные выплаты. За три года действия контроля ежегодные темпы инфляции удалось уменьшить до 8–9%. Но общая безрадостная экономическая обстановка вызвала не укрепление популярности правительства, а ее падение.

Более всех недовольны были правые круги. Их недовольство перешло в открытую враждебность после неосторожного телеинтервью Трюдо в конце 1975 г.

Премьер-министр сообщил о намерении Оттавы продолжить и даже увеличить вмешательство в рыночные процессы. Интервью тут же осудили все предпринимательские союзы и многие газеты. Владельцы нескольких фирм публично призвали переводить капиталы в США. Премьер-министра стали сравнивать с Юлием Цезарем, Бонапартом и Гитлером. Еще откровеннее выразился крупный инвестиционный делец Стивен Ярисловски: «Трюдо должен уйти».

Пока правительство пыталось успокоить взволнованных предпринимателей, грянул гром из «прекрасной провинции». Очередные провинциальные выборы 1976 г. ознаменовались полной победой массовой Квебекской партии, — не замеченной в злоупотреблениях. Ее программа включала отказ независимого Квебека от армии и от членства в НАТО и НОРАД.

Произошло то, что ранее считалось немыслимым. Впервые во всем западном мире на демократических выборах победила этнонациональная просепаратистски настроенная партия (в Испании и Великобритании аналогичные события последовали позже). Ставший провинциальным премьером Левек торжественно отметил победу на монреальском стадионе и объявил, что в ближайшее время состоится референдум о будущем статусе провинции.

Ошарашена была не только вся Канада. Растерянность и тревога докатились до Уолл-стрита и Белого дома. Ведь речь шла о вероятном появлении на северной границе США нового нейтрального государства. Американский посол немедленно позвонил на Сассексдрайв, 24: «Квебек может стать северной Кубой».

Премьер-министр реагировал так: Оттава готова к переговорам с Квебеком о чем угодно, кроме отделения провинции. Тем самым он увлек Левека в русло

затяжных переговоров. Одновременно кабинет Трюдо увеличил численность армии на 5 тыс. человек и купил в Швейцарии лицензию на выпуск маневренной бронетехники, предназначенной «для уличных боев и патрулирования».

Сразу после избрания очередного американского президента Картера Трюдо выехал в Вашингтон. Он сделал заметные уступки США — согласился на увеличение нефтеэкспорта, обещал не требовать многого в затяжном споре о границах территориальных вод. В ответ Картер недвусмысленно заявил о заинтересованности США в сохранении единой Канады. Теперь Квебекская партия не могла рассчитывать на понимание южного соседа. Визиты Левека в Нью-Йорк и его заискивающие речи перед американскими инвесторами, а также отказ от вывода Квебека из НАТО не изменили положения.

Развивая успехи в борьбе с сепаратистской опасностью, Трюдо в 1976 г. в очередной раз развернул подготовку к конституционной реформе, которая должна была укрепить единство страны на базе нового компромиссного соглашения между Оттавой и провинциями. Но его поддержало только Онтарио. Прочим провинциальным правительствам было выгодно бесконтрольное расширение их полномочий под покровом безнадежно устаревших статей АБСА. Сохранение же колониального по форме АБСА давало Квебекской партии дополнительные политико-идеологические козыри.

Внутренние трудности не помешали активной внешней политике Оттавы. Правительство Трюдо заключило с Европейским экономическим сообществом соглашение о сотрудничестве. Страны ЕЭС перестали рассматривать Канаду в качестве троянского коня американцев. Тогда же Канаду допустили в «шестерку»

крупнейших западных держав, ставшую таким образом «семеркой».

Правительство Трюдо проявило дальновидность, приняв в середине 70-х годов вслед за провинциями хорошо проработанное законодательство о защите природы (первоначально в Арктике) и создав эффективно действующее министерство окружающей среды. Канада добилась заключения соглашения с США о борьбе с загрязнением Великих озер. В дальнейшем к соглашению присоединились власти Онтарио, американских штатов и многие муниципалитеты обеих стран. С тех пор уровень загрязнения Великих озер стал медленно снижаться.

В вопросе о загрязнении прибрежных вод Британской Колумбии американскими танкерами, перевозившими нефть с Аляски, Оттава не нашла понимания со стороны американских властей. Тогда кабинет Трюдо в 1977 г. провозгласил юрисдикцию Канады над 200-мильной океанской зоной. Протесты Вашингтона были оставлены без последствий.

Трюдо проводил линию на расширение и углубление отношений с Кубинской Республикой. Он был единственным руководителем страны — члена НАТО, нанесшим тогда официальный визит на Кубу (1976). Он открыл кубинцам большой кредит на льготных условиях. Перед 200-тысячной аудиторией он произнес речь на испанском языке, который хорошо знал, в которой назвал Фиделя Кастро «великим революционным вождем», вызвав болезненную реакцию правых кругов Северной Америки. Премьер-министр хорошо понимал природу тоталитарных государств. Он ведь побывал на Кубе в 60-х годах. Но он был верен себе — смягчать тоталитаризм возможно только политикой «наведения мостов». Кроме того, он заботился об экономических интересах своей страны — страдавший от американской

конкуренции канадский капитал старался закрепиться на любом незанятом рынке.

Широко понимая интересы родины и энергично отстаивая их, Трюдо отвергал нейтралитет. Под нажимом штаб-квартиры НАТО бывший пацифист в 1975 г. утвердил солидную программу переоснащения армии и обязался ежегодно повышать военные расходы на 3%. Впрочем, он же саботировал выполнение данного обязательства.

Канадское правительство несколько раз осуждало действия СССР, Кубы и Китая в разных районах земного шара — Эфиопии, Анголе, Никарагуа, Камбодже. А в 1979 г. оно прекратило кредитование Кубы в знак протеста против ее военного вмешательства в странах Африки.

Однако искусная внешнеполитическая стратегия не могла стать козырем правительства на парламентских выборах 1979 г. Правительству пришлось отвечать за экономические трудности и отсутствие согласия между федерацией и провинциями. Как часто бывает, логически безупречные рассуждения Трюдо о необходимости конституционной реформы и о возросшей международной роли Канады не нашли отклика у избирателей. Либералы попытались в своих интересах обыграть неопытность и маловлиятельность нового консервативного лидера Джозефа Кларка — недавнего депутата-заднескамеечника. Однако Кларк был молодым человеком, на двадцать лет моложе премьер-министра. Его, недавнего журналиста с университетским дипломом, нельзя было упрекнуть в том, что он испорчен властью. Казалось, с его именем были связаны надежды на перемены к лучшему.

На выборах 1979 г. либералам досталось больше голосов, а консерваторам — депутатских мест. Партия Трюдо удержала Квебек, Ньюфаундленд и Нью-Брансуик, но из-за «отчужденности Запада» проиграла в

огромном регионе от Оттавы до Тихого океана. Впервые после 1958 г. консерваторы опередили либералов в Торонто и его пригородах. Многие министры-англоканадцы лишились мандатов. Премьер-министр был переизбран в палату общин колоссальным большинством в 39 тыс. голосов, но в масштабе страны его партия проиграла. Трюдо вручил генерал-губернатору прошение об отставке. Передача власти Кларку заняла около двух недель.

Победа консерваторов вызвала радость большей части англоязычной Канады (особенно бизнеса сырьевого сектора) и квебекских сепаратистов. Поднялся курс биржевых акций и канадской валюты. Многие предприниматели Торонто, Калгари и Ванкувера сравнивали приход консерваторов с наступлением весны.

Ставший лидером партии в 36-летнем возрасте, Кларк поощрял политическое продвижение молодежи. Он впервые в канадской истории назначил министрами нескольких парламентариев моложе 30 лет. В его кабинете целый ряд видных постов заняли министры из этнических общин — канадские украинцы Рей Гнатишин и Дональд Мазанковски, канадский поляк Стивен Папроски, канадский немец Джейкоб Эпп, что в общем соответствовало росту доли этнических меньшинств в населении (к 80-м годам она приблизилась к 35%). «Этнических» министров в кабинете Кларка было заметно больше, чем франкоканадцев.

Кларк поддерживал принципы двуязычия и стремился к расширению гласности и открытости в работе правительства. В нем не было замкнутости и высокомерия. Он проводил курс на улучшение отношений с могучим южным соседом. Политические обозреватели предсказывали ему длительное правление. Но консервативный кабинет умудрился

быстро растратить запас только что завоеванного доверия избирателей.

Кларк и его абсолютно неопытные в административном отношении министры слишком открыто стремились поскорее выполнить волю деловых кругов окраинных регионов, в первую очередь Запада, в ущерб всем остальным слоям населения. Они считали, что ради оздоровления финансов необходимо уменьшить социальные пособия, увеличить взносы в фонды социального страхования и ограничить право на забастовку. Они отказались дать финансовые льготы квартиросъемщикам. Тем самым Кларк быстро оттолкнул от себя подавляющее большинство граждан с низкими и средними доходами.

У консерваторов не было франкоканадских политических кадров и поддержки в Квебеке. Типичными консерваторами оставались личности вроде министра иностранных дел ньюфаундлендца Джона Кросби, который на упреки в незнании французского языка отрезал: «Положим, я и по-китайски не говорю». Знавший оба языка и не разделявший прямолинейности Кросби Кларк был вынужден назначить нескольких малоизвестных франкоканадцев министрами-сенаторами, что никак не увеличило народных симпатий к правительству.

Кабинет Кларка проводил откровенно проамериканскую внешнюю и военную политику. Министерство обороны запланировало небывалое — совместные со США военные учения в Арктике.

Приобрело известность изречение консервативного министра иностранных дел на встрече семерки в Токио: «Если уж нам суждено попасть под господство другой державы, то я предпочитаю, чтобы ею были Соединенные Штаты».

Во время свержения шаха в Иране и войны в Афганистане консервативное правительство открыто

равнялось на запросы и требования США. Оно собралось регистрировать военнообязанных и даже послать канадские войска в Персидский залив, что шло вразрез с господствующим в стране пацифизмом.

Умиротворяя нефтебизнес и правительство Альберты, консерваторы разрешили значительно поднять внутренние цены на нефть и газ и запланировали приватизировать «Петро-Канаду». Ответом стали немедленные массовые протесты из «главной улицы Канады». Протестовали больше половины газет и телеканалов, многие общественные организации, университетские круги. Онтарио запестрело плакатами: «Продадим Кларка и спасем «Петро-Канаду».

В таких условиях Трюдо в ноябре 1979 г. под давлением западноканадских и атлантических либералов подал в отставку с поста партийного лидера. Партия осталась без руководителя. Консерваторы воспользовались выгодным моментом и намеренно предложили парламенту непопулярный проект бюджета, предусматривающий повышение цен на бензин, табак и крепкие напитки. НДП в ответ выдвинула вотум недоверия правительству. Многие депутаты-либералы (но далеко не все) дали понять, что поддержат его. Кларка это не остановило. Он не страшился роспуска палаты и внеочередных выборов. Вероятно, он даже стремился к такому исходу.

Все парламентские партии объявили обязательную явку депутатов на вотум недоверия. Бывшего министра-либерала, ветерана Нормандской битвы Дэниэля Макдональда в зал заседаний внесли на носилках — он находился в больнице после очередной операции. Другой депутат явился в палату с рукой на перевязи — он недавно поскользнулся и упал на улице. Галереи палаты общин и все прилегающие коридоры были набиты публикой и репортерами.

Громкие звонки призывали депутатов на голосование. В наступившей наконец-то тишине прозвучала убийственно короткая поправка новых демократов к проекту бюджета: «Палата безоговорочно осуждает кабинет за открытое предательство предвыборных обещаний, осуществленное без мандата канадского народа». Депутаты один за другим медленно покидали зал заседаний. Перед выходом каждый сообщал клерку палаты свою позицию (за или против вотума), фамилию и избирательный округ. По обычаю никто не называл партийной принадлежности.

Когда подсчет голосов закончился и палата снова наполнилась депутатами, клерк палаты торжественно обратился к спикеру: «За вотум — 139 голосов, против — 133». Правительству консерваторов было выражено недоверие. Чинная палата вмиг превратилась в нечто похожее на школьный класс после скучного урока. Каменные своды парламента содрогнулись от криков. Все лежавшие перед депутатами бумаги взлетели в воздух. Политические противники дразнили и высмеивали друг друга. Почти все депутаты гурьбой хлынули к выходу.

Через два дня исполком и фракция либеральной партии по инициативе Дейви и Кутса предложили Трюдо взять прошение об отставке назад. Семнадцатого декабря тот ответил согласием. «Он ушел, чтобы вернуться», — писали многие газеты. Одни осуждали Трюдо. Другие были восхищены.

Избирательная кампания 1980 г. казалась населению и политическим аналитикам фантастикой. Либеральная партия имела меньше денег, она вступила в борьбу с понятным опозданием. Тем не менее уверенно лидировала в опросах общественного мнения.

В отличие от консерваторов либералы вели кампанию неторопливо и осторожно. Трюдо выступал мало, произносил только готовые тексты, не устраивал

пресс-конференций, уклонился от телевизионных дебатов. Консерваторы насмешливо окрестили его «прячущимся лидером». Он не торопился раздавать обещания — говорил лишь о необходимости сдерживать рост нефтецен, повышать пенсии, развивать национальный сектор в экономике и укреплять контроль над иностранным капиталом.

Либералов не смущала слабая поддержка их партии прессой. Им открыто выражали симпатии только две англоязычные газеты — «Торонто стар» и «Оттава ситизен» и одна франкоязычная — «Пресс». Большинство газет во главе с «Глоб энд мейл» и «Монреал газетт» поддерживало консерваторов, а некоторые вроде «Девуар» демонстративно хранили нейтралитет. Обозреватели сравнивали Трюдо с Рузвельтом, которого во время выборов не поддерживало огромное большинство американских газет и который тем не менее побеждал.,

В деловых кругах страны царил разброд. Очень многие предприниматели не хотели возвращения реформаторов-либералов во главе с решительным и строптивым Трюдо. Но и консерваторы вызывали слишком мало симпатий. Энергетическая же политика Кларка вызывала откровенное неприятие у бизнесменов всей Центральной и Восточной Канады. Поэтому они щедро снабжали деньгами консерваторов, но не вели против либералов целенаправленной кампании, как в 1979 г. Из всех предпринимательских ассоциаций только одна, причем далеко не самая влиятельная — Национальная гражданская коалиция, призывала голосовать за консерваторов.

Выборы 1980 г. принесли либералам победу в Центральной Канаде и Атлантических провинциях — 148 мест из 282. Партия взяла верх в пяти густонаселенных провинциях, в том числе Онтарио, Квебеке и на Атлантическом побережье. В Онтарио либералы

отбросили назад консерваторов и НДП. В Квебеке были разгромлены социал-кредитисты.

Успехи Трюдо, однако, «остановились» на границе Онтарио и Манитобы. Во всей Западной Канаде было избрано всего два либерала против 50 консерваторов и 26 новых демократов. Межрегиональный политический раскол опасно углубился.

Приоритеты кабинета Трюдо определились быстро. Прежде всего следовало отразить вызов Квебекской партии. По ее предложению во время правления Кларка Национальное собрание провинции назначило на май 1980 г. референдум о судьбе Квебека. Запретить референдум было невозможно по двум причинам. Провинциальные референдумы считаются одним из «местных дел», находящихся в сфере провинциальной ответственности. Их практиковали многие англоязычные провинции. Кроме того, в предложенном избирателям вопросе говорилось не об отделении от федерации или выходе из нее, а только о «переговорах с Оттавой о будущем провинции».

Хитроумный Рене Левек рассчитывал, что ко времени проведения референдума премьер-министром будет кто угодно, только не федералист Трюдо с его богатым управленческим опытом. Квебекскую партию гораздо больше устраивал малоизвестный и нерешительный Кларк. Теперь Левек и его министры отчаянно маневрировали, внушая избирателям, что раз к власти к Оттаве вернулся франкоканадец, опасности раскола страны нет, потому франкоканадцы — хотя бы из гордости — должны поддержать провинциальное правительство. Звучало это малоубедительно.

Затруднения сепаратистов воодушевили Оттаву. Трюдо мобилизовал на противодействие сепаратистской агитации провинциальных премьеров. Характерно, что почти никто из них, даже отрицательно относившийся к Центральной Канаде премьер Альберты —

«голубоглазый шейх» Лоухид, не отказался совершить поездку в Квебек, чтобы осудить планы Левека и ободрить местных федералистов. Первым это сделал премьер самой населенной провинции Онтарио, граничащей с Квебеком, свой вклад в федералистскую контркампанию внесли также премьеры Нью-Брансуика и Саскачевана.

Затем премьер-министр двинул в бой всех деятелей либеральной партии,, хоть немного говоривших по-французски.

А за две недели до голосования Трюдо возложил обязанности главы кабинета на Макекена, выехал в Квебек и принял участие в кампании в качестве жителя провинции, владеющего особняком в Монреале и коттеджем в Лаврентийских горах. Перед населением он появлялся в окружении провинциальных федералистов. Его речи отличались отточенностью доводов. Его оружием стали большие платежи Оттавы Квебеку, массовый допуск франкоканадцев в федеральный госаппарат, ухудшение обстановки в Квебеке после прихода Левека — отток населения и капиталов, рост провинциальных налогов.

На референдуме 20 мая 1980 г. к урнам явилось 3,7 млн. граждан: 40% из них ответили Квебекской партии «да» и 60% — «нет». Федералисты Квебека и Канады праздновали победу. На том же стадионе, где в 1976 г. Левек и его сторонники торжествовали, он теперь признал поражение. Авторитет Квебекской партии и ее вождя пошатнулся, ее численность пошла на убыль — с 250 тыс. до 75 тыс. человек к концу 80-х годов. Газета «Вашингтон пост» поздравляла федеральных либералов и восхищалась ими: «Впервые в истории человечества основанное на языковых и религиозных принципах освободительное движение остановлено без насилия. Вы сделали ставку на демократию и выиграли».

На гребне общенациональных чувств федеральный парламент в 1980 г. повысил пенсии и урегулировал вопрос о государственном гимне. Им стала патриотическая песня «О Канада», слова которой некогда сочинил франкоканадец Адольф Ротьер, а музыку — франкоканадка Калликс Лавальер. (Первый вариант стихов приписывается Жоржу-Этьену Картье.) Впервые публично исполненная в Квебеке в конце XIX в., песня долго встречала отрицательное отношение англоканадцев и редко исполнялась в англоязычных провинциях. После появления написанной торонтским школьным учителем Робертом Уэйром англоязычной версии (отличающейся от франкоязычной) федеральный парламент при Пирсоне в 1967 г. одобрил песню в качестве гимна. Но это было одобрением «в принципе». Теперь же торжественное пение «О Канада» на обоих официальных языках стало обязательным на всех государственных церемониях. Страна обрела еще один атрибут суверенитета.

Затем правительство вернулось к конституционной реформе — на «минное поле», где потерпели поражение все предшествующие премьеры от Кинга до Пирсона и где дважды — в начале и в конце 70-х годов — уже успел потерпеть неудачу Трюдо.

Реформу пришлось проводить в условиях небывалого накала федерально-провинциальных противоречий. Тем не менее ее осуществляли в обстановке гласности. (В закрытом режиме работали только совещания высших федеральных и провинциальных министерских чиновников.) Конституционные конференции проходили попеременно в трех крупнейших городах — Монреале, Торонто и Ванкувере.

Многие из них целиком (а все остальные — частично транслировались в прямом эфире. Парламентские же дебаты о конституции всецело были открытыми. Это уменьшало возможность интриг и преследования

частных интересов. Провинциальные политики открыто и в рамках закона отстаивали провинциальные и региональные интересы — западноканадские, приатлантические и др. Федеральные политики на глазах у публики отстаивали интересы центральной власти.

Гласность дебатов заставляла вести их не на «птичьем языке» правоведов, а в форме, доступной большинству избирателей. Однако, как ни существен был принцип демократического оформления реформы, главным оставалось ее содержание — перераспределение федеральных и провинциальных полномочий. Из-за этого, как и ранее, развернулась хотя и протекавшая в цивилизованных рамках, но тем не менее ожесточенная борьба между Оттавой и провинциями.

Носители федеральной власти, упоенные победой 1980 г., поначалу проявили самоуверенность. Они стремились провести реформу в одностороннем порядке, без поддержки и даже без прямого участия провинциальных властей. С этим готовы были смириться только две провинции — Онтарио и Нью-Брансуик. Восемь других провинций (по определению журналистов — «банда восьми») обжаловали действия Оттавы сначала в судах Квебека, Манитобы и Ньюфаундленда, а затем в Верховном суде Канады.

Кроме того, восемь провинций были против внесения в текст конституции прав и свобод канадцев на том основании, что гражданские права и свободы согласно АБСА должны находиться под охраной провинций.

Особенно тревожным фактом было блокирование семи англоязычных провинций с правительством Квебекской партии.

На уровне парламента действия «банды восьми» поддержали федеральные консерваторы. Они отказывались одобрить любой конституционный проект,

пока в нем не будет заявлено о власти бога над обществом. Либералам пришлось согласиться. В отместку либералы и НДП провалили в парламенте другое предложение консерваторов — о внесении в конституцию права граждан на частную собственность.

Вся реформа в 1981 г. была поставлена под вопрос вердиктом Верховного суда, объявившего после пятимесячного разбирательства одностороннее федеральное обновление конституции несовместимым с конституционной практикой Канады. Верховный суд призвал Оттаву и провинции к сотрудничеству и выработке компромисса на основе воли большинства.

Тогда кабинет Трюдо вернулся к наведению мостов с провинциями. Он взял курс на постепенное расчленение провинциалистской коалиции, ставшее возможным ввиду глубоких разногласий между провинциями. Сначала Оттаве ценой весомых уступок в энергетической политике удалось отколоть от «банды восьми» четырех западноканадских премьеров, которые уже тяготились непопулярным у них на родине союзом с франко-квебекцем Левеком. Затем по примеру Лоухида и Блейкни в реформе согласились принять участие и премьеры Атлантических провинций.

Большую роль в умиротворении шумной и дерзкой оппозиции провинций сыграли три мастера компромиссов — федеральный министр юстиции Кретьен и два политика из Саскачевана — премьер Блейкни и генеральный прокурор провинции, канадский украинец Рой Романов.

В ноябре 1981 г. премьер-министр и девять англоязычных премьеров за спиной Рене Левека подписали соглашение об условиях патриации конституции. День его подписания Квебекская партия назвала «днем гнева и позора», а англоканадцы — «днем одураченных».

После «дня одураченных» рассерженный Левек категорически отказался участвовать в реформе и снова оспорил ее правомерность в судах. Но было поздно — суды вынесли решения в пользу Оттавы, ссылаясь на необязательность единодушия провинций в проведении реформы. Конституционно-правовой тупик был преодолен. Кризисная фаза реформы осталась позади.

Затем палаты парламента раздельным голосованием одобрили конституционную резолюцию. Палата общин утвердила ее огромным большинством в 222 голоса (246 против 24). Все крупные парламентские деятели проголосовали «за». Против голосовало 17 малоизвестных консерваторов, два новых демократа и пять либералов-заднескамеечников, из них против проведения конституционной реформы без участия Квебека высказалось всего два человека. Резолюцию подписал генерал-губернатор, и ее отправили в Лондон на рассмотрение британского парламента.

В марте 1982 г. британская палата общин одобрила конституционную резолюцию 176 голосами против 33. Это было последнее голосование в британском парламенте по поводу резолюции, касающейся Канады. С этого времени Акта о Британской Северной Америке не существует. Его заменил Конституционный акт.

Из Основного закона в процессе конституционной реформы были исключены многие устаревшие статьи, зато включена Хартия прав и свобод канадцев (все ее положения подлежат толкованию только судами). Яснее разграничены сферы ответственности центра и провинций, расширены провинциальные полномочия в социальной и культурной сферах. А федеральный центр закрепил свое ранее подвергавшееся сомнению право на вмешательство в экономическую жизнь страны при «чрезвычайных обстоятельствах». Принципам двуязычия была придана сила конституционной гарантии.

Конституционная реформа ознаменовала поступательное развитие канадской политической демократии. Она укрепила основы законности и одновременно упрочила права и свободы граждан. Хартия прав и свобод канадцев быстро стала самой популярной частью конституции, хотя в ней нет многих социально-экономических прав — на труд, отдых, жилище, медицинскую помощь.

Передача обновленной и дополненной конституции в полную и безраздельную юрисдикцию Канады состоялась 17-18 апреля 1982 г. Несмотря на сильный дождь, церемония происходила не в тиши кабинетов и канцелярий, а под открытым небом в центре Оттавы в присутствии 30 тыс. зрителей. Со стороны Великобритании Конституционный акт скрепила своей подписью королева Елизавета II, с канадской стороны — федералисты-франкоканадцы Трюдо, Кретъен и Уэллет.

Канада обрела суверенитет в конституционной сфере. Ушел в прошлое еще один пережиток колониальной зависимости страны. В Квебеке в этот день Национальное собрание было закрыто. Всюду были приспущены провинциальные флаги. Квебекское правительство после проигрыша судебных дел против Оттавы заняло позицию непризнания новой конституции и до середины 80-х годов не участвовало в федерально-провинциальных конференциях.

Англоязычная Канада почти не обратила на квебекский бойкот внимания. Опросы общественного мнения показали, что и внушительное большинство квебекцев не видит проблемы в непризнании конституции властями их провинции.

Трюдо выиграл противоборство с Левеком. Сепаратистская угроза была снята с повестки дня.

Одновременно с конституционной реформой кабинет Трюдо реализовывал единственную в канадской истории и грандиозную по масштабам и темпам национальную

энергетическую программу (НЭП). В ее рамках правительство продолжало сдерживать внутренние нефтецены (не более 75% мировых). После 1986 г. планировалось даже заморозить их. Отменены были многие налоговые привилегии нефтегазовых ТНК. Выделялись большие субсидии фирмам с преобладанием канадского капитала. Субсидии предназначались в первую очередь на выкуп акций у иностранного капитала. Расширялись полномочия и активы «Петро-Канады».

Современники сравнивали подготовленную за несколько месяцев национальную энергопрограмму с ударом грома. «Никогда еще столь тощая предвыборная платформа не превращалась в столь могучую государственную политику», — писали политические комментаторы.

Соппротивление НЭПу оказали в первую очередь провинциальные власти. Правда, ключевая индустриальная провинция Онтарио приветствовала НЭП, а Квебек, Манитоба, Нью-Брансуик и Остров Принца Эдуарда не возражали против «канализации» нефтегазового сектора. Зато пять других провинций выразили несогласие. Правительство Альберты пошло на неслыханный шаг, взяв курс на свертывание поставок нефти в Центр страны на 60 тыс. баррелей ежедневно.

За 10 месяцев нефтедобыча в Альберте уменьшилась почти вдвое. Кабинету Трюдо пришлось выделять не предусмотренные бюджетом средства на покупку горючего за рубежом. Против НЭПа были почти все канадские филиалы ТНК и правительство США. Многие фирмы заморозили деятельность в Канаде и перевели капиталы в другие страны. Ревностно отстаивавшая свободу действий бизнеса консервативная партия устроила в марте 1982 г. бойкот палаты общин, чтобы сорвать принятие пакета законов об энергопрограмме.

Правительство Трюдо было вынуждено снизить темпы выполнения энергопрограммы и отказаться от части ее приоритетов. Оно урезало запланированное повышение налогов и пошлин с нефтебизнеса, ускорило повышение внутренних нефтецен. В ответ Альберта прекратила свертывание нефтедобычи, а Британская Колумбия и Саскачеван к 1982 г. изъявили готовность поддержать НЭП.

Процедурными уступками в парламенте — разделением энергопакета на восемь биллей и их отдельным обсуждением — правительство устранило оппозицию НЭПу со стороны руководства консерваторов. Парламентский бойкот прекратился.

Настойчивая и гибкая одновременно энергетическая стратегия Оттавы принесла внушительные плоды. К середине 80-х годов зависимость страны от ввоза топлива и горючего снизилась очень ощутимо — с 50% до 30%. Трансканадский трубопровод — детище Хау, ранее доходивший только до Торонто, был продлен до Галифакса на востоке, до Квебека на севере и до Ванкувера на западе. Около 20 средних и крупных иностранных филиалов перешло в полную собственность канадского капитала.

Несколько иностранных нефтефирм было куплено «Петро-Канадой», которая превратилась в гигантскую многопрофильную корпорацию: отныне она занималась не только разведкой полезных ископаемых, но и их добычей и переработкой. Ей в пользование правительство передало огромную территорию — 200 тыс. кв. км на Севере.

Бензоколонки с эмблемой «Петро-Канады» — красным кленовым листом — сразу же стали популярными. Социологи зафиксировали увеличение продажи бензина станциями, купленными «Петро-Канадой» у иностранцев. Между тем корпорация продавала горючее в розницу несколько дороже, чем

большинство частных фирм. «Народу нравится покупать у национальной фирмы», — писали многие газеты. Канадский народ выражал привязанность к ней долларом, а не словами. Это был редчайший случай проявления любви общества к государственному предприятию.

Сказывалась еще одна национальная черта канадцев — умение действовать при неприязни к громким и пышным речам.

Крупнейшие канадские ТНК — «Галф», «Ситиз сервис», «Шеврон стандарт» — продали большие пакеты акций канадскому капиталу. Доля канадского участия в нефтегазе выросла в несколько раз — с 9-10% в 70-х годах до 45% в 1985 г. Этот процесс имел громадное политическое и психологическое значение.

Впервые за много десятилетий Канада возвращала контроль над высокоприбыльной и перспективной отраслью хозяйства. И происходило это не в ходе стихийных рыночных процессов, а благодаря целенаправленной политике центральной власти. Энергопрограмма имела и экологическую составляющую. В рамках НЭП удалось снизить удельный расход автомобильного горючего, внедрить программы экономии тепла зимой и т.д.

«В целом национальная энергопрограмма — хорошая политика. Она нравится народу», — вынужден был признать один из критиков НЭП, депутат-консерватор из Альберты Харви Андре. Проведению в жизнь широкомасштабной энергопрограммы мало помешали тогдашние конституционные и финансовые трудности, которые переживала страна.

Тем временем с 1981 г. в экономике вновь воцарился застой. Вновь возросли инфляция и безработица. Увеличивался бюджетный дефицит. К 1985 г. он намного превысил 10 млрд. долларов. Стремительно ухудшалось отношение бизнеса к правящей партии и премьер-

министру. База поддержки правительства сокращалась. В 1983 г. его поддерживали только 23% опрошенных сограждан. В результате действий оппозиции работа парламента дважды оказывалась парализованной. Даже часть либералов-заднескамеечников временами открыто отмежевывалась от действий кабинета.

Но умелое политическое прогнозирование и административные способности министров и советников Трюдо оказались сильнее «объективных трудностей». Проводя труднейшие реформы — конституционную и энергетическую, Трюдо умудрился сохранить обширные социальные программы.

Во внешней политике Канада пыталась помешать тогдашнему нарастанию антиразрядки. В 1980–1981 гг. Трюдо и Хед тайно предлагали Советскому Союзу план мирного урегулирования на Среднем Востоке: если СССР выведет войска из Афганистана, международное сообщество во главе с ООН гарантирует Афганистану постоянный нейтралитет. Подобное предложение проистекало не из любви к нашей стране, а из сухих теоретических выкладок — начавшийся с афганской войной подъем мусульманского фундаментализма может стать угрозой всеобщему миру и безопасности.

Но ответного послания из Кремля долго не поступало. Канадский посол — дуайен московского дипкорпуса — тщетно добивался приема сначала у Брежнева, потом у Громыко. Молчание становилось оскорбительным. Наконец один из многочисленных заместителей министра иностранных дел СССР передал послу короткий и сухой ответ: Советское правительство не намерено что-то менять в своей политике. Аналогичной была судьба сходных предложений, сделанных Трюдо во время его краткого визита в нашу страну на похороны Брежнева в конце 1982 г.

Неуступчивость проявила и другая сторона. Напрасными остались призывы Трюдо к Китаю,

Пакистану и западным державам не оказывать военной помощи афганской оппозиции. Зловещая колесница афганской войны катилась все дальше, в канадо-советских отношениях наступил застой, а в Канаде появились беженцы из Афганистана.

Нарастание антиразрядки, откат к догмам военно-блоковой политики, как и предвидели Трюдо и Хед, оказались на руку милитаристским кругам и ослабили позиции Канады в трудном партнерстве с южным соседом. Под давлением Рейгана, Пентагона и высших чинов канадской армии, хором повторявших фразу «Разрядка — опасная иллюзия», Оттава в 1983 г. согласилась на испытания на канадской земле нового американского оружия — крылатых ракет. Местом испытания была избрана Северная Альберта с ее тайгой и холмами, похожими на просторы России...

Впрочем, в том же году Трюдо выступил с международной миротворческой инициативой. В качестве руководителя страны, находящейся между СССР и США и не имеющей имперских интересов, он предложил себя на роль посредника между Западом и Востоком. Он призвал вернуться к переговорам о сокращении ядерных арсеналов, отказаться от любых сверхновых вооружений, приступить к уменьшению обычных вооружений.

С этими идеями премьер-министр побывал в 1983–1984 гг. в Вашингтоне и в Москве, в большинстве европейских столиц, а также в Пекине и Дели. Он осудил все войны, где бы и кем бы они ни велись — в Центральной Америке и Афганистане, Ливане и на Фолклендских островах, не снимая при этом ответственности с членов НАТО — США и Великобритании. Он решительно возражал против перенесения гонки вооружений в космос.

Заметный отклик мирная инициатива Канады нашла в большинстве неприсоединившихся государств и в

некоторых странах Западной Европы. Внутри НАТО его предложения поддержал Франсуа Миттеран, вне НАТО — премьер-министр Швеции Улоф Пальме. Рейган занял двусмысленную позицию. Он дал Трюдо продолжительную аудиенцию, вежливо-безразлично согласившись со многими его предложениями, и напутствовал его в Европу шаблонной фразой: «Пусть Бог поможет вашим усилиям».

Республиканская администрация давала понять, что средняя держава — Канада — напрасно лезет не в свое дело. Трюдо чувствовал имперское высокомерие южного соседа и не скрывал раздражения. Рейгану он напрямую заявил, что тот недостаточно внимания уделяет достижению понимания с СССР. Когда же корреспонденты спросили канадского премьер-министра, согласована ли его мирная инициатива с Пентагоном, Трюдо отрезал: «Канадцы хотят мира. Их не заботит, что скажет Пентагон».

Холодно встретили мирную инициативу в Лондоне и Дели. Правящим кругам Великобритании не могла понравиться критика Фолклендской войны, а руководству Индии — принцип нераспространения ядерного оружия. Обе страны, правда, подписали декларацию Содружества с одобрением инициативы Трюдо, но других действий не предприняли.

Канадская мирная инициатива больших результатов не дала. На ее основе в 1984 г. была опубликована очередная декларация «семерки». Переговоры о сокращении вооружений возобновились, чтобы вскоре снова прерваться. К концу десятилетия мирную инициативу Трюдо оттеснили другие международные события, связанные с именами Горбачева, Рейгана и Коля.

Полууспех мирной инициативы Оттавы ускорил отставку 65-летнего Трюдо летом 1984 г. Он пробыл на политическом Олимпе почти 16 лет — больше, чем такие

патриархи западных демократий, как Шарль де Голль (11 лет), Франклин Рузвельт (12 лет), Конрад Аденауэр (14 лет). Он не побил только рекордов двух канадских политических долгожителей — Макдональда и Кинга. Трюдо вернулся в родной Монреаль и стал партнером одной крупной юридической фирмы.

Политические обозреватели отметили, что чиновники Белого дома и госдепартамента США старательно уклонялись от комментариев в связи с уходом автора мирной инициативы. В штаб-квартире НАТО в Брюсселе сухо поведали, что «за обаянием господина Трюдо не было силы». Зато лидеры английских либералов безоговорочно называли Трюдо великим деятелем.

«Годы Трюдо были худшими — и лучшими, тревожными — и прекрасными, какими угодно, только не унылыми», — писали позже историки и политологи о пятнадцатом премьер-министре Канады. Пожалуй, только при Трюдо многие жители страны перестали комплексовать из-за того, что они — не англичане, не французы и не американцы. Теперь они стали гордиться принадлежностью к родной стране.

Глава 6.

Постоянный кризис или постоянное обновление?

Квебекцы у руля федеральной власти. — Кто вы, Брайен Малруни? — Успех в Шарлоттауне и провал в Мич-Лейке. — Фритред. «От Юкона до Юкатана». — Разгром 1993 года. — Нет более двухпартийности. — Отделится ли Квебек? — Уязвимая федерация — устойчивая демократия.

На смену независимо мыслившему монреальскому интеллектуалу партийный съезд избрал бывшего министра, напрямую связанного с торонтским и ванкуверским бизнесом, — англоканадца Джона Тернера. Между ним и предшествующим лидером существовала давняя неприязнь, и многие приверженцы Трюдо быстро покинули политическую сцену. Прочие же либералы, особенно англоканадцы, рассчитывали на удержать в своих руках государственную власть под руководством Тернера, считавшегося умелым управленцем и любимцем предпринимательского мира.

Тернер сделал смелый шаг, став первым после Лорье либеральным лидером, баллотировавшимся в Западной Канаде — оплоте оппозиционных сил. Он выставил кандидатуру в Ванкувере.

Но и консерваторы сменили лидера. Их новым вождем стал монреальский юрист Брайен Малруни. Впервые руководителем федеральной консервативной партии стал квебекец. Впервые после Беннета партию возглавил человек, имевший разносторонние связи с крупным канадским и межнациональным капиталом.

Малруни вырос в ирландской рабочей семье в «филиальном городе» Бе-Комо на севере Квебека, в котором почти все работали на чикагский трест Маккормиков. Подростком начал трудовую жизнь. Тогда же стал активистом консервативной партии и со временем достиг важного поста — казначея партии в Квебеке.

Общительный до развязности Малруни быстро делал карьеру: стал партнером в старинной юридической фирме «Огилви и Рено», ведущей дела богатых клиентов; в середине 70-х годов прославился урегулированием трудового конфликта на строительстве большой ГЭС у берегов Гудзонова залива, в ходе которого профсоюзная мафия открыто выкручивала руки властям и неорганизованным рабочим. Он оказал этим важную услугу квебекскому правительству и капиталу американского Северо-востока, стремившемуся поскорее начать получать дешевую электроэнергию из Квебека.

Затем удачливый посредник между трудом и капиталом «вознесся в экономическую стратосферу Северной Америки»: его избрали президентом железорудной компании «Айрон ор» — канадского филиала американской корпорации «Ханна майнинг». Филиалом он руководил весьма успешно. Объездил все рудники «Айрон ор», разбросанные по глухомани Квебека и Ньюфаундленда, много общался с работниками, улучшал условия их труда. При массовых увольнениях Малруни настаивал на выплате рабочим щедрых (в размере полугодового оклада) выходных пособий. Трудовых конфликтов при нем в «Айрон ор» не было.

Все это позволило Малруни через семь лет баллотироваться в партийные лидеры и в трудной борьбе нанести поражение Кларку, который, впрочем, не собирался расставаться с постом. Чаша весов

склонилась на сторону Малруни только в четвертом туре голосования.

Преуспевающий менеджер в короткий срок пополнил партийную казну, сплотил и дисциплинировал членов партии, что не удавалось никому после Беннета. Малруни не проводил партийных чисток, а обхаживал и задабривал недовольных. Он обласкал ветеранов — «ковбоев Дифенейкера» и одновременно не оттолкнул молодых, более прогрессивных партийных деятелей. Малруни поджентльменски обошелся с побежденным Кларком, пообещав ему крупный пост в правительстве после прихода к власти.

Преимущество либералов в начале кампании 1984 г. быстро сошло на нет. Оказалось, что избиратели воспринимают Тернера как «человека ниоткуда» — он родился на Британских островах, рос в Британской Колумбии, баллотировался на выборах в Монреале, работал юрисконсультom бизнеса и директором корпораций в Торонто. Почти десять лет Тернер провел вне политики, отвык от общения с массовой аудиторией. Он плохо говорил по-французски. Поэтому ему не удалось создать базу поддержки ни в одном регионе страны.

Тернера поддерживали далеко не все либералы. Многие так и не смогли простить ему интриг против Трюдо. Кроме того, он выглядел скованным и неуверенным на телеэкране.

Малруни же очень непринужденно общался с публикой, постоянно сверкал улыбкой, выигрывал телевизионные дебаты и в лучших традициях предвыборных технологий непрерывно раздавал обещания. Он ловко взял на вооружение популярный лозунг новых демократов об увеличении занятости. «Работы, работы и работы!» — провозглашал Малруни. А самое главное — он ранее не работал в правительстве, а значит не отвечал за положение дел в экономике.

Победа консерваторов в 1984 г. была грандиозной. Они победили во всех провинциях и получили 211 депутатских мест вместо прежних 102. Впервые в канадской истории премьер-министром стал выходец из рабочего класса. И впервые правительство консервативной партии возглавил квебекец.

Сам Тернер был избран в парламент. Либералы сохранили 40 мандатов — больше, чем новые демократы. Но последние отделались легким испугом, потеряв всего одно место. А либеральная партия Канады никогда ранее, даже в дни Маккензи, не терпела подобного поражения. Она утратила свыше ста мест. Она проиграла в каждой провинции, в том числе в собственной крепости — Квебеке. Из 29 министров-либералов избиратели забаллотировали свыше половины.

Кормило власти почти на десять лет перешло в руки консерваторов, прочно связанных массой формальных и неформальных уз с предпринимательскими кругами и военным истеблишментом. Министром финансов Малруни назначил Майкла Уилсона, пришедшего в политику из инвестиционного бизнеса Онтарио. Предпринимателями были ранее и многие другие консервативные министры — альбертцы Харви Андре и Дональд Мазанковски, саскачеванец Рей Гнатишин, онтарианцы Уильям Макнайт, Синклер Стивене и Уильям Уайнгард, квебекцы Бенуа Бушар, Бернар Валькур, Мишель Коте и Марсель Массе. Зато по доле политиков с университетскими дипломами и с ученой степенью консерваторы заметно проигрывали либералам.

Стремившийся максимально обновить и омолодить федеральную политику, Малруни назначил министрами многих лиц, впервые избранных в парламент. Среди них были федералисты-англоканадцы и рекруты из квебекских национал-сепаратистских группировок. К последним принадлежали только что вступившие в

консервативную партию Моник Везина, Марсель Массе, Андре Шампань. В результате консервативному правительству крайне не хватало управленческого опыта и согласованности действий.

«Теперь будет меньше необоснованных придирок к нам», — с нескрываемым облегчением и радостью писала американская печать. Подобные предсказания очень быстро оправдались.

Канадо-американские отношения вернулись в эпоху Сен-Лорана.

В отличие от Трюдо Малруни отлично ладил с президентами США. Все их встречи протекали в непринужденной обстановке. Тон был задан на встрече Рейгана и Малруни в Квебек-Сити в 1985 г.: два ирландца, один из которых стал канадским премьер-министром, а другой — президентом Штатов, публично распевали народную песню «Когда улыбались глаза ирландки». Сходным образом сложились отношения Малруни с Бушем-старшим.

Малруни сделал шаг, от которого отказались Дифенбейкер, Пирсон и Трюдо. Канада вступила в Организацию американских государств, в которой велико влияние США. В полном согласии с линией Вашингтона и Брюсселя правительство Малруни увеличило военные расходы и численность канадских вооруженных сил. Совместно с американцами приступило к замене устаревших локационных станций в Арктике. Замену завершили к середине 90-х годов. Она обошлась в полтора миллиарда долларов, при этом 60% расходов оплатила Канада. При Малруни американцы продолжали испытывать в Северной Альберте крылатые ракеты. Широкомасштабные протесты канадских пацифистов премьер-министр игнорировал.

Кабинет Малруни запланировал значительно увеличить военно-морские силы страны. В 1987 г. он обнародовал план оснащения канадского флота «в

целях охраны суверенитета в Арктике» 12 подводными атомными лодками. План вызвал политический скандал. Мало того, что он был очень дорогостоящим — Канада никогда не имела подводного флота таких размеров. Его осуществление шло вразрез с разрядкой международной напряженности — ведь Горбачев и Рейган уже достигли соглашения о приостановке гонки вооружений.

План вызвал также бурную критику экологов, справедливо указавших на угрозу разного рода «ядерных аварий» (дело было после Чернобыльской катастрофы) и на опасность загрязнения канадских вод ядерными отходами. Через год — в преддверии всеобщих выборов — Малруни вынужден был отказаться от покупки подводных лодок. А еще через три года консервативный министр национальной обороны обнародовал новый план — приобретения новейших военных вертолетов «для отслеживания советских подводных лодок».

Премьерство Малруни оказалось закономерной реакцией на длительное правление централистски настроенных либералов. Пожалуй, консерваторы продолжили политику либералов только в вопросе о двуязычии.

Экономическими приоритетами страны консервативный кабинет объявил оздоровление финансов и улучшение инвестиционного климата. Проконсультировавшись с общественными организациями, Малруни снизил ставки кредита, существенно упростил федеральную налоговую систему. Налоговые льготы были сохранены только за самыми эффективными и прибыльными (в пересчете на одного занятого) предприятиями. Введенные либералами налоговые скидки на исследования, новые вложения, на реинвестиции были урезаны или отменены.

Зато консерваторы повысили почтовые тарифы, увеличили пошлины на страхование граждан, на расторжение брака, на иммиграционные процедуры. В 1989 г. консерваторы по примеру британского кабинета Тэтчер обложили все товары и услуги 7-процентным налогом.

Малруни приступил к демонтированию государственного регулирования экономики. В первую очередь это проявилось в энергетической политике и в сфере контроля над иностранным капиталом.

Консерваторы уже в 1985–1986 гг. по примеру Рейгана отменили федеральный контроль над ценами на нефть и газ. Кабинет Малруни восстановил большинство налоговых и кредитных льгот транснационального бизнеса и существенно снизил налоги с нефтегазового сектора. Затем консервативное правительство уступило Новой Шотландии и Ньюфаундленду права на континентальный шельф в Атлантике. Оно сделало даже больше, чем хотели получить провинции (Новая Шотландия после 1982 г. не претендовала на шельф). Тем самым Малруни создал чрезвычайно выгодный регионалистским и сепаратистским кругам прецедент, не пошедший на пользу федеральному центру.

Консерваторы аннулировали многие полномочия «Петро-Канады» и сменили практически весь Совет ее директоров. Фирма, решительно и умело отстаивавшая государственные интересы страны, теперь получила указания руководствоваться только коммерческими соображениями.

Изучив опыт свертывания госсектора в Европе и в канадских провинциях — Альберте, Саскачеване, Ньюфаундленде, Онтарио, Малруни обнародовал федеральную программу денационализации и затем образовал министерство денационализации. В ходе выполнения программы одни государственные фирмы были слиты друг с другом, другие выставлены на

продажу, третьи (внушительное большинство) сохранили прежний статус. На покупку активов каждой из выставленных на продажу государственных корпораций выделялся довольно длительный — полугодовой срок. К потенциальным покупателям не предъявлялось предварительных требований, кроме одного. Канадской фирме не продавали более 25% пакета акций, а иностранной фирме — более 10% акций.

В итоге приватизации, укрупнения или слияния предприятий госсектора количество госкорпораций удалось уменьшить с почти 500 до 300 с небольшим. На продаже их активов консервативное правительство выручило около 2 млрд. долларов. Ранее данные корпорации приносили Оттаве около 5 млрд. долл. ежегодной прибыли. Таким образом, консерваторы ограничивали могущество разросшейся федеральной бюрократии и снимали часть бремени с федерального бюджета, но продавали госсобственность в убыток государству. Фактически они позволили частному бизнесу приобрести по очень льготным ценам несколько федеральных корпораций.

Начатая Малруни в 1991 г. (после сомнений и колебаний кабинета) приватизация популярной «Петро-Канада» нанесла консерваторам заметный политический урон. Не все деятели консервативной партии одобрили продажу «Петро-Канады», о чем свидетельствовали противоречивые заявления нескольких министров.

Порывая с традициями Макдональда, Боргена и Дифенбейкера, Малруни заявлял: «Я сознательно открываю дверь перед американскими инвесторами, как и перед японскими, германскими, английскими и французскими».

Приводившее в замешательство зарубежных бизнесменов Агентство проверки иностранных капиталовложений консерваторы переименовали в

Канадское инвестиционное управление, а его полномочия существенно урезали.

Главной задачей Управления с 1985 г. было сделано не наблюдение над иностранным капиталом, а привлечение последнего в Канаду. Потенциальным покупателям канадских фирм в заявках на покупку надлежало доказывать лишь одно: что данная покупка не принесет ущерба стране. Прежний туманный критерий «ощутимой выгоды» был заменен еще более расплывчатым понятием «конечной выгоды». Сроки ответа Управления на заявки покупателей были значительно сокращены, а отсутствие ответа теперь считали не отказом, а согласием правительства на сделку. Контроль над иностранным капиталом был тем самым радикально ослаблен. С этого времени вновь происходит укрепление его позиций в Канаде, причем опережающими темпами растут инвестиции из Японии, Южной Кореи, арабских стран.

Развивая «открытость страны бизнесу», консервативное правительство пришло к радикальному повороту во всей внешнеэкономической политике федерации. После двухлетних переговоров с США на разных уровнях — чиновников, министров и глав правительств — оно заключило в 1987 г. канадо-американское соглашение о свободной торговле — фритреде. Это чрезвычайно важное соглашение наметило упразднение двумя североамериканскими державами таможенных тарифов, пошлин, двустороннюю отмену экспортных и импортных квот, образование континентального энергетического рынка, свободную конкуренцию фирм двух стран при заключении контрактов частного бизнеса с правительствами.

Обе страны в значительной степени поступились своим экономическим суверенитетом. Но поскольку канадская экономика в 10 раз слабее развита, чем

американская, в большей выгоде оказались Штаты. В Канаде от фритреда выиграл инвестиционный бизнес, ресурсный сектор, носители некоторых новейших наукоемких технологий — авиационная промышленность, нефтехимия, геновая инженерия. Зато в проигрыше остались большая часть обрабатывающей промышленности и сферы услуг, немалая часть агробизнеса.

Инициатива Малруни сначала застала канадское общество врасплох, а затем натолкнулась на сильное противодействие. Правда, ее поддерживали большинство провинциальных правительств и важнейшие предпринимательские союзы. Против же выступили фермерские ассоциации, профсоюзы, большая часть интеллектуалов, многие газеты и телекомментаторы. Законодательные ассамблеи двух центральноканадских провинций — Онтарио и Манитобы — осудили соглашение. Самые решительные противники фритреда во главе с крупным книгоиздателем Мелвиллом Хертигом образовали Национальную партию, бросившую консерваторам вызов во многих округах. Отмечались попытки образования массовой антифритредской коалиции.

Несколько министров-консерваторов, в том числе бывший мэр Торонто Кромби, ушли в отставку из-за несогласия с принципами фритреда.

В палате общин обсуждение условий соглашения о фритреде заняло около шести месяцев. Все оппозиционные партии проголосовали против. Когда же законопроект поступил в сенат, то последний, в котором господствовали либералы, парализовал его обсуждение обструкциями. Тогда премьер-министр распустил парламент и провел новые выборы. Предвыборная кампания 1988 г. протекала в весьма накаленной обстановке. Она весьма напоминала референдум о фритреде.

Либералы, новые демократы и националисты обвиняли Малруни в предательстве национальных интересов и капитуляции перед Соединенными Штатами. Консерваторы понесли поражение в шести окраинных провинциях и в крупнейшем городе — Торонто. Но они сохранили поддержку относительного большинства избирателей и остались у власти. Из крупных городов их поддержали Монреаль, Эдмонтон и Калгари.

Якорями спасения Малруни оказались Квебек и Альберта. В этих провинциях правящая партия получила огромное большинство. В провинции Онтарио консерваторы проиграли в Торонто, но все же сохранили добрую половину депутатских мест.

Главными козырями консерваторов оказались не продуманность или доходчивость их предвыборной платформы, а совсем другие факторы — снижение безработицы, спад инфляции; второстепенными факторами — разрозненность действий оппозиционных партий, нехватка денег у либералов.

Определенную роль сыграли хорошие ораторские и внешние данные Малруни — самообладание, находчивость в полемике, глубокий мелодичный баритон, отлично сидящие костюмы, статная фигура. Политические обозреватели позже писали, что при менее хватких Дифенбейкере или Кларке консерваторы не выиграли бы борьбы вокруг фритреда.

О заинтересованности правящих кругов западного мира в победе фритреда и Малруни свидетельствовали публичные заявления в дни кампании 1988 г. Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер в пользу канадских консерваторов.

Строго говоря, борьбу вокруг фритреда выиграли его противники. В масштабе страны за три партии, боровшиеся против соглашения, проголосовало абсолютное большинство — 55% канадцев, тогда как за

консервативную партию — 43%. Но при мажоритарной избирательной системе, принятой в Канаде, решающее значение имеет исход голосования в каждом отдельно взятом округе, а не в масштабе страны. Голоса, доставшиеся мелким партиям, в расчет не берутся. Данная система и предопределила успех консерваторов. Появление Национальной партии углубило раскол в стане противников Малруни и оказалось ему на руку.

После выборов сенат прекратил обструкцию. Среди сенаторов-либералов произошел раскол. Часть их теперь сочла целесообразным поддержать фритред, и в декабре 1988 г. соглашение было утверждено верхней палатой, что стало примером редкого для XX в. вмешательства канадского сената в политическую борьбу. Соглашение о фритреде вступило в силу в 1989–1999 гг.

Наибольшее сопротивление канадского общества встретили не экономические, а конституционные инициативы кабинета Малруни.

Малруни считал глубоко ошибочным безучастное отношение Трюдо и Тернера к непризнанию Квебеком конституционной реформы. Став премьер-министром, он переименовал министерство федерально-провинциальных отношений в министерство конституционного развития и призвал квебекское правительство «с честью и достоинством» присоединиться к реформе. Как раз в это время проигравшая очередные выборы Квебекская партия уступила место антисепаратистски настроенным провинциальным либералам. Когда Квебек дал согласие, к переговорам были привлечены остальные провинции.

Длительные и большей частью закрытые федерально-провинциальные переговоры и консультации увенчались соглашением Малруни с провинциальными премьерами. Оно было заключено в 1987 г. в Мич-Лейке — курортном местечке близ Оттавы.

Мич-Лейкское соглашение было призвано заменить многие статьи Конституционного акта.

Впервые за всю свою историю Канада официально была определена как страна, состоящая из «франкоязычного сообщества, существующего преимущественно в Квебеке, но не ограничивающегося им, и англоязычного сообщества, существующего главным образом за пределами Квебека, но также и в Квебеке». Данная характеристика федерации была объявлена ее фундаментальной особенностью. Квебек в соглашении именовался «уникальным сообществом внутри федерации».

Право на формирование сената и Верховного суда Канады передавалось провинциям. Все провинции также получали право вето в вопросах о полномочиях федерального парламента и Верховного суда Канады.

Мич-Лейк стал еще одной значительной уступкой федерального центра всему провинциальному уровню власти. Все провинции теперь могли рассчитывать на дальнейшее упрочение своего влияния в федерации. Но в первую очередь в выгоде от соглашения оказался Квебек. Впервые федеральная власть и англоязычные провинции официально признали «специальный статус» Квебека, в чем ему последовательно отказывали Пирсон, Трюдо и Кларк.

Мич-Лейкское соглашение должно было войти в силу после его одобрения федеральным парламентом и законодательными ассамблеями всех провинций. На ратификацию соглашения авторы Мич-Лейка отвели внушительный срок — три года.

Когда текст соглашения был опубликован — в пересказе газетных обозревателей, у Малруни появились значительные шансы на успех. На опросах Мич-Лейк поддержало почти 60% канадцев. Ведь соглашение позволяло найти выход из конституционного тупика. Депутаты парламента

утвердили условия соглашения в 1988 г. огромным большинством — 200 голосами против семи. В поддержку Мич-Лейка высказалась основная часть депутатов всех тогдашних парламентских партий.

Во время избирательной кампании 1988 г. все оппозиционные партии постарались не допускать выпадов против Мич-Лейка. Пользуясь преобладанием стихийных настроений в пользу общенационального примирения, консерваторы сделали Мич-Лейк своим политическим козырем, что во многом позволило кабинету Малруни остаться у власти.

К 1989 г. соглашение ратифицировали подавляющее большинство провинциальных законодательных ассамблей — восемь из десяти. Первым его одобрило Национальное собрание Квебека, вторым — законодательная ассамблея Альберты. Однако против соглашения решительно выступили бывший премьер-министр Трюдо, бывший министр юстиции Кретъен, лидеры индейских и эскимосских ассоциаций, правительство Манитобы. После опубликования полного текста соглашения к ним присоединились поборники гражданских свобод.

Критики Мич-Лейка усмотрели в нем широкомасштабные и потому опасные для страны уступки провинциям, нежелание подтвердить закрепленные в Хартии права и свободы женщин, этнических меньшинств и коренного населения. Чем дальше, тем большее негодование стала вызывать антидемократическая процедура выработки соглашения — в кругу премьеров и их закулисных советников, без предварительного обсуждения текста в законодательных органах.

Масла в огонь подлило принятие квебекским Национальным собранием в конце 1988 г. — при полном бездействии Оттавы — законодательства, сильно урезавшего права англоязычных квебекцев на

использование своего языка в образовании, торговле и т. д. В провинции образовалась англоязычная Партия равенства, подавшая на квебекское правительство в суд.

Судебные приговоры в пользу квебекского правительства в 1989–1990 гг. вызвали бурную реакцию англоканадской общественности во всех провинциях, но особенно — в соседних с Квебеком. Большинство англоязычных средств массовой информации перешло на сторону противников Мич-Лейка. Многие муниципалитеты Онтарио демонстративно объявили себя исключительно англоязычными районами.

В ходе неожиданного для консерваторов напряженного политического противоборства Мич-Лейкское соглашение, несмотря на усилия премьер-министра, поддержанного частью провинций, стало предметом массовых нападок. К 1990 г. оно уже лежало в руинах.

Три провинциальных премьера, ранее ревностно защищавших соглашение, лишились власти в итоге очередных выборов. Новое правительство Ньюфаундленда возглавил Клайд Уэллс, твердый федералист, ранее работавший в секретариате Трюдо. Он сформулировал лозунг, близкий каждому англоканадцу: «Уступки Квебеку? Ни грана, ни йоты, ничего!»

Правительство Уэллса в 1990 г. пошло на почти уникальный шаг — отозвало из провинциальной ассамблеи резолюцию об одобрении Мич-Лейка и снова поставило ее на голосование. Оно дало отрицательный результат.

Завершающий удар Мич-Лейку нанесла другая провинция — Манитоба. «Нет», произнесенное 3 июня 1990 г. депутатом манитобской ассамблеи, новым демократом индейского происхождения Элихью Харпером, означало окончательный крах соглашения.

В спорах вокруг Мич-Лейка Малруни постепенно лишился репутации выразителя и защитника общеканадских интересов. Теперь таковым казался Клайд Уэллс. Будучи главой малонаселенной окраинной провинции, позже других вошедшей в федерацию, он проявил себя гораздо большим государственным деятелем, чем премьер-министр.

К 22 июня 1990 г. соглашение в силу не вступило, превратившись в бесполезный пустой лист бумаги. Федерация же оказалась разъединенной по языковому и региональному принципу глубже и опаснее, чем когда-либо ранее. Вновь оживилась и приобрела значительное влияние на массы Квебекская партия. Правительство квебекских либералов обвинило в «предательстве» всю англоязычную Канаду, объявило Оттаве бойкот и заявило о необходимости борьбы за «суверенитет-ассоциацию».

Термин «Мич-Лейк» стал нарицательным. Он начал олицетворять любую непродуманную инициативу, обреченную на провал. Канада снова оказалась ввергнутой в конституционный кризис. Положение неуклонно выходило из-под контроля центральной власти. Поддержка консерваторов на опросах общественного мнения упала до беспрецедентно низких показателей — 12–15%.

Массовая база поддержки консервативной партии стала откровенно разваливаться. К 1990 г. оформились две новые партии — основанный западноканадцами Канадский альянс и созданный квебекскими сепаратистами Квебекский блок. К новым партиям немедленно присоединились многие бывшие консерваторы, в том числе около десяти депутатов. Лидером Квебекского блока стал старинный приятель Малруни и его бывший министр Люсьен Бушар. Уход Бушара к сепаратистам стал сенсацией и нанес болезненный удар премьер-министру.

К Мич-Лейку прибавились экономические трудности. На рубеже 80-х и 90-х годов Северная Америка пережила очередную депрессию — стагфляцию. Безработица вернулась к 11% рабочей силы, курс национальной валюты снова снизился, дойдя до 75 американских центов, начала расти инфляция.

Уменьшение налогов с ресурсного (особенно нефтегазового) бизнеса обернулось новым увеличением бюджетного дефицита. В борьбе с ним Малруни и его министр финансов Уилсон по опыту британских консерваторов установили в 1989 г. 7-процентный налог с продаж на все товары и услуги. Но состояние экономики только ухудшилось. Последовал очередной спад, перешедший в пятилетний хозяйственный застой. Народные массы пришли в ярость.

Становилось все очевиднее, что «крепкий хозяйственник» Малруни, подобно Беннету, оказался бездарным государственным руководителем. Консерваторы лихорадочно искали выход из положения. Малруни в 1991 г. предпринял новую конституционную инициативу. Ему удалось вернуть за стол переговоров двух «губителей» Мич-Лейка — Ньюфаундленд и Манитобу, а затем родную провинцию — Квебек.

В Шарлоттауне, где в 1864 г. была начата разработка АБСА, Малруни и провинциальные премьеры в 1992 г. согласовали новый конституционный компромисс — Шарлоттаунское соглашение. Его в отличие от Мич-Лейка разрабатывали при открытых дверях, гласно.

В Шарлоттауне федеральный центр полностью отказался от старинного и давно уже не использовавшегося права вето над провинциальными законами. Напротив, каждая провинция получила право вето на будущие конституционные поправки, на кандидатуры сенаторов и верховных судей. В области культуры и трудовых отношений провинциальная

юрисдикция, и без того объемная, отныне становилась безраздельной.

Подтверждалась уникальность квебекского «отдельного сообщества». Квебеку гарантировалось не менее четверти мест в палате общин. Ему были даны исключительные права в защите статуса французского языка, что фактически означало санкционирование провинциального одноязычия и порадовало франкоквебекских национал-сепаратистов.

Уникальность статуса Квебека, впрочем, противоречила другому положению — о равноправии всех провинций. Соглашение таким образом являлось миной замедленного действия.

По предложению Малруни Шарлоттаунское соглашение было вынесено на всенародное голосование. Чтобы вступить в силу, оно должно было получить поддержку большинства не менее чем в семи провинциях с 50% населения страны. Перед избирателями был поставлен вопрос: «Согласны ли вы с обновлением конституции на основе соглашения 1992 года?» На предшествующую референдуму кампанию, отвели два месяца.

Кабинет Малруни и поддерживавшие его правительства Альберты, Британской Колумбии, Нью-Брансуика, Острова Принца Эдуарда доказывали избирателям, что Шарлоттаунский компромисс — уникальный шанс сохранить единое демократическое государство. Иначе начнется отток капитала за рубеж, основы демократического федерализма начнут расшатываться, что превратит Канаду в страну, раздираемую межэтническими убоицами вроде Ливана или Югославии (тогда только что распавшейся).

Поначалу Шарлоттаун поддержали многие газеты и телеканалы, крупные предприниматели, профсоюзные лидеры. Однако большинство оппозиционных партий — общенациональных и провинциальных (Либеральная,

Квебекский блок, Партия равенства, Партия реформ и др.), а также многие массовые общественные организации выступили против соглашения.

Значительный резонанс в стране вызвало осуждение Шарлоттаунского соглашения бывшим премьер-министром Трюдо. Федеральное правительство с разных сторон было обвинено в поспешности, обслуживании узкокорыстных региональных интересов, нагнетании страха, неискренности.

Обращало на себя внимание, что заявившее о поддержке соглашения правительство Британской Колумбии вело агитацию в его пользу вяло и нерешительно. А правительство Онтарио, формально солидаризовавшееся с Малруни, в сущности заняло нейтральную позицию.

Несмотря на краткость кампании, противники Шарлоттауна сумели добиться поворота в настроениях избирателей. На третьем по счету общенациональном канадском референдуме 26 октября 1992 г. 45% пришедших к урнам граждан ответили правительству «да» и 55% — «нет». Принципы Шарлоттауна нашли одобрение у избирателей только трех малонаселенных периферийных провинций — Ньюфаундленда, Нью-Брансуика и Острова Принца Эдуарда, в которых проживает менее одной десятой части канадцев. В ключевой провинции Онтарио голоса избирателей разделились поровну. В родной провинции премьер-министра — Квебеке — 60% избирателей проголосовали против соглашения. Все западноканадские провинции, в которых усилились антиквебекские настроения, проголосовали против, а также Новая Шотландия.

Шарлоттаунское соглашение разделило участь Мич-Лейкского, что означало конец премьерства Брайена Малруни, который ранее хвастливо утверждал, что останется главой правительства до XXI в. В феврале 1993 г. он сообщил о скором уходе в отставку, а в июне

исполнил это намерение. До очередных парламентских выборов оставалось менее пяти месяцев.

Малруни покинул политическую арену буквально осыпаемый проклятиями большинства соотечественников. Занятый конституционной реформой, которую он так и не сумел завершить, он оставил после себя полуразрушенную федерацию и скверное экономическое наследство — безработицу на уровне 11%, дефицит бюджета в 32 млрд. долларов.

Желающий бороться за пост премьер-министра и лидера правящей партии не было. Консерваторы предчувствовали поражение. Виднейшие деятели кабинета Малруни — Уилсон, Кларк, Мазанковски, Кромби, Стивене — демонстративно отказались от депутатских мандатов.

Горькая чашу расплаты за чужие грехи выпала на долю малоизвестной деятельницы консервативной партии, 45-летней англоканадки из Британской Колумбии Ким Кемпбелл. Ввиду малого количества претендентов на партийном съезде она была избрана уже во втором туре голосования. Ее единственным оппонентом был еще менее известный франкоканадец Жан Шаре, получивший, впрочем, 47% голосов.

Кемпбелл быстро образовала новый кабинет из молодых консерваторов, не замешанных в скандалах. Она объявила о намерении «приблизить правительство к народу», сократила количество министров и министерств с 35 до 25. В противоположность предшественникам она не назначала министров-сенаторов. Кемпбелл наметила сокращение федерального госаппарата, обещала отказаться от политического патронажа.

Кемпбелл суждена была судьба Джона Тернера. На несколько недель она стала самой популярной личностью из всех партийных лидеров. В начале предвыборной кампании преимущество было на ее

стороне. Сыграло свою роль то, что она была новой для электората личностью. А затем последовало падение авторитета консерваторов, вскоре принявшее характер обвала. Кемпбелл опрометчиво подтвердила верность приевшейся всем экономической стратегии Малруни и Уилсона — возлагать надежды на саморазвитие экономики ради оздоровления финансов, чем сразу сыграла на руку либералам.

Увлечшись выступлениями перед рядовыми, политически не определившимися избирателями, Кемпбелл пренебрегла общением с активистами консервативной партии и журналистами. Это естественно вызвало непонимание в рядах ее партии и ухудшило отношение к ней со стороны СМИ, которые и без того в своей массе не жаловали федеральных консерваторов.

Кемпбелл и ее советники сильно недооценили нового лидера либеральной партии Жана Кретьена, пренебрежительно считая его «человеком вчерашнего дня» (Кемпбелл на 13 лет моложе Кретьена).

Сразу после избрания Кемпбелл — уроженки и жительницы англоязычного Дальнего Запада, плохо говорившей по-французски, — партийный аппарат консерваторов в Квебеке затрещал по швам. Ранее он держался исключительно усилиями Малруни и его соратников. Тогда Кемпбелл спешно передала молодым и неизвестным публике консерваторам-франкоканадцам ряд министерских постов, ранее принадлежавших англоканадцам. Жана Шаре она сделала министром промышленности и торговли и заместителем премьер-министра, Жиля Луазеля — министром финансов.

К неудовольствию англоязычной Канады, «власть франкоканадцев» в Оттаве при Кемпбелл сохранилась и даже укрепились. Когда подобные демарши предпринимали квебекцы Трюдо и Малруни, это тоже вызывало недовольство в Онтарио и Альберте, но было

по крайней мере понятно. Когда то же самую линию продолжила англоканадка-протестантка с Тихоокеанского побережья, раздражение многих англоканадцев вылилось в гнев. Бегство же политиков из правящей партии в Квебекский блок Люсьена Бушара остановить все равно не удалось.

Серьезным промахом Кемпбелл стала ее неготовность отказаться от военно-экономической сделки на сумму свыше 4 млрд. долл. — покупки новейших вертолетов для слежения за «советскими подводными лодками». Тем самым Кемпбелл сделала себя уязвимой перед обвинениями в милитаристских устремлениях и в противодействии выделению средств на насущные нужды — борьбу с экономическими трудностями. Находясь в столь невыгодном стратегическом положении, консерваторы усугубили его тактическими ошибками.

Всеобщие выборы 25 октября 1993 г. ознаменовались сразу несколькими сенсациями.

Консервативная партия потерпела сокрушительное поражение, какого не знала никогда ранее. Доля голосов консерваторов упала с 43% до 16% избирательного корпуса. Из 169 депутатских мест, полученных в 1988 г., они удержали всего два, проиграв во всех регионах и провинциях страны. Партия не сохранила ни одного мандата даже в Онтарио и западноканадских провинциях, бывших ранее ее оплотами. С первого места в федеральной политике консерваторы оказались отодвинутыми на пятое.

Все консервативные министры, кроме Жана Шаре, лишились мест в палате общин. Потерпела поражение и Кемпбелл, забаллотированная избирателями родного Ванкувера. Она проиграла малоизвестной активистке Либеральной партии. В соответствии с обычаем Ким Кемпбелл немедленно отправилась к генерал-губернатору и подала в отставку. Ее власть длилась

немногим более 100 дней — меньше, чем правление Кларка.

Консервативная партия опять попала в период междуцарствия. Новый лидер Шаре вскоре ушел в отставку — предпочел стать вождем квебекских либералов. Ему на смену консерваторы избрали бывшего премьер-министра Джозефа Кларка, который на пороге 60-летия согласился вернуться в политику. Но Кларку удалось восстановить массовую опору партии только в малонаселенных слаборазвитых Атлантических провинциях. Его родина — Альберта — до сих пор остается вотчиной Канадского альянса.

Либеральная партия в 1993 г. впервые за 30 лет получила места во всех канадских провинциях. Она одержала победу в густонаселенном Онтарио и — впервые со времен Сен-Лорана — совершила прорыв на Дальнем Западе. При 40% голосов партия завоевала абсолютное большинство в палате общин.

Сенсационного успеха добилась национал-сепаратистская партия — Квебекский блок, объединившая многих бывших консерваторов и отдельных провинциальных либералов, а также активистов Квебекской партии. С 54 депутатскими местами блок стал официальной оппозицией. До сих пор это единственный пример в истории человечества, когда партия, открыто призывающая к расчленению страны и суверенизации одной из ее составных частей, является официальной оппозицией.

На третье место вышла еще одна молодая политическая сила — правоцентристский и децентрализаторский Канадский альянс (тогда называвшийся Партией реформ). Он завоевал 52 мандата и победил в двух быстро развивающихся западноканадских провинциях — Альберте и Британской Колумбии.

Обе новоявленные партии сполна пожали плоды борьбы, которую они вели против Мич-Лейка и Шарлоттауна.

Тяжелое поражение потерпела Новая демократическая партия, которая удержала только 9 мест из 44, завоеванных в 1988 г. Новым демократам пришлось расплатиться за поддержку конституционных инициатив Малруни. В определенной мере влияние социалистов подорвало и не зависевшее от них внешнеполитическое событие — крушение Советского Союза. С третьего места, которое социалисты занимали 60 лет, они сместились на четвертое.

Федеральная партийная система Канады в 1993 г. обрела черты многопартийности европейского типа.

Двадцатым по счету премьер-министром федерации стал Жан Кретьен. С этим лидером страна вступила в XXI век. К власти в четвертый раз пришел премьер-министр-квебекец. С 1968 г. пост премьер-министра практически без перерыва занимают квебекцы. Победа Кретьена продолжает данную тенденцию, вызванную к жизни необходимость сохранения единства страны. В отличие от Лорье, Сен-Лорана и Трюдо Кретьен — франкоканадец по обоим линиям.

Кретьен — одна из типичных французских фамилий. Предки Жана Кретьена перебрались в Канаду в XVII в. из долины Луары.

Подобно Малруни, Жан вырос в рабочей семье, в отличие от Малруни — в семье активиста либеральной партии. В семье царил не франко-квебекский национализм, а культ канадского единства в духе Анри Бурассы. Со времен введения всеобщего избирательного права Кретьены голосовали только за либералов, о чем знала вся округа. Жан Кретьен приступил к агитации за либеральную партию уже в 15-летнем возрасте.

«Вы — проклятый либерал», — сердито и вместе с тем добродушно сказал провинциальный премьер Морис

Дюплесси, узнав фамилию стоявшего перед ним студента Лавальского университета.

Карьере Кретьена — бакалавра права, способствовала постоянная нехватка франкоканадских федералистов в политическом мире Оттавы. В 29-летнем возрасте начинающий адвокат стал депутатом, в 33-летнем — министром без портфеля в кабинете Пирсона. Его политическими наставниками были Митчелл Шарп и Пьер Трюдо. В Оттаве молодому франкоканадцу пришлось осваивать английский язык. На нем он до сих пор говорит с неподражаемым акцентом.

В кабинете Трюдо Кретьен занимал самые разные посты. Впервые он получил известность на посту министра индейцев и Севера; по его настоянию проекты освоения арктических территорий обсуждались в условиях гласности, было ускорено развитие транспорта и сферы услуг к северу от 60-й параллели. Позже Кретьен стал первым франкоканадцем — министром финансов. На этом посту он зарекомендовал себя противником этатизма и снизил налоги с предпринимателей и корпораций.

В 80-х годах Кретьен на посту министра юстиции сыграл важную роль в конституционной реформе. Тогда же он породнился с крупным монреальским предпринимателем Полем Демаре, выдав дочь за его сына.

На партийном съезде 1984 г. Кретьен баллотировался в лидеры, но во втором туре проиграл Тернеру. С ним он не смог найти общего языка и вскоре отошел от политики. Тогда же опубликовал имевшие коммерческий успех воспоминания «Прямо из сердца». Зато на съезде 1990 г. он был бесспорным фаворитом и победил в первом же туре.

В 1993 г. ситуация настолько благоприятствовала либералам, что Кретьену не пришлось сражаться в полную силу. Он вел против загнанных в угол

консерваторов весьма сдержанную, цивилизованную кампанию, критикуя их политику и планы, но не нападая на Кемпбелл и ее министров-новичков.

Кретъен сформировал правительство из 12 англоканадцев, 10 франкоканадцев и трех «этнических» канадцев. Он назначил самого необычного генерал-губернатора в истории страны — канадскую китаянку Адриенну Кларксон, много лет проработавшую на радио и телевидении.

Видную роль в его кабинете играют министр финансов, бывший предприниматель и менеджер Поль Мартин и бывший мэр Торонто Артур Иглтон. Министерские посты разделены почти поровну между политиками до 45 лет и ветеранами правящей партии.

Будучи в оппозиции, многие либералы критически относились к североамериканской свободной торговле. Но к 1994 г. партийное руководство пришло к выводу, что долгосрочные выгоды фритреда перевешивают его издержки. Поэтому кабинет Кретъена занял позицию, выражаемую старинным термином: «Договоры должны соблюдаться». Североамериканский блок свободной торговли сохранился и расширяется. В 1994 г. в него вступила Мексика. В конце 90-х годов о намерении присоединиться к блоку заявили Чили и Бразилия.

Правительство либералов укрепило долгосрочность, гласность и отчетность в экономической политике Оттавы.

Экономическая программа либералов была обнародована в 1993 г. в форме небольших «красных буклетов». Они во многом были основаны на опыте преодоления бюджетного дефицита правительствами Онтарио и Альберты. В «красных буклетах» содержались цифры о запланированных на десять лет вперед государственных расходах с их разбивкой по статьям и с точным указанием бюджетных источников поступления средств. Был выделен специальный резервный фонд с

целью уменьшения дефицита. Программа, которой кабинет руководствуется до сих пор, соединяет, казалось бы, несовместимое — широкомасштабные общественные работы, переквалификацию значительных масс рабочих и служащих, субсидии студенчеству и оздоровление федеральных финансов.

О продуманности и действенности программы говорит устранение к концу 90-х годов колоссального бюджетного дефицита, с которым не справились Трюдо и Малруни. 1998 г. стал в Канаде первым за последние 50 лет бездефицитным годом. Дефицит был преодолен при сохранении почти всех прежних социальных пособий и небольшом сокращении выплат провинциям. А уровень безработицы удалось снизить до 9% рабочей силы.

Первая причина успешной экономической политики Кретьена и Мартина — тщательная продуманность и выверенность ее цифровых ориентиров. Вторая — последовательное сокращение расходов на госаппарат (его численность по наметкам Кемпбелл либералы за десять лет снизили на 15%). Третья — щадящее и дозированное урезание расходов на здравоохранение и пособий безработным. В целом их за 5 лет сократили менее чем на 20%. Важно и то, что либералы поставили в известность о нем страну заранее — еще будучи в оппозиции. Прочие федеральные пособия и пенсии с их антиинфляционными надбавками остались неприкосновенными. Так выглядит современный канадский вариант побуждения трудоспособных к работе и справедливой социальной политики по отношению к престарелым и инвалидам.

Заметим, что дело тут не только в поддержании социальной справедливости. Пенсионеры составляют почти 20% канадцев, поэтому высокие пенсии значительно подпитывают массовый спрос. А без этого вряд ли возможно здоровое экономическое развитие.

Четвертая причина — отказ от наращивания военных расходов. Кретъен отказался от дорогостоящей покупки новых боевых вертолетов, запланированной Малруни и Кемпбелл. Канадские вооруженные силы не участвовали в боях в Персидском заливе, в военных действиях против Афганистана и в бомбардировках Сербии.

Оздоровление финансов, почти не причинившее ущерба народу, позволило Оттаве в конце 90-х годов вернуться к активной социальной политике. В ней все большее место занимают целевые, адресные федеральные выплаты. В то же время сохраняется линия Малруни на упрощение структуры федеральных социальных программ.

Характерно, что либералы за 10 лет выполнили почти все обещания 1993 г. Правительства Кретъена-Мартина пользуются репутацией честного правительства.

Из этого правила есть, впрочем, исключение — либералы не отменили 7-процентного налога на товары и услуги, как обещали во время борьбы за власть. Недовольство избирателей уже стоило мандатов нескольким министрам, но не помешало переизбранию правительства на всеобщих выборах 1997 и 2000 гг.

Жан Кретъен стал первым после Кинга премьер-министром, три раза подряд побеждавшим на выборах с абсолютным большинством.

К настоящему времени либералы, пользуясь улучшением экономического положения, основательно потеснили Квебекский блок. Он утратил многие из завоеванных ранее депутатских мест. С 2000 г. федеральные либералы контролируют половину квебекских округов.

Оттаве удалось также существенно уменьшить опасность, исходящую из рядов Квебекской партии.

В 1995 г. провинциальное правительство Жака Паризо — столь же упорного национал-сепаратиста, как

и Рене Левек, — провело второй референдум о будущем Квебека с той же формулировкой вопроса, что и в 1980 г.

Антифедералисты сполна воспользовались постепенным уменьшением безработицы и разорением ранее весьма многочисленных мелких промышленников Квебека. На руку оказалась и самоуверенность оттавских федералистов, настроившихся на легкую победу. Премьер-министр Кретъен, в противоположность Трюдо, не счел нужным непосредственно участвовать в кампании. Он доверил руководство ею квебекскому уполномоченному партии Андре Уэллету, не освобождая его от обязанностей министра иностранных дел.

В отличие от 1980 г. Оттава не призвала на помощь провинциальных премьеров, а сами они остались безучастными.

Сепаратистам Паризо в 1995 г. ответили «Да» уже 49% избирателей. Федералисты же, которых поддержал 51% квебекцев, потерпели ощутимое тактическое поражение.

Сторонники канадского единства победили главным образом в многоэтнических округах. В большинстве же районов компактного проживания франкоканадцев уверенно взяли верх сепаратисты.

Ответом Оттавы стало смещение сразу пяти министров, не внесших вклада в референдум. В том числе из правительства был исключен ее квебекский уполномоченный, ветеран правящей партии Андре Уэллет.

В 1996 г. по предложению кабинета парламент после недолгих дебатов официально объявил Квебек «отдельным сообществом», имеющим право на самостоятельную политику в области языка, культуры и иммиграции. Фактически давно существовавший «специальный статус» Квебека получил отныне конституционно-правовое оформление.

Уступка Квебеку возымела действие — на всеобщих выборах рубежа XX и XXI вв. либералы отобрали немалую часть мандатов у Квебекского блока. Последний лишился статуса официальной оппозиции, перешедшего к менее опасной для Оттавы политической силе — Канадскому альянсу. Это ускорило уход Бушара на провинциальную политическую арену. Равноценной ему замены у Квебекского блока пока не нашлось. Сменивший Бушара неопытный и не обладающий ораторским талантом Жиль Дюсепп не смог придать действиям блока нового импульса.

А федеральный кабинет обратился в Верховный суд с просьбой выяснить, допустимо ли отделение Квебека, на котором настаивают сепаратисты.

Пока суд разбирал иск, федеральная власть неустанно напоминала квебекскому правительству, что в канадском конституционном праве не предусмотрен механизм отделения, что суверенизация провинции невозможна без урегулирования старых (почти вековых) территориальных споров между Онтарио, Квебеком и Ньюфаундлендом. Оттава также заявила, что если Квебек собирается отделиться, то он должен сначала выплатить свою часть канадского государственного долга (свыше 40 млрд. канадских долларов из 180 млрд.) и вернуть в федеральное казначейство всю канадскую валюту, имеющуюся у его жителей.

Против идеи квебекской суверенизации между тем решительно выступают северокебекские индейские племена, на землях которых расположены многие перспективные месторождения полезных ископаемых. Их вожди заявили, что в случае отделения провинции они тоже отделятся от нее, ибо согласны жить в двуязычной Канаде, но не собираются оставаться во франкоязычном государстве.

После двухлетнего разбирательства иска Оттавы Верховный суд федерации в 1998 г. принял

единодушное решение любое одностороннее отделение (сецессию) провинции считать противозаконным и несовместимым с конституцией. От этого контрудара квебекские национал-сепаратисты всех направлений пока не оправились. Они голословно осуждают «несправедливый» вердикт верховных судей, но до сих пор не могут назвать ни одной статьи конституции или законодательства, которая была бы ими нарушена.

На пути национал-сепаратизма поставлены дополнительные правовые заслоны, прочность которых невозможно измерить в килограммах взрывчатки или количестве танков.

* * *

Свыше двух веков Канада следует по самобытному историческому пути — без массовых восстаний, гражданских войн и сецессий.

Благодаря законопослушности большинства граждан, нацеленности общества на компромисс и отдаленности от очагов крупнейших военных конфликтов Канада стала демократической федерацией. По тем же причинам она смогла превратить политическую демократию — поначалу формальную и верхушечную — в зрелую экономическую демократию. В стране суровые природные условия — недолгое лето и затяжная зима, в ней за 135 лет сменились 20 премьер-министров и несколько десятков министров финансов, но Канада — одно из немногих государств, где низкооплачиваемые граждане образуют меньшинство населения — не более 12%. В 30-миллионной разноязычной стране есть криминальные элементы, которые подделывают документы, грабят банки и распространяют наркотики, но удивительно редко покушаются на чужие жизни.

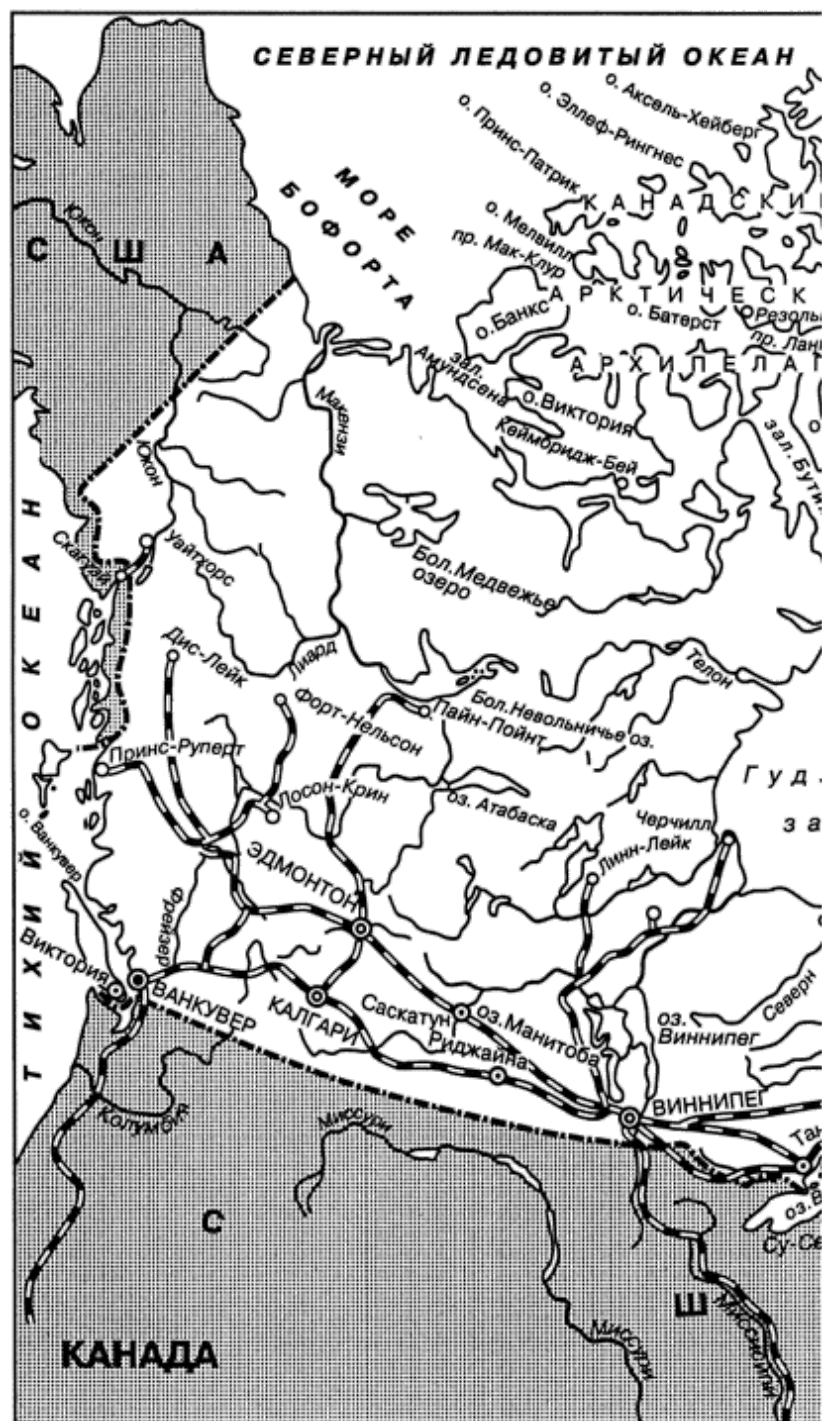
Более половины канадской территории занято тундрой, тайгой, болотами, озерами и скалами. В страну десятками тысяч прибывают иммигранты со всех концов света, но при этом нет очередей на «улучшение жилищных условий».

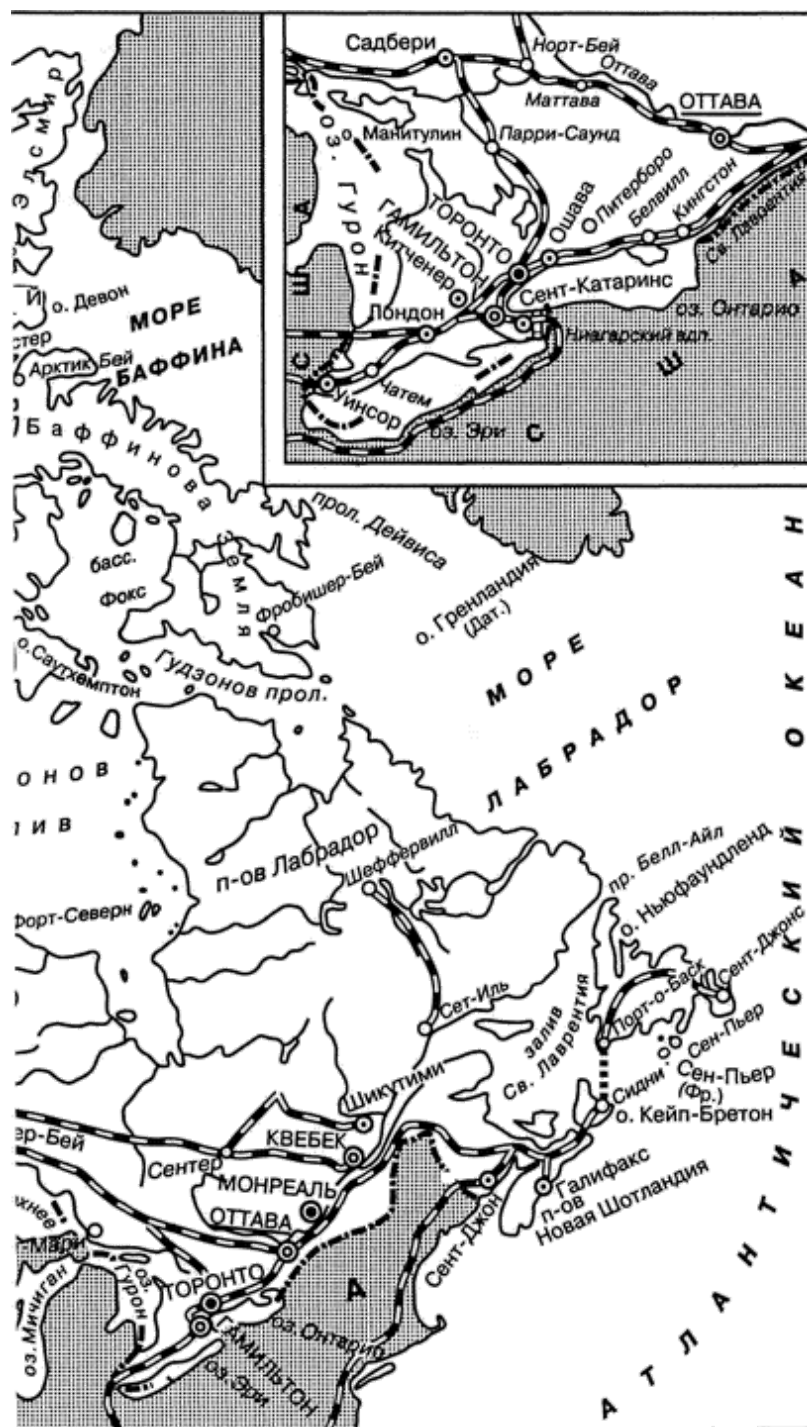
За последних сорок лет много сказано и написано о кризисе Канадской федерации. Однако он протекает в рамках обновляемой с соблюдением всех процедур конституции. На основании конституционных норм и действующего законодательства происходит расширение провинциальных полномочий при сокращении некогда очень большой власти центра. Судя по всему, это не кризис, а эволюция демократического федерализма.

При этом к двадцать первому столетию канадский федеральный центр смог — по крайней мере на обозримое будущее — сокрушить национал-терроризм молодежи и в очередной раз изолировать откровенные сепаратистские силы.

Невзирая на открытую канадо-американскую границу, канадское общество сохраняет немалую самобытность. Канадские телеканалы показывают не только американские боевики. Меньше загрязнены города, лучше сохранилась природа. Двуязычная федерация предпочитает оставаться монархией. Природоохранное и пацифистское движение влиятельнее, чем в США.

Сохраняет поэтому силу афоризм «Канада — это капитализм с человеческим лицом».





Хронология

Не ранее 986 г.: Первое плавание норманнов в «Винланд». Гибель последних норманнских колонистов.

Около 1349: Плавание графа Оркнейского из Шотландии в Акадию.

1398: Плавание Джона Кабота. Открытие Ньюфаундленда.

1497-1498: Канада впервые нанесена на географические карты.

1508: Провозглашение французского суверенитета над Канадой.

1534-1543: Начало регулярного рыболовного промысла европейцев у берегов Ньюфаундленда.

Около 1550: Арктические плавания Мартина Фробишера.

1580-е годы 1583: Провозглашение Англией притязаний на Ньюфаундленд (оспорены Францией и Португалией).

1603-1615: Экспедиция Шамплейна и Брюля. Основание Пор-Ройяла в Акадии. Основание Квебека. Плавание Генри Гудзона. Предъявление Англией притязаний на Акадию.

1605: Основание Новой Шотландии. Основание Монреаля. Преобразование Новой Франции в королевскую колонию.

1664: Выход в Париже «Истории Канады» Франсуа Дюкре на латинском языке.

1665-1670: Образование Компании Гудзонова залива.

1672-1708: Губернаторство Луи де Фронтенака.

1690: Победа французов над англичанами под Квебеком.

1700: Основание Луизианы.

1701: Окончание Ирокезской войны.

- 1710: Основание Пор-Ле-Жуа.
- 1713: Утрехтский мир. Захват Англией Акадии и Ньюфаундленда.
- 1735: Открытие шоссе между Квебеком и Монреалем.
- 1744: Опубликование в Париже «Истории и общего описания Новой Франции» Пьера Шарлевуа.
- 1749: Основание англичанами Галифакса.
- 1752–1760: Губернаторство Пьера Риго де Водреля.
- 1754: Победа французов над Вашингтоном.
- 1755: Выселение акадийцев из Новой Шотландии.
- 1758: Сражение при Форт-Карильоне и падение Луисбура.
- 1759: Победа Уолфа над Монкальмом и занятие англичанами Квебека.
- 1760–1766: Губернаторство Джеймса Мюррея.
- 1761: Капитуляция Монреаля.
- 1763: Парижский мир. Преобразование Новой Франции в Квебек.
- 1763–1765: Восстание Понтиака.
- 1768–1786: Губернаторство Гая Карлтона.
- 1774: Издание Квебекского акта.
- 1774: Постановка первой канадской пьесы в Галифаксе.
- 1775–1776: Отражение британскими войсками американского вторжения в Квебек.
- 1775–1777: Антиколониальные восстания в Новой Шотландии.
- 1778: Основание «Монреал газетт».
- 1782–1784: Прибытие лоялистов.
- 1784: Образование Нью-Брансуика.
- 1787–1790: Антиколониальные выступления лоялистов в ряде мест.
- 1791: Издание Конституционного акта. Раздел Квебека на Нижнюю и Верхнюю Канаду.
- 1793: Основание Форта-Йорка (Торонто).

1794: Антиколониальные волнения в Нижней Канаде.
1806–1810: Издание газеты «Ле Канадье».
1809: Плавание первого канадского парохода по реке Св. Лаврентия.
1812–1814: Вторая англо-американская (Канадская) война.
1813: Гибель Текумсе.
1816–1828: Губернаторство Джорджа Дальхаузи.
1816: Первые антирабочие законы в Новой Шотландии.
1817: Основание Монреальского банка.
1818: Территориальное размежевание со США у Великих озер.
1821: Основание Форт-Эдмонта.
1824: Основание Квебекского Литературно-исторического общества.
1825: Создание профессионального театра в Монреале.
1827: Основание Макгильского университета.
1829: Основание Верхнеканадского банка в Торонто.
1836: Открытие первой железной дороги в Нижней Канаде.
1837–1838: Антиколониальное восстание Маккензи — Папино.
1838–1839: Губернаторство герцога Дарэма. Вооруженное противоборство на канадо-американской границе.
1840: Объединение Нижней и Верхней Канады.
1842: Территориальное размежевание со США в Аллеганских горах.
1843–1846: Издание многотомной «Истории Канады» Франсуа Гарно.
1844: Основание Общества Иоанна Крестителя в Квебек-Сити и газеты «Глоб» в Торонто.
1846: Территориальное размежевание со США и Испанией на Дальнем Западе.

1847–1922: Александр Белл, ученый и изобретатель.
1848: Образование ответственного правительства.
Амнистия участникам восстания Маккензи — Папино.
1850: Основание Торонтского университета.
1851: Преобразование квебекской семинарии в Лавальский университет.
1852: Основание Торонтской фондовой биржи.
1853: Учреждение канадского доллара.
1854: Официальная отмена феодальных правоотношений в Квебеке.
1855: Образование «ответственного правительства» на Ньюфаундленде.
1860–1946: Эрнест Сетон-Томпсон, писатель.
1864–1866: Конституционные конференции в Шарлоттауне и Квебеке. 1865–1871: Отражение набегов фениев с территории США.
1866: Принятие Квебеком французского Гражданского кодекса.
1867: Принятие Акта о Британской Северной Америке. Образование доминиона.
1868: Выкуп Северо-западных территорий у Компании Гудзонова залива.
1869–1885: Строительство Тихоокеанской магистрали.
1869–1944: Стивен Ликок, писатель.
1870: Первое Северо-западное восстание. Временное правительство на Ред-Ривер.
1871: Присоединение Британской Колумбии. Канада становится тихоокеанской державой.
1872: Закон о свободном занятии западных земель.
1872: Основание Ассоциации канадских промышленников.
1874: Изобретение Александром Беллом телефона.
1875: Отмена феодальных правоотношений на Острове Принца Эдуарда.
1875–1958: Роберт Сервис, поэт.

1880-1913: Луи Эмон, писатель.
1885: Второе Северо-западное восстание.
1885: Основание первого национального парка.
1886: Основание Ванкувера.
1887: Основание Виннипегской зерновой биржи.
1887: начало созыва конференций провинциальных премьеров.
1888-1938: Серая Сова (Арчибальд Белани), натуралист.
1892: Основание газеты «Торонто стар».
1892: Начало проведения хоккейных чемпионатов.
1895: Переход к политике одноязычия в Манитобе.
1895: Последняя «военная тревога» на канадо-американской границе.
1897-1903: «Золотая лихорадка» на Клондайке
1898: Выделение Юкона в отдельную территорию.
1899: Прибытие в доминион духоборов из России.
1899-1902: Участие доминиона в англо-бурской войне.
1900: Основание «Народных касс» в Квебеке.
1901: Основание Ассоциации канадских банкиров.
1905: Основание Ассоциации хлеборобов.
1905: Образование Саскачевана и Альберты.
1906-1987: Уолтер Гордон, предприниматель и общественно-политический деятель.
1908-1964: Арман Бомбардье, изобретатель и предприниматель.
1909: Первый полет самолета в Баддеке (Новая Шотландия).
1910: Основание газеты «Девуар» в Монреале.
1911-1912: Переход Арктического архипелага под юрисдикцию доминиона.
1912: Установление одноязычия в Онтарио.
1912: Начало пограничного спора между Онтарио и Квебеком.

1912: Первые ковбойские соревнования (родео) в Альберте.

1913–1980: Маршалл Маклюэн, философ.

1914–1918: Участие доминиона в Первой мировой войне.

1915–1920: Многотомная «История Канады и ее провинций».

1916: «Мария Шапделен» Луи Эмона.

1917: Введение всеобщей воинской повинности — Конскрипции. Первый конскрипционный кризис. «Выборы хаки».

1917: Основание Национальной хоккейной лиги.

1919: Подписание Канадой Версальского мира. Вступление страны в Лигу Наций.

1919: Всеобщая забастовка рабочих и служащих Виннипега.

1919–2000: Пьер Трюдо, общественный и государственный деятель.

1921: Первое самостоятельное заключение Канадой международного договора помимо Великобритании.

1921–1935: Правительство прогрессистов в Альберте.

1924: Установление дипломатических отношений с нашей страной (разорваны в 1929, восстановлены в 1942).

1926: Кризис Бинга-Кинга.

1927: Закон о пенсиях престарелым.

1927: Начало пограничного спора между Квебеком и Ньюфаундлендом.

1927: Установление прямых канадо-американских дипломатических отношений.

1930: Вступление в силу Вестминстерского статута.

1930–1935: «Великая депрессия». Коалиционное правительство в Манитобе. Правительства социального кредита в Альберте.

1932–1958: Правительства Национального союза в Квебеке.

1935–1971: Участие канадских добровольцев в Испанской гражданской войне. Изобретение Арманом Бомбардье снегохода (сноумобиля).

1936–1960, с перерывами: Участие доминиона во Второй мировой войне.

1936–1938: Соглашение со США о совместной обороне и военном сотрудничестве. Введение федеральных пособий безработным. Второй конскрипционный кризис.

1937: Нормандская десантная операция. Образование Объединенной канадской церкви.

1939–1945: Закон о федеральных выплатах на детей. Действия канадского экспедиционного корпуса во Франции, Бельгии и Северной Германии.

1940: Начало правления социалистов в Саскачеване.

1940: «Атомный скандал» в Оттаве. Замораживание канадо-советских отношений (до 1954).

1939–1942: Начало разработки нефтегазовых залежей Альберты.

1944, 6 июня -25 июля 1944: Принятие закона о канадском гражданстве. Первое участие канадской команды в Олимпийских играх. Вступление доминиона в НАТО. Вхождение Ньюфаундленда в состав доминиона.

1951: Прекращение состояния войны с Германией. Участие в подписании Сан-Францисского мира с Японией.

1953: Основание шекспировского фестиваля в Стратфорде.

1955: Начало продажи канадской пшеницы в СССР

1956–1957: Участие Канады в урегулировании ближневосточной войны.

1957–1960: Начало хозяйственного освоения Канадской Арктики.

1960-е годы: «Тихая революция» в Квебеке.

1962: Завершение сооружения трансканадской автомобильной магистрали.

1962: Запуск Канадой искусственного спутника Земли.

1962–1963: «Ракетный кризис». Ввоз американских ядерных ракет «Бомарк» на территорию доминиона.

1963–1968: Серия террористических актов в Квебеке.

1962: Принятие закона о канадском флаге.

1964: Забастовка частных медиков в Саскачеване.

1965: Реформа сената.

1965: «Оплакивание нации» Джорджа Гранта.

1967: Всемирная выставка в Монреале.

1968: «Белые негры Америки» Пьера Валье.

1969: Провозглашение политики двуязычия на федеральном уровне и в Нью-Брансуике.

1970: «Октябрьский кризис».

1970: Образование «Гринписа» в Ванкувере. 1970–1981 Деятельность Комитета за независимую Канаду.

1971: Первый обмен визитами глав правительств Канады и нашей страны (П. Трюдо — А. Косыгин).

1972: Подписание канадо-американского соглашения об очистке Великих озер.

1972–1975: Создание системы спутниковой связи.

1972: Вывоз американских ракет «Бомарк» из страны.

1972–1974: «Наилучшее правительство» в Оттаве.

1973 Закон о ежеквартальном индексировании пенсий.

1973: Вердикт Верховного суда Канады о законности двуязычия.

1973–1974: Энергетический кризис. Закон о контроле над иностранным капиталом.

1974–1977: Принятие Квебеком законов о единомыслии.

1975: Принятие Канады в «семерку».

1976: Летняя Олимпиада в Монреале.

1976–2005: С перерывами — правительства Квебекской партии.

1977: Упразднение двойного (канадо-британского) гражданства.

1980: Первый квебекский референдум.

1980: Принятие закона о национальном гимне.

1980: «Марафон надежды» безнадежно больного подростка Терри Фокса.

1980–1985 Национальная энергетическая программа.

1982: Завершение патриации конституции. Принятие Конституционного акта.

1983: Провозглашение политики двуязычия в Манитобе.

1984: Завершение территориального конфликта между Новой Шотландией, Массачусетсом и Мэном. Вердикт Международного Гаагского трибунала в пользу Канады.

1984–1985: Испытания крылатых ракет в Альберте.

1986: Всемирная выставка «ЭКСПО-86» в Ванкувере.

1987: Создание Партии реформ (Канадского альянса).

1988 Зимняя Олимпиада в Калгари.

1987–1990: Мич-Лейк и его провал.

1988: Заключение канадо-американского соглашения о свободной торговле.

1989: Создание Партии равенства.

1990: Образование Квебекского блока.

1990: Вступление Канады в Организацию американских государств.

1990–1995: Правительство новых демократов в Онтарио.

1990: Провозглашение двуязычия в Онтарио.

1991–1992: Шарлоттаунская конституционная инициатива и ее провал.

1992: Первые в канадской истории массовые межрасовые беспорядки в Торонто.

1993: Разгром консервативной партии на всеобщих выборах. Квебекский блок — официальная оппозиция в

Оттаве.

1994: Принятие Квебеком нового гражданского кодекса.

1995: Второй квебекский референдум.

1995: Провозглашение двуязычия в Британской Колумбии.

1996: Резолюция федерального парламента об исключительной юрисдикции Квебека над языком и культурой.

1997: Консолидация позиций либералов на всеобщих выборах. Переход статуса официальной оппозиции к Канадскому альянсу.

1998: Вердикт Верховного суда Канады о незаконности отделения Квебека.

1999: Принятие первого за 40 лет бездефицитного федерального бюджета.

1999: Вступление в силу всех условий канадо-американского соглашения о свободной торговле.

2000: Третья подряд победа либеральной партии на всеобщих выборах.

2003: Жана Кретьена на посту премьер-министра сменяет Пол Мартин.

2005: Победа квебекских либералов над Квебекской партией на очередных провинциальных выборах.

2006: Победа Консервативной партии Канады на федеральных выборах завершила двенадцатилетнее правление либералов.

Премьер-министры Канады

1867-1873,1878-1891 ... Джон Макдональд
1873-1878 ... Александр Маккензи
1896-1911 ... Уилфред Лорье
1911-1920 ... Роберт Борден
1920-1921,1926 ... Артур Мейген
1921-1930 (с перерывом), 1935-1948 ... Уильям Кинг
1948-1957 ... Луи Сен-Лоран
1957-1963 ... Джон Дифенбейкер
1963-1968 ... Лестер Пирсон
1968-1984 (с перерывом) ... Пьер Трюдо
1979-1980 ... Джозеф Кларк
1984 ... Джон Тернер
1984-1993 ... Брайен Малруни
1993 ... Ким Кемпбелл
1993-2003 ... Жан Кретьен
2003-2006 ... Пол Мартин
2006- ... Стивен Харпер

Библиография

- Архенгольц И.* История Семилетней войны. М., 2001.
- Бейклесс Д.* Америка глазами первооткрывателей. М., 1969.
- Бестон Г.* Река Святого Лаврентия. М., 1985.
- Гуляев В.* Плавания в доколумбову Америку. М., 1991.
- Данилов С.* Канадская политическая элита. Социокультурные характеристики. М., 1985.
- Данилов С., Черкасов А.* 12 лиц Канады. Канадские провинции и территории. М., 1987.
- Данилов С.* Политико-государственный механизм современной Канады. М., 1991.
- Канада 1918–1945.* Ист. очерк. М, 1976.
- Квасов А.* Финансовый капитал и финансовая олигархия Канады. М., 1989.
- Моуэт Ф.* Мое открытие Америки. М., 1987.
- Мэхен А.* Влияние морской силы на историю. М., 2001.
- Национальные проблемы Канады.* М., 1972.
- Ньюмен П.* Канадский истэблишмент. М., 1980.
- Поздеева Л.* Канада в годы Второй мировой войны. М., 1986.
- Распад Британской империи.* М., 1964.
- Реферовская Е.* Французский язык в Канаде. Л., 1972.
- Сили Д.* Британская империя. М., 2004.
- Сороко-Цюпа О.* История Канады. М., 1985.
- Тишков В., Кошелев А.* История Канады. М., 1982.
- Федерализм: теория и история развития.* М., 2000. Гл. 3.
- Фурсова Л.* Иммиграция и национальное развитие Канады. М., 1975.
- Харботтл Т., Брюс Дж.* Битвы в мировой истории. М., 1993.
- Bothwell R. et al.* Canada since 1945. Toronto 1998.

The Canadian Encyclopedia. Vol. 1-4. Edmonton 1989.
Creighton D. A Story of Canada. Toronto 1985.
George P. Le Quebec. Paris 1980.
Levesque R. Memoirs. Toronto 1989.
Lotz J. Prime Ministers of Canada 1867-1987. London 1987.
McNaught K. A Pelican History of Canada. London 1990.
Morton D.A. A Short History of Canada. 5 ed. Toronto 2001.
Seventeen Men. Canadian Prime Ministers from Macdonald to Mulroney. Toronto 1992.
Trudeau P. Federalism and French Canadians. New York 1977.
Trudeau P. Memoirs. Toronto 1997.
Valden A. The Imaginary Canadian. Vancouver 1990.
Verney D. Canada's Political Traditions. Durham 1986.
Woodcock G. A Social History of Canada. London 1990.

На обложке, озеро Морэйн, Национальный парк Банф, Альберта. Фото Анастасии Синявской